КЛ
Г70

В. А. ГОРОХОВ

I Интернационал и русский социализм

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1911

1 экз.
КЛ
Г 70

В. А. ГОРОХОВ

I-й ИНТЕРНАЦИОНАЛ
И
РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ

„НАРОДНОЕ ДЕЛО“—
РУССКАЯ СЕКЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

1864—1870 гг.

„... И мысль наша, крещеная в революционном миросозерцании всемирного народного пролетариата, пройдет всюду, куда зовет ее пропаганда народного дела“...

(„Народное Дело“ 1869 г. № 7—10, стр. 148).

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
143996

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1925

2-й экз

335.5:327.32

Отпечатано в 10-й типографии
„Заря Коммунизма“—„Мосполиграф“, Чистые пруды, д. № 8,
в количестве 5000 экз. Главлит
№ 38712 Зак. № 1464. Москва.

ВВЕДЕНИЕ

В конце 60-х и в начале 70-х годов в Швейцарских кружках русской эмиграции и учащейся молодежи подводился итог социалистическим движениям 60-х годов и залагались основы нового социально-революционного движения. Как ни малочисленны были эти кружки, сколько ни примешивались к идейным разногласиям фракций личные столкновения, мы не можем отказать теоретической работе Швейцарской колонии в большом идеологическом значении.

В течение 60-х годов, начиная с выступления Чернышевского и „Современника", внутри России шел процесс ознакомления „разночинной интеллигенции" с западными социалистическими учениями, а одновременно и процесс ее революционизирования. Принципы социализма были усвоены ею с энтузиазмом, а политическая реакция и вообще ожидание всероссийского крестьянского восстания — следствия недостатков освобождения 19 февраля—направили ее стремления в сторону социально-революционной деятельности и тайной организации. Кружки радикально настроенной молодежи еще в конце 50-х годов начали возникать в целом ряде городов, а в 60-х годах не прекращались попытки их об'единения в единую партию с общей программой действий [1]). Чем дальше, тем яснее выступали социалистические тенденции движения, но они не могли еще достаточно оформиться, и в итоге получилось хаотическое стечение самых разнообразных социально-революционных идей и приемов. В программных взглядах того времени мы можем найти и от-

[1]) „Земля и Воля (1861—64 гг.): „Центральный Революционный Комитет" („Молодой России"), (1862). „Организация" Ишутина и Каракозова (1863—1866).

звуки утопического коммунизма, и более новые принципы потребительных и производительных ассоциаций, и социалистическое толкование роли русской общины, и отголоски прудоновского федерализма. То же разнообразие видим мы и в тактике: мирное насаждение ассоциаций; созыв революционным путем Учредительного Собрания; заговоры для захвата власти революционерами; народное восстание, вызываемое пропагандой, агитацией и бунтарством, террор и даже экспроприации, — все эти принципы уже были в обращении в России 60-х годов. Но все попытки применить их на практике отличались разрозненностью и недолговечностью. Тяжелые условия русской политической жизни не давали возможности движению собственными усилиями найти общее направление, выйти из хаотического состояния и сложиться в определенную социально-революционную партию.

Поэтому в русской революционной среде неизбежно должно было возникнуть самое живое сочувствие к об'единению западного социалистического движения в Интернационале. В нем Запад давал готовый ответ на „проклятые вопросы" русских адептов. И мы видим, что уже в 1865 году „Организация" [1]) Ишутина жадно прислушивалась к первым вестям (хотя искаженным) об образовании „Международной Ассоциации Рабочих" („Интернационал"); мы видим, какой быстрый успех имела в 1869 году попытка Нечаева, предпринятая от имени той же Ассоциации.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что именно Интернационал (и притом неискаженный) указал выход русскому социализму, дал ему теоретическую и практическую основу. А в сближении русского социализма с международным огромную роль играла деятельность русской колонии в Женеве между 1864 и 1870 годами, а позже—колонии Цюрихской.

---

[1]) „Организация" образовалась в 1865 г. в Москве, отчасти из членов прежних революционных групп. Ее главными деятелями были Ишутин, Николаев, Ермолов, Худяков, Странден и другие. Общество пыталось продолжать революционную работу в духе программы Чернышевского, открывая школы, производительные артели, потребительные общества, издавая легальные книжки, но годные для агитации в народе. Членом этого общества был также Каракозов, стрелявший в Александра II 4 апреля 1866 года. Последовавшая реакция разгромила общество. Войти в сношение с Интернационалом предлагал „Организации" Худяков, бывавший заграницей.

Несмотря на глубокую идеологическую важность этого периода в истории русского социализма, именно он до сих пор остается мало освещенным. Внутренним течениям эмиграции того времени и их органам до сих пор придается мало значения по той причине, что они были „оторваны от русской жизни". А поскольку этот период затрагивается в „Историях революционного движения в России" — он получает неверное освещение. С легкой руки, главным образом Туна, господствует мнение, что „русская молодежь познакомилась с Интернационалом, когда он уже клонился к упадку", что слияние русского и международного социализма произошло под исключительным влиянием Бакунина, на почве анархизма, к которому будто бы примкнули все русские выходцы. Мельком говорится о журнале „Народное Дело", который „служил выражением взглядов анархической группы Интернационала" и находился в связи с нечаевским заговором [1]).

Мы намерены показать, что именно история этого журнала и издававшей его группы обнаруживает всю неосновательность и поверхностность господствующего мнения, так как слияние русского социализма с принципами Интернационала впервые произошло на страницах именно „Народного Дела".

Этот малоизвестный журнал представляет собою то „недостающее звено" в эволюции русской социально-революционной мысли, которое соединяет 60-е годы Чернышевского и народничество 70-х годов. Теоретически связь идеологии Чернышевского и Лаврова может быть установлена сравнительно легко,—если проанализировать социологические и философские предпосылки того или другого учения. Но между „Землей и Волей" Чернышевского и развитой программой революционного народничества 70-х годов лежит еще большой промежуток, заполняемый нашими историками обычно лишь общими указаниями на влияние Бакунина и I-го Интернационала. Однако, ни то, ни другое ука-

---

[1]) Это мнение одинаково разделяют и Тун и Кульчицкий, авторы двух цельных „Историй революционного движения в России". Более верное освещение этого журнала, хотя и недостаточно полное, содержится только у Лаврова в брошюре „Народники-пропагандисты 1872—1873 гг.". В своей работе мы пользовались преимущественно подлинными №№ „Народного Дела", а также всеми найденными указаниями на личный состав группы, имевшей отношение к этому журналу, в источниках, на которые будут делаться ссылки в соответствующих местах.

зание не об'ясняли дела исторически, пока личная роль Бакунина в русском движении выступала лишь в связи с фигурой Нечаева, а связь народничества с Интернационалом относилась лишь к эпохе 70-х годов, т.-е. к моменту распада Интернационала и роста социал-демократии. Этот период европейского социалистического движения, очевидно, не мог быть фактором образования народнической программы. Пробел в истории социалистической идеологии восполняется „Народным Делом".

Над историей этого журнала и группы русских революционеров, его издававших, довольно скоро опустилась завеса забвения, сотканная из отрицательного отношения бакунистской молодежи к центральной фигуре „Народного Дела"—Н. И. Утину. В дальнейшем же ренегатство Утина, повидимому, окончательно погубило репутацию „Народного Дела".

А между тем, группа „Народного Дела" и по своему личному составу, и по своим связям с подлинным Интернационалом 60-х годов как раз являлась той организацией, которая сформулировала первую русскую соц.-революционную программу, как амальгаму взглядов Чернышевского и опыта 1-го Интернационала.

Недостаток воспоминаний, относящихся к эмигрантской жизни конца 60-х годов и революционной работе в России того же времени, не дает еще точных указаний на степень идейного влияния „Народного Дела".

Но что влияние это существовало—не подлежит сомнению. Сам Лавров, прибыв за границу в начале 70-х годов, определенно констатирует на ряду с бакунистами существование и таких кружков, которые к бакунизму не тяготели. Вероятно, что и неоформленные кружки „чайковцев" стояли в связи с единственным тогда социалистическим органом—„Н. Д."

Независимо от случайных сведений о деятельности группы „Народного Дела" главный интерес представляет самый журнал, в котором мы находим первоначальное возникновение народнической идеологии.

Пробегая пожелтевшие страницы „Народного Дела", как бы присутствуешь при ходе первых мыслей, пытавшихся сочетать европейский революционный опыт с русской действительностью, столь далекой в то время от действительности европейской. Интересы тактики революции и притом тактики анти-бакунин-

ской выдвигают на первый план те вопросы и понятия, которые позже становятся догмами и идеалами народничества, получившими специальные социологические и экономические обоснования. Но в то время, когда „пробивалась вода", эти понятия имели действенный тактический, и только тактический, смысл, извлекаемый из анализа современного состояния общественных сил в России и Европе, и потому удостоились санкции К. Маркса.

И с совершенной ясностью видно, что только рационалистический уклад мысли в области обществоведения „материалистов" 60-х годов, а потом и 70-х, мешал в дальнейшем перестроить тактику на основе трезвого понимания капиталистической эволюции русской экономической жизни; и только отказ от рационалистического материализма и переход к диалектическому материализму позволил совершить эту перестройку нашим марксистам 80—90 гг.

„МОЛОДАЯ ЭМИГРАЦИЯ“

(1862—67 гг.)

„Народное Дело“ издавалось в Женеве группой русских эмигрантов, принадлежавших к тому слою русской эмиграции, который создали правительственные репрессии 1862—64 гг.

В эти три года в России было „ликвидировано“ правительством первое, после декабристов, революционное общество „Земли и Воли“; в Польше—подавлена последняя революция. Эти-то события и вызвали новый приток за границу русских революционеров. В то время как польская эмиграция направилась преимущественно в Лондон, русская сосредоточилась в Швейцарии, главным образом в Женеве. Кроме постоянного контингента, русская колония в Швейцарии увеличилась в эти годы еще временным элементом: в местные университеты перекочевывала русская учащаяся молодежь, которой был так или иначе загражден доступ в отечественные учебные заведения. В таком положении оказались женщины и те из студентов, которые „понесли кару“ во время студенческого движения 1861 г.

Из числа эмигрантов по делу „Земли и Воли“ первым был принужден укрыться за границей Александр Александрович Серно-Соловьевич. По единодушному признанию современников, это был человек, выдающийся по своему образованию, уму и энергии. Его деятельность до 1862 года тесно связана с деятельностью старшего его брата Н. А. Серно-Соловьевича и Н. Г. Чернышевского. Вместе с ними А. Серно-Соловьевич начал работу в России над сплочением отдельных революционных кружков в партию, и вместе с ними же был основателем общества „Земли и Воли“. Эмиграцией он избежал ареста, постигшего его брата и Чернышевского 7 июля

1862 г.; однако, он был заочно судим и приговорен к лишению прав и вечному изгнанию из пределов России. В среде молодой эмиграции Серно-Соловьевич пользовался большим авторитетом и умел влиять на нее. При его поддержке развивалось „Народное Дело“, ему принадлежит и значительная доля заслуг по сближению русского движения с социализмом и рабочим движением Запада. Энергичную деятельность он развивал (с 1867 г.) и в Швейцарском Интернационале [1]).

Через год после эмиграции Серно-Соловьевича „благополучно прибыл“ за границу Николай Исакович Утин, член центрального комитета „Земли и Воли“, будущий руководитель „Народного Дела“.

Биографические данные о нем сообщает Л. Пантелеев [2]), товарищ Утина по университету и по революционной деятельности. Поступив в СПБ университет на филологический факультет, Утин первоначально выделился из общей массы студентов, как победоносный конкурент Д. И. Писарева на золотую медаль за сочинение об Аполлонии Тианском. Когда вспыхнули студенческие волнения 1861 г., Утин принял в них живейшее участие, работал в руководящем студенческом комитете, и вместе с 300-ми демонстрантов заключен был в Петропавловской крепости. Выйдя оттуда, он вскоре же (в марте—апреле 1862 г.) вступил в общество „Земли и Воли“ и, после ареста Чернышевского и Николая Серно-Соловьевича, занял руководящее положение в организации вместе с Пантелеевым и некоторыми другими. Во время польского восстания он вел переговоры с польскими революционерами; летом 1863 г. вынужден был эмигрировать. 28-го июля Центральный Комитет „Земли и Воли“ получил от него уведомление о переходе через границу. Дальнейшая деятельность Утина тесно связана с историей „Народного Дела“.

Из среды заграничных русских студентов выделялся Николай Яковлевич Николадзе [3]). Выехав за границу в

---

[1]) Мы не будем касаться здесь различных обстоятельств личной жизни А. Серно-Соловьевича за границей. Упомянем только, что в 1865—66 гг. он подвергся психическому заболеванию и 4 января 1869 г. кончил жизнь самоубийством в Женеве. „См. его некролог в „Нар. Деле“, ноябрь 1869 г., а также „Воспоминания“ Огаревой-Тучковой.

[2]) См. „Из воспоминаний прошлого“.

[3]) См. „Былое“ 1907 г. октябрь, записки Бороздина с примечанием Николадзе. Сведения о заграничной литературной деятельности Николадзе дает Бурцев „За сто лет“, Куклин „За сорок лет“.

1863 г., он сначала сотрудничал в „Колоколе“ Герцена и во французских радикальных газетах; с мая по сентябрь 1868 г. Николадзе с Л. Мечниковым [1]) издавал параллельно с „Колоколом“ русский журнал „Современность“ обще-революционного, но не социалистического направления. В том же году с Николадзе полемизировал А. Серно-Соловьевич в брошюре „Николка публицист“. Впоследствии, однако, Николадзе сблизился с кружком молодой эмиграции и участвовал в „Народном Деле“. Из числа других эмигрантов, имевших отношение к „Народному Делу“, нужно упомянуть еще о М. Элпидине и Ант. Трусове. О последнем сохранилось сведение, что он состоял секретарем редакции „Народного Дела“ и „Русской Секции Интернационала“. Относительно же М. Элпидина известно, что до эмиграции своей он участвовал в казанских студенческих волнениях 1861 г. и подвергся исключению из университета, а затем имел отдаленное касательство к „Земле и Воле“ и был замешан в попытке польских революционеров поднять восстание на Волге (так называемый Казанский заговор 1863 г.). За границей Элпидин первый из молодой эмиграции начал издательскую деятельность, и, вероятно, одним из первых примкнул к Интернационалу.

Вот те немногие, к сожалению, сведения, которые сохранились и стали до сих пор известны относительно первоначального состава группы „Народное Дело“.

Для старой эмиграции, которая группировалась около Герцена и Огарева, эти люди во многом оказались чужды. В их лице за границу явились революционеры-практики, ученики и товарищи Чернышевского, представители уже не дворянской, а разночинной интеллигенции. Между ними и отщепенцами старого барства—Герценом и Огаревым—точек соприкосновения было очень мало, поводов для столкновений—очень много. Решительно все—от идей до способов выражаться и держать себя—отталкивало Герцена от молодой эмиграции. Его резкие отзывы о ней хорошо известны [2]). Его уму были противны „узость“ и „нетерпимость“ молодежи; его, давнего „вождя оппозиции“ и „властителя дум“, возмущало непочтительное отношение молодой эмиграции. И если в своих воспоминаниях Герцен ограничивается

---

[1]) Автором „Цивилизация и исторические реки“.

[1]) См. Герцен. Посмертные статьи. 1874 г. Ст. Общий фонд.

брезгливой характеристикой ее, намекая на происхождение „нигилистов“ из среды „дворовых“ и „лакейской“, то в письмах своих он давал волю раздражению и говорил об „Утинском клоповнике“ [1]).

Однако, тот же Герцен метко схватил черты, отделявшие молодую эмиграцию от старой, которые гораздо лучше об'ясняли тенденции первой, чем экскурсы в область крепостного права.

„Новые люди,—писал Герцен,—вытесненные суровым холодом 1863 года, стучались у наших дверей. Они шли не из готовальни наступающего переворота, а с обрушившейся сцены, на которой уже выступали актерами. Они укрывались от внешней бури и ничего не искали внутри, им нужен был временный приют, пока погода уляжется, пока снова представится возможность итти в бои“ [2]).

Эта именно психология побежденных, но не лишенных еще возможности бороться, людей была чужда Герцену—двадцать лет он пребывал за границей в качестве монополиста русского свободного слова и о практике русского движения судил издалека. Людей же, вынесших на своих плечах эту практику, не могли не возмущать „отвлеченные“ взгляды Герцена на русские дела. Они не могли, например, понять, как мог Герцен обращаться с либеральными предложениями к тому самому правительству, которое только что разгромило Польшу и без всяких законных оснований отправило на каторгу Чернышевского. Для людей, собиравшихся возобновить русское революционное движение, было совершенно непонятно упорство Герцена в сохранении „Бахметьевского фонда“ и т. д. [3]).

---

[1]) См. „Воспоминания“ Огаревой-Тучковой, письмо Герцена от 11 мая (1869?), стр. 291.

[2]) Герцен. Сборник посмертных статей, стр. 177.

[3]) См. письмо к Александру II, помещенное в „Колоколе“ за 1865 г. Написанное с огромной психологической силой, письмо это чрезвычайно характерно для Герцена, вышедшего из того же социального слоя, к которому относились и „первые помещики“ России,—ее цари. Герцен говорит с царем „свободным языком“, как с равным, и ожидает, что словом убеждения, обращенным к Александру II в момент смерти его сына, действительно можно заставить свернуть с пути политической реакции,—как будто она велась не дворянским классом в интересах класса, а лично царем, по какому-то заблуждению, которое он мог отбросить во всякую минуту и осуществить Герценовский совет „созвать со всех концов России, со всех слоев ее—выборных людей“, „остановить руку палача“ и „заслу-

А. А. Серно-Соловьевич на первых порах своего заграничного пребывания попытался было сплотить всю эмиграцию для „общего дела“, но „услышал не отклик, а бранливую критику сплеча и осуждение всему молодому“ [1].

Таким образом, слияние двух волн русской эмиграции не состоялось, и „молодые“ заняли самостоятельную позицию. Уже в конце 1864 г. в Женеве, при участии Серно-Соловьевича, образовался особый кружок, имевший целью оказывать помощь русскому движению главным образом путем издания заграничного органа. Дело не осуществилось из-за неимения средств и недостатка в литературных силах. Старая эмиграция поддержки не оказала, и начинание прекратилось в самом зародыше. В 1865 году в Женеву было перенесено Герценом издание „Колокола“, но этот орган не притянул к себе, как прежде, всю эмиграцию и далеко уже не пользовался былым влиянием. Наоборот, „молодые“ вскоре же вступили в полемику с ним. В конце 1866 г. Серно-Соловьевич счел нужным протестовать против некоторых предложений „Колокола“ правительственному социализму в Литве [2].

Параллельно с „Колоколом“ в 1866 г. возникает издательство Элпидина. Выходят два номера листка „Подпольное слово“, и при участии А. Серно-Соловьевича предпринимается издание сочинений Чернышевского. В 1867 г. был издан роман „Что делать“. В том же году Серно-Соловьевич выпустил брошюру „Наши домашние дела“. Ответ г. Герцену на статью „Порядок торжествует“ (Vevey 1867), которая в отчетливой, но весьма резкой форме выразила взгляд молодой эмиграции на Герцена. „Вы поэт, художник, артист, рассказчик, романист, вы все, что хотите, только не политический деятель, и еще менее—теоретик, основатель школы, учения... Вы были хороши, как фейерверк, как сигнальная ракета, как шутиха—и только“... .

жить амнистию“ (См. „Колокол“ № 197).—Что касается „Бахметьевского фонда“, то это были 25.000 франков, оставленных Герцену на революционные нужды неким Бахметьевым, русским помещиком, который, увлекшись революционной агитацией Герцена, решив продать свое имение и вырученные деньги передать в распоряжение Герцена, сам же уехал в Америку. Из-за этих денег и начались споры с молодой эмиграцией. Фонд достался в конце концов после смерти Герцена—Нечаеву.

[1] „Н. Д.“ 1869 г. Ноябрь.

[2] „Народное Дело“ 1869 г., ноябрь, стр. 110.

Резко бичует брошюра отрицательный отзыв Герцена о покушении Каракозова. „Сердце у вас, г. Герцен, слишком мягко, нервы больно слабы, от того вы все так и умиляетесь душою. Нет, г. основатель русского социализма, молодое поколение не простит вам отзыва о Каракозове, этих строк вы не выскоблите ничем.

„Основателем“ русского социализма Серно-Соловьевич называет здесь Герцена в ироническом смысле. Главный удар брошюры как раз и направлен против претензий Герцена поставить себя в один ряд с Чернышевским [1]). В № 232 „Колокола“ Герцен писал о последнем: „Мы не только не представляли антагонизма, но, напротив, служили дополнением друг другу“. Серно-Соловьевич отвечает: „Между вами и Чернышевским не было, да и не могло быть, ничего общего. Вы два противоположных элемента, которые не могут существовать рядом, друг возле друга; вы представители двух враждебных натур, не дополняющих, а истребляющих одна другую... Чернышевский—человек по преимуществу логической, сдержанной, строго продуманной мысли,—вы специалист по энтузиазму... Чернышевский шел неуклонно одним верным путем к цели,—вы сами сознаетесь, что беспрестанно меняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь с пути. Чернышевский учил: не верьте ни одному правительству, хотя бы оно состояло из ангелов, и в тот день, когда я сделался бы правительством, перестаньте верить мне,—вы умилялись перед идейкой земского царя и восклицали: „победил Галилеянин!“... Чернышевский, этот холодный, недоступный Чернышевский радовался, как ребенок, всякому проявлению жизни в России, всякому поступку, выражавшему сознание, энергию,—вы до того только поэт свободы, что вас поразил и грубо оскорбил даже свободный язык молодой эмиграции, и вы совсем растерялись, найдя в Женеве не толпу

---

[1]) Эмигрировавший еще в 1847 году, Герцен был свидетелем разгрома революции 1848 г. и разочаровался в западно-европейской революции вообще. Буржуазному Западу он противопоставил славянство, сохранившее общину, которая в условиях политической свободы может проложить путь социализму. Мысль об общине, как об отличительной черте славянского мира, высказывалась еще славянофилами, идейными противниками Герцена, в 40-х годах. Но Герцен связал общину с „западническими“ революционными тенденциями и в этом смысле может быть назван „отцом“ народничества и предшественником Чернышевского. Но Чернышевский никогда не относился отрицательно к западно-европейской жизни и был чужд всякого славянофильства.

хамов и обожателей, а свободных людей, говорящих с вами таким же языком, как со всеми, и применяющих к вам тот же критерий, что и ко всем людям... В чем же, г. Герцен, дополняли вы Чернышевского?" (стр. 26—28). Особенно характерным для новой эмиграции было возмущение несоответствием личной жизни Герцена его социалистической проповеди. Серно-Соловьевич пишет: „Как резко расходится ваше направление с учением Чернышевского—это вы сами можете наглядно видеть по результатам. В то время, как он, измученный тюрьмой—и не в Крутицких казармах, а в Петропавловской крепости,—умирает в ссылке—и не в Вятке, а на каторге в Акатуе, вы... тратите ваши ренты с американских фондов в Италии. О поэты! о художники! о неисправимые социалисты!" (стр. 31).—Герцен не оставался в долгу. Посылая Бакунину брошюру „Наши домашние дела", он писал ему (30 мая 1867 г.): „Серно-Соловьевича посылаю. Он наглый и сумасшедший, но страшно то, что большинство молодежи т а к о е, и что мы все помогли ему т а к и м б ы т ь... Это не нигилизм; нигилизм явление великое в русском развитии. Нет, тут всплыли на пустом месте—халат, офицер, писец, поп и мелкий помещик в нигилистическом костюме... Им будущности нет, это меньший венерический брат, который умрет—и на его могиле встретится старший с еще более меньшим" [1]).

Брошюра Серно-Соловьевича, нося резкий личный оттенок, вызвала бурю негодования в старой эмиграции и отчасти в новой [2]).

В то же время русские эмигранты стали принимать живое участие в Швейцарском отделении Интернационала. В Женеве (в 1868 г.) и в Лозанне (1867) состоялись первые конгрессы Международной Ассоциации рабочих. Привлекая к себе внимание всего европейского общества, они, конечно, не могли не привлечь к себе внимания русских революционеров.

Кроме конгрессов, в самой Женеве уже с 1865 г. велась энергичная социалистическая пропаганда ветераном 1848 г.—Иоганном-Филиппом Беккером. Основана была Центральная Женевская секция в бывшем массонском храме („Temple Unique"), устраивались многолюдные собрания рабочих; нако-

---

[1]) Драгоманов, I. c. стр. 213.

[2]) Герцен писал Огаревой-Тучковой: „Брошюра С.-Соловьевича до такой степени гадка, что мы не хотим и посылать ее. Заметь, что все здешние кричат против нее (кроме Элпидина и Николадзе), и никто не осмеливается протестовать" („Воспоминания", стр. 242).

нец весною 1868 г. была организована женевскими интернационалистами первая в Европе всеобщая забастовка.

В женевском рабочем движении первым из русских эмигрантов принял участие А. Серно-Соловьевич. Он еще летом 1867 г. вступил в Женевскую секцию Интернационала и с тех пор сосредоточил свои силы на деятельности в ее рядах. „Он не любил разыгрывать шумно роль,—говорится в его некрологе,—он был враг трескучих фраз из революционной фразеологии, ничего собой не выражающих; он любил в деле—дело, а не свою фигуру. Когда он был нужен на трибуне, он являлся на нее, и не раз общее собрание всех секций звало его в президенты собрания. Но гораздо важнее, чем на трибуне, была деятельность его в кружках рабочих, в личных, ежедневных сношениях с ними: там, где он мог что-либо заимствовать, там он слушал жадно и являлся учеником; там же, где он мог дать что-либо от своего знания и изучения, которое столь ценят работники — там он обращался в искреннего добросовестного учителя... Все его любили и уважали в Интернационале... Своей бескорыстной преданностью он сделал то, что Интернационалы встречают радушно и приветливо своих русских братьев“ [1])...

Кроме А. Серно-Соловьевича, относительно Элпидина также имеются сведения о раннем его участии в Интернационале. Надо думать, что и Утин вступил в Интернационал в это же время, так как в 1869—70 годах он играл уже руководящую роль в Романской Федерации.

Таким путем происходило сближение русских революционных деятелей с западным социалистическим движением.

На свою работу в Международной Ассоциации Рабочих Серно-Соловьевич смотрел, как на средство воздействия на русские дела. „Меня мучит,—говорил он,—что я не иду в Россию мстить за гибель моего брата и его друзей, но мое единичное мщение было бы недостаточно и бессильно; работая здесь в общем деле, мы отомстим всему этому проклятому порядку, потому что в Интернационале лежит залог уничтожения всего этого порядка повсюду, повсеместно“.

Однако, точка зрения С.-Соловьевича, приводившая фактически к отказу от непосредственной революционной деятельности в России, имела чисто личное значение. Другие эмигранты не оставляли мысли о возрождении русской революционной организации.

---

[1]) „Народное Дело“ 1869 г., ноябрь, стр. 112.

ПЕРВЫЙ НОМЕР НАРОДНОГО ДЕЛА

В истории возникновения „Народного Дела“ можно прочно установить только тот факт, что оно было основано указанной группой молодых эмигрантов при ближайшем участии М. А. Бакунина и Н. И. Жуковского [1]).

Бакунин приехал в Женеву осенью 1867 г. из Италии, где им велась борьба против мадзинистов и основаны были первые тайные анархические организации: „Союз Социальной Демократии“ (1864 г.) и „Интернациональное братство социальных революционеров“ (1865). В период между неудачным исходом польского восстания и 1867 г. воззрения Бакунина сложились вполне определенно и уже окончательно. В них сгладился прежний резкий отпечаток панславизма, на первый план выдвинулись идеалы федерализма, коллективизма и умственного освобождения — атеизма. Последний пункт занимал важное место в программе Бакунина, выработавшись в борьбе его с религиозно-политическими взглядами мадзинистов. Все эти принципы допускали и требовали применения их в международном масштабе, к чему в то время и стремился Бакунин. Опираясь на основанное им „Интернациональное Братство“, он

---

[1]) Н. И. Жуковский эмигрировал в 1862 г. по делу Петербургской тайной типографии (Баллода), выпустившей между прочим прокламацию Д. И. Писарева. За границей он вращался в кругах, близких Герцену. Вступил в 1867 г. в „Лигу мира и свободы“. Выйдя из нее в 1868 г. вместе с Бакуниным, участвовал в основании Альянса; действовал в Интернационале, как член Альянса, и вышел из Интернационала после исключения Бакунина. В дальнейшем выступал в русском анархическом (бакунистском) движении, писал Работнике“, „Общине“ и других анархических журналах 70-х годов. Умер мая 1895 г. за границей (см. „С родины на родину“ № 5).

желал использовать в своих целях обе крупные международные организации: „Лигу Мира и Свободы", основанную буржуазными республиканцами, и „Международную Ассоциацию Рабочих".

К русским делам Бакунин не имел никакого отношения с 1863 г. Тем не менее это не помешало ему быстро сблизиться с молодой русской эмиграцией.

Как и на какой почве произошло это сближение — сказать трудно. Важно было то обстоятельство, что хотя Бакунин принадлежал к старой эмиграции, однако, воззрения его на революционную деятельность России давно уже обособились от взглядов „Колокола". Уже в 1862 г. в брошюре „Народное Дело" Бакунин обращался к молодежи с призывом „итти в народ" и совершенно не разделял взглядов Герцена на единственную прогрессивность в России государственного начала. Но в то время политическим идеалом Бакунина еще оставалась „Всеславянская республика", а потому молодежь, шедшая за Чернышевским и „Землей и Волей", лишенных всякого панславистского оттенка, не могла признать в нем своего вождя. В описываемое время этот оттенок во вглядах Бакунина исчез, но вера в народ, в его творческие силы и в революционный метод остались непоколебимыми. Русских членов Интернационала могла также привлекать к Бакунину м е ж д у н а р о д н а я п о с т а н о в к а им социальной проблемы, а кроме общности идейного характера, они могли испытывать на себе вообще могучее влияние личности этого „всемирного бунтаря".

Но едва ли не главной причиной сближения молодой эмиграции с Бакуниным являлась совершенно иная у него, чем у Герцена, оценка молодого поколения. Еще в письме от 19 июля 1866 г., критикуя позицию Герцена, только что осудившего выстрел в Александра II Каракозова, Бакунин писал: „Не подлежит сомнению, что ваша (т. е. Герцена и Огарева) пропаганда в настоящее время не пользуется даже и десятою долею того влияния, которое она имела четыре года тому назад. Звоны вашего „Колокола" раздаются и теряются ныне в пустыне... Ищите публики новой в молодежи, в недоученных учениках Чернышевского и Добролюбова, в нигилистах,—в них жизнь, в них энергия, в них честная и сильная воля. Только не кормите их полусветом, полуистиною, недомолвками". А в июне 1867 г., по поводу упомянутой выше брошюры А. Серно-Соловьевича, Бакунин высказался так: „В молодом поколении, взя-

том порознь—в отдельных экземплярах, тьма неприятных, непорядочных, даже грязных сторон. Явление, впрочем, весьма натуральное: старая нравственность, основанная на религиозных, патриархальных и сословных преданиях, рушилась безвозвратно. Новая далеко еще не создалась, но предчувствуется... Все это в среде нашей бедной, неопытной русской эмиграции еще усугублено тою эмиграционною болезнью, которую ты так верно изучил и описал в своих записках. Но все это не должно заслонять от нас серьезных, да, великих качеств нашего молодого поколения: в нем не оранжерейная, не искусственная и не рефлективная только, а настоящая страсть равенства, труда, справедливости, свободы и разума. Из-за этой страсти десятки из них уже пошли на смерть и сотни в Сибирь... Нет, воля твоя, Герцен,—эти неумытые, неуклюжие и часто весьма неудобные пионеры новой правды и новой жизни в миллион раз выше стоят всех твоих приличных покойников" [1]).

Неудивительно, что, при таком настроении Бакунина, сближение его с молодой эмиграцией состоялось быстро. Известно, что в июле 1868 г. Бакунин был принят в центральную Женевскую секцию по предложению Элпидина [2]).

А 1-го сентября 1868 г. в Женеве вышел первый номер русского журнала „Народное Дело" под общей редакцией Бакунина.

Почти весь этот номер, по собственному признанию Бакунина [3]), написан им. В состав журнала вошли следующие статьи: От редакции.—Необходимое разъяснение (взгляды редакции на задачи журнала).—Наша программа.—Правительственные реформы.—Постановка революционных вопросов (статья 1-я: Наука и народ).—Заметка (О Конгрессе Междунар. Общ. Рабоч.).

---

[1]) См. „Письма М. А. Бакунина", изд. Драгомановым, стр. 207—208.

[2]) См. М. Драгоманов. М. А. Бакунин. Казань 1906 г., стр. 72.

[3]) В брошюре его „Наука и насущное революционное дело". Кстати отметим тождество заглавия журнала („Народное Дело") и брошюры Бакунина 1862 г. О возникновении же самого журнала „Народное Дело" Бакунин рассказывает так: „С января до октября 1868 года мы образовали около Веве нечто в роде маленькой русской колонии: были Жуковский с женой, г-жа Левашева, сестра Жуковской, княжна Оболенская, Мрук (Мрочковский), Загорский, затем прибавились Утин с женой. Восемь-девять месяцев, проведенных вместе, вполне достаточно, чтобы изучить досконально этого госпо-

Взгляды редакции на задачи журнала раз'яснились следующим образом: „Мы издаем русский журнал, вследствие чего будем заниматься преимущественно вопросами русскими. Из этого, однакоже, не следует, чтобы мы оставались равнодушными к политическим и социальным вопросам Европы и всего мира...“ Русское движение журнал связывал с движением международным и вот по какой причине: „По нашему убеждению, существенный, скажем прямо, единственный вопрос, лежащий ныне в основании всех прочих, как в России, так и в других странах, тот же самый: это вопрос об освобождении многомиллионного рабочего люда из-под ярма капитала, наследственной собственности и государства. Разница состоит только в том, что вследствие многих особенностей, исторических и экономических... вопрос этот поставлен у нас немного иначе, чем в Европе“.

В какие конкретные формы выливалось у первой редакции „Нар. Дела“ желание сблизить русское и международное движение, показывает „Наша программа“. Ее содержание вполне ясно рисует направление, данное журналу Бакуниным, и для

дина. Результатом этого взаимного знакомства было, с моей стороны, глубокое отвращение, а с его—неутолимая ненависть. Жук в то время предложил мне основать русскую газету. Муж г-жи Левашевой дал для этой цели тысячу руб. Жуку. Но г-жа Левашева, которая возгорела безумной страстью к Утину, хотела непременно, чтобы последний принял участие в редакции газеты. Между нами и Утиным было абсолютное несходство,—не идей, ибо собственно, Утин не имел никаких идей и говорил, что мы должны принять принципы, какие русская молодежь найдет нужным в нас влить,—было абсолютное несходство характеров, темпераментов, целей. Мы хотели самое дело, Утин заботился только о себе. Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец, я устал и уступил; и после короткого опыта, так как деньги были собственно г-жи Левашевой, я оставил Утину газету вместе с ее названием“ (М. Бакунин. Избр. соч., т. V. Альянс и Интернационал. М. 1922 г. стр. 140—141). Однако, столь резкие отзывы относятся уже ко времени разрыва Бакунина с группой „Н. Д.“. К периоду же создания журнала в письмах Герцена к Огареву встречаются указания, что „Бакунин совершенно принадлежит партии Элпидина и с ним в кошонной дружбе“ (от 14 июля 1868 г.), или: „Жаль, что в Женеве никак не приходится оставаться—вот еще и лавина Бакунин (а ты все-таки его не спрашивал, зачем он секретничал, зачем скоп делал тайный с Элпидиным, и не он ли вдохновлял Миколку-публициста?)“ (от 13 окт. 1868 г.)—см. „Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву“, изд. Драгоманова. Женева, 1896, стр. 326.

характеристики № 1 можно ограничиться приведением одной этой программы [1]):

„НАША ПРОГРАММА"

Мы хотим полного умственного, социально-экономического и политического освобождения народа.

I. Умственного освобождения, потому что без него политическая и социальная свобода не могут быть ни полными, ни твердыми. Вера в бога, вера в бессмертие души и всякого рода идеализм вообще, как мы это докажем впоследствии, служа с одной стороны непременной опорой и оправданием для деспотизма, для всякого рода привилегий и для эксплоатации народа, с другой стороны деморализует самый народ, разбивая его существо как бы на два друг другу противоречащие стремления и лишая его таким образом энергии, необходимой для завоевания его естественных прав и для полного устройства свободной, счастливой жизни. Из этого явно следует, что мы сторонники атеизма и материализма.

II. Социально-экономического освобождения народа, без которого всякая свобода была бы отвратительной и пустозвонной ложью. Экономический быт народов был всегда краеугольным камнем и заключал в себе настоящее об'яснение их политического существования. Все доселе существовавшие и существующие политические и гражданские организации в мире держатся на следующих главных основаниях: на факте завоевания, на праве наследственной собственности, на семейном праве отца и мужа и на освящении всех этих основ религиею, а все это вместе и составляет существо государства. Необходимым результатом всего государственного устройства было и должно было быть рабское подчинение чернорабочего и невежественного большинства так называемому образованному эксплоатирующему меньшинству. Государство без привилегий, политических и юридических, основанных на привилегиях экономических, немыслимо.

Желая действительного и окончательного освобождения народа, мы хотим:

1. Упразднения права наследственной собственности.

---

[1]) Программа составлена Бакуниным и Жуковским. Однако, на Бернском конгрессе „Лиги мира и свободы" 1868 г. Бакунин публично заявил, что автор программы не он, хотя он и сочувствует ей. См. у Куклина стр. 198

2. Уравнения прав женщины, как политических, так и социально-экономических, с правами мужчины: следовательно, хотим уничтожения семейного права и брака, как церковного, так и гражданского, равно связанного с правом наследства.

3. С уничтожением брака является вопрос о воспитании детей. Их содержание со времени определившейся беременности матери до самого совершеннолетия: их воспитание и образование равно для всех—от низшей ступени до специального, высшего научного развития—в одно и то же время индустриальное и умственное: соединяющее в себе подготовление человека и к мускульному и к нервному труду должно лежать, главным образом, на попечении свободного общества.

Основой экономической правды мы ставим два коренные положения:

Земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками,—земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы работникам,—рабочим ассоциациям.

III. Вся будущая политическая организация должна быть ничем иным, как свободною федерациею вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций). И потому во имя освобождения политического мы хотим прежде всего окончательного разрушения, хотим искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно—и гражданско-бюрократическими, юридическими учеными и финансово-экономическими учреждениями.

Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империей, с правом полнейшего самораспоряжения на основании их собственных интересов, нужд и воли, дабы, федерируясь снизу вверх, те из них, которые захотят быть членами русского народа, могли бы создать сообща действительно вольное и счастливое общество в дружеской и федеративной связи с такими же обществами в Европе и в целом мире.

Оценку этой программы важно сделать не по существу, а с точки зрения ее исторического значения, сравнив с современными ей социалистическими и анархическими программами.

Сопоставляя программу „Народного Дела“ с другими программами, заведомо вышедшими из-под пера Бакунина, можно убедиться в полном тождестве ее принципов с принципами

анархических организаций, основанных Бакуниным приблизительно около того же времени: программа „Интернационального братства социальных революционеров“ была резюмирована Бакуниным в следующих словах: „уничтожение государства во всех его проявлениях,—юридических, политических и социальных, реорганизация по свободной инициативе свободных индивидуумов в свободных группах“ [1]).

Почти то же самое читаем в программе „Международного Союза Социалистических Демократий“ (Альянс), который был основан Бакуниным и Жуковским несколько позже „Народного Дела“ (25 сент. 1868 г.): „Союз об'являет себя атеистическим, он желает полного и окончательного уничтожения классов' уравнения политического и экономического и социального индивидуумов обоего пола. Он желает, чтобы земля, орудия труда и всякий другой капитал сделался коллективной собственностью всего общества, мог быть утилизирован только рабочими, т.-е. только земледельческими и промышленными ассоциациями рабочих. Он признает, что все существующие авторитарные государства, превращаясь все более и более в простые административные функции общественных служб, должны исчезнуть во всеобщем союзе свободных ассоциаций—земледельческих и промышленных“ [2]).

Из сделанного сопоставления программ с неопровержимой ясностью вытекает, что Бакунин стремился создать в лице „Народного Дела“ русский орган международного анархизма, а группу, издающую этот журнал, обратить в русский отдел Альянса.

Но, поскольку в редакции „Народного Дела“ имелись члены Интернационала, это стремление должно было натолкнуться на сопротивление с их стороны, лишь только обнаружилась принципиальная разница между тенденциями Альянса и Интернационала.

Действительно, провозглашенная Бакуниным анархическая программа в корне противоречила основным принципам Интернационала.

Она прежде всего не содержала того, определенно классового пролетарского принципа, что „освобождение рабочих

---

[1]) Цитир. у Драгоманова. М. А. Бакунин, стр. 171.

[2]) Цитир. у Гильома. М. А. Бакунин. „Былое“, авг. 1907 г., стр. 240.

должно быть делом самого рабочего класса": она кладет в основу всякого освобождения освобождение „умственное", тогда как Интернационал видел главную задачу в освобождении экономическом; он считал „умственное освобождение"—атеизм—делом частной совести, не имеющим прямой связи с разрешением коренной проблемы. Далее, программы Бакунина требуют „разрушения", „полного искоренения государства", Интернационал же требовал „справедливого преобразования государства в интересах рабочего класса", поручал такому преобразованному государству важнейшие отрасли производства и утверждал, что политическое освобождение есть средство для экономического освобождения рабочих. Ближайший общественный строй, к которому стремился Интернационал, рисовался не в виде индивидуалистического анархизма, не в виде „свободных индивидуумов", „свободно" соединяющихся в „свободно" федерирующихся общинах, а в виде рабочих ассоциаций, эксплоатирующих государственные средства производства под контролем этого обновленного государства. Наконец, узко-сектантская, „разрушительная" программа Альянса решительно не вязалась с явной, а не тайной классовой организацией Интернационала и с широкой стачечной борьбой.

Надо думать, что указанные противоречия программы „Народного Дела" с принципами Интернационала были ясно видны для русских членов Международной Ассоциации. И если у них могла быть надежда, что это противоречие сгладится, то она должна была исчезнуть после основания Бакуниным „своего Интернационала" в виде „Союза Социалистической Демократии". Как бы то ни было, но еще до того момента, когда Главный Совет Интернационала отверг просьбу Альянса о присоединении его к Международной Ассоциации рабочих (22 дек. 1868 г.), в редакции „Народного Дела" произошел разрыв между молодыми эмигрантами и Бакуниным. Во втором, октябрьском выпуске „Народного Дела" появилось следующее письмо Бакунина: „Во избежание неосновательных слухов прошу Вас известить читателей печатаемого вами журнала „Народное Дело", что я никакого участия в этом журнале не принимаю". Редакция добавляла от себя, что ведение журнала не принадлежит одному какому-нибудь лицу, и что личные перемены в редакции не отражаются на направлении журнала. Однако, это не совсем соответствовало действительности.

Правда, главная задача журнала, установленная в № 1,—сближение русского и интернационального движения,—осталась, но она понималась и ставилась иначе. Бакунизм сменился борьбой против бакунизма.

Вместе с Бакуниным из состава редакции вышел и другой член Альянса—Н. И. Жуковский"[1]).

---

[1]) Бурцев, За 100 лет. „Составители" материалов по изучению револ. движения 60-х годов." (Под ред. Базилевского 1905 г. стр, 258) разделяют момент ухода Бакунина и Жуковского.

ГРУППА „НАРОДНОГО ДЕЛА“

(1868—1870)

С октября 1868 г. и до марта 1870 г. группа „Народного Дела“ занимала самостоятельную позицию среди русской эмиграции в Женеве. Она стремилась с одной стороны возродить в России революционную организацию—партию народного освобождения, как называло ее „Нар. Дело“, с другой—работала над сближением русского движения с интернациональным.

В этих целях и в этом направлении продолжалась литературная деятельность. В октябре 1868 г. издан был второй выпуск „Народного Дела“ (№№ 2 и 3), в мае 1869 г.—третий (№№ 4, 5, 6) и в ноябре 1869—четвертый (№№ 7, 8, 9, 10).

В этих выпусках дана уже была в главных чертах общая постановка вопроса о социально-революционной пропаганде в России, в духе Международной Ассоциации Рабочих. В № 2—3 в статье „Пропаганда и организация“ (Дело прошлое и Дело нынешнее) группа „Народного Дела“ соединяет свою деятельность с революционной пропагандой и организацией общества „Земли и Воли“. В № 4—6 в статье „Политика мещанства и политика социализма“ дана попытка установить основные понятия социализма, как исторического движения, а в большой статье № 7—10 „Русское социально-революционное дело и его соотношение с западным рабочим движением“ намечаются главные пункты русского социализма и указываются опорные точки для приложения в России принципов и форм движения Интернационала. Кроме того, журнал давал подробные отчеты о ходе западного рабочего движения вообще и о Международном товариществе рабочих в частности [1]).

---

[1]) Мы не упоминаем здесь о статьях полемических, т. к. им посвящается особая глава.

Зимой 1868—1869 г. дела группы видимо шли плохо и даже носились слухи о прекращении журнала. Однако, Серно-Соловьевич [1]), всецело отдавшийся тогда работе в Интернационале, пришел на помощь молодому начинанию и убедил не бросать начатое „дело социальной пропаганды“ в России. К весне обнаружилось сочувствие, вызванное журналом, и увеличился приток материальных средств. Все это дало возможность группе продолжать издание „Народного Дела“ и основать в Женеве собственную типографию [2]).

Помимо издания журнала эта типография предназначалась для печатания „тех листков и брошюр революционной пропаганды, которые потребуются партией Народного освобождения в России, в видах распространения воззрений этой партии и увеличения числа ее единомышленников“ [3]).

Затем, в виду прекращения издания „Колокола“ и „Современника“ и отсутствия других органов русской заграничной прессы, редакционный совет „Нар. Дела“ открыл с 4-го № о с с б ы й о т д е л для писем, заявлений и критических статей исходящих от лиц, не согласных с воззрениями редакции, но нуждающихся в свободной печати. Редакционный совет не брал на себя ответственности за содержание нового отдела, но считал себя обязанным ввести его в состав журнала, в интересах свободного обмена мнений в революционной печати.

„Мы вовсе не имеем претензии—писала редакция—сказать последнее слово в пропаганде; мы вовсе не хотим быть мудрыми учителями своих друзей; мы только хотим вместе со всеми друзьями и единомышленниками доработаться, при помощи свободного печатного слова до самоопределенности нашей партии, до ее окончательного сформирования, сообразного с одной общей целью и согласного с некоторыми основными положениями... [4])

Справедливость требует заметить, что на этот призыв „Народного Дела“ не откликнулся никто, и отдел этот остался неосуществленным [5]).

---

[1]) „Нар. Дело“ 1869 г. Ноябрь. Некролог. А. С.-С. стр. 112.

[2]) Первые три номера были напечатаны в типографии Элпидина. См. „Нар. Дело“ 1869 г. № 4—6.

[3]) „Нар. Дело“ май 1869 г. „Извещение от редакции“, стр. 57. В эту типографию рекомендовалось обращаться за справками всем лицам, интересовавшимся ходом дела.

[4]) „Нар. Дело“ 1869 г. № 4—6 стр. 58.

[5]) Единственный раз встречается этот отдел в №№ 4 и 5 за 1870 г. (письмо С. Серебренникова с описанием ареста его женевской полицией).

Лица, „искренно и правдиво интересовавшиеся этим делом пропаганды“ или желавшие оказать ему помощь, могли получать справки из Бюро, находившегося при типографии от постоянно дежурившего там секретаря редакции Антона Трусова. Редакция обеспечивала „полную тайну всем обращающимся как лично, так и письменно“.

Денежные средства были невелики. Из отчета, помещенного в № 7—10 за 1869 г., видно, что по квитанциям №№ 149—153 и №№ 171—172 поступило в редакцию 500 франков, 85 руб. и 1 доллар.

Кроме того, с целью практически привлечь внимание русских к Интернационалу, в ноябре 1869 г. при журнале была открыта особая подписка в пользу бельгийских стачечников. Собранная сумма должна была быть передана Бельгийскому Совету Интернационала. Результат подписки неизвестен.

Параллельно с выяснением русской социалистической программы началась борьба „Народного Дела“ с анархизмом. С одной стороны, члены группы боролись против влияния Бакунина и его Альянса в Европе, с другой—„Народное Дело“ выступило против деятельности Бакунина и Нечаева в России.

Борьбу с Альянсом вел Н. Утин в рядах романской федерации Швейцарского Интернационала. Ход событий здесь был таков: в конце 1869 г. официальный орган романской федерации „Egalité“ оказался в руках сторонников Альянса и открыл кампанию против Генерального Совета Интернационала в пользу идей Альянса. В федерации произошел раскол на сторонников Генерального Совета (Маркса) и сторонников Альянса (Бакунина) [1]).

Н. Утин принимал живое участие в борьбе этих двух направлений и в январе 1870 г. был введен Центральным Женевским Комитетом в состав редакции „Egalité“ вместе с другими марксистами на смену бакунистов. С тех пор Утин играл в романской федерации одну из руководящих ролей.

---

[1]) Более подробно об этой борьбе см. историю Интернационала Стеклова, Иекка, Гильома, а также: Гильом М. А. Бакунин; Маркс. Письма к Кугельману; Бакунин избр. соч., т. V (Альянс и Интернационал) М. 1922 и др.

„НАРОДНОЕ ДЕЛО“ и НЕЧАЕВ

(1869 г.)

Более важное значение для русского социалистического движения имела полемика „Народного Дела“ с Нечаевым.

В лице его „Народное Дело“, поставившее первой своей задачей пропаганду среди русской молодежи, встретилось с сильным соперником.

С. Г. Нечаев приехал за границу в марте 1869 г. Известная доля авантюризма и тенденции к заговорщическим приемам сблизила его не с „Народным Делом“, а с Бакуниным. В нем Нечаев нашел во многом родственную натуру, а главное—всемирно известный революционный авторитет. Подчинив Бакунина своей „феноменально-непреклонной воле“, Нечаев приобрел не только важного сторонника, но и сам, дотоле неизвестный, становился „вождем“ русской революции [1]).

Уже в апреле 1869 г. начинается совместная деятельность Нечаева и Бакунина. В Женеве выходит прокламация Бакунина „К русским студентам“. Она посвящена разбору различных клевет и нелепых выходок русской официальной прессы относительно весеннего студенческого движения и носит общереволюционный характер. Летом того же года выходит ряд листков: „Начала революции“, „Постановка революционных вопросов“ и др., а вслед за ними и № 1 журнала „Народная расправа“. В этой литературе Нечаев и Бакунин развивают свою точку зрения на задачи и формы русского социально-революционного движения.

---

[1]) Обстоятельства, сопровождавшие сближение Нечаева и Бакунина к нашей теме ближайшего отношения не имеют. Можно упомянуть только о следующем: Бакунина предупреждали, что выдача Нечаевым самого себя за делегата от русских студентов—выдумка; это предупреждение вероятно было делом утинского кружка (см. об этом у Драгоманова, стр. 73).

К пропаганде „Народного Дела“ названные издания относились крайне враждебно: „Сущность нашей общей программы кто хочет может найти в № 1-м „Народного Дела“, журнала, продолжающего издаваться в Женеве, но со второго номера уже изменившего направление, мысль и характер, переставшего и быть поэтому представителем нашего направления, сделавшегося одним словом журналом доктринерствующим. Он будет отныне иметь значение только для праздношатающегося по Европе нашего благодушного либерального барства, которое за пределами отечества старается казаться передовым и либеральным“ [1]).

Таким образом, в среде русской эмиграции возникло новое самостоятельное течение. Для характеристики его очень важно открытое признание им „Программы“ 1-го номера „Нар. Дела“. Поскольку эта программа была тождественной с программой Альянса, постольку „нечаевщина“ явилась не „специфически русской“ выдумкой, а лишь русской ветвью Альянса в Европе.

И потому столкновение „Нар. Дела“ с Нечаевым можно рассматривать как русское отражение международной борьбы Интернационала и Альянса, социализма и анархизма.

Из основных положений знакомой уже „Программы“ Нечаев и Бакунин последовательно выводили свои тактические принципы. По их мнению „скромная и черезчур осторожная организация тайных обществ [2]), без всяких внешних практических проявлений в наших глазах не более как мальчишеская игра, смешная и отвратительная“. Такова же по существу и „пропаганда, направленная неизвестно куда“ [3]).

Фактическими же „проявлениями“ „Народная Расправа“ называет „только ряд действий, разрушающих положительно что-нибудь—лицо, вещь, отношение, мешающие народному освобождению“. Она уверена, что „истинные люди дела отстраняют теперь в сторону всякую теорию, тем более „доктринаризм“ и посвятят себя всецело „великому и трудному делу разрушения государства“. Разрушение это должно быть полным:

---

[1]) „Народная Расправа“ № 1 см. в сборниках Куклина и Бурцева.

[2]) Намек на тактику, рекомендуемую „Нар. Делом“ и применявшуюся ранее „Землей и Волей“.

[3]) „Начала революции“ см. у Куклина.

необходимо добиться совершенного аморфизма общества [1]). И на этом революционеры могут считать свою задачу исполненной: новое общество будут строить новые люди. Разрушение и только разрушение должно привлекать к себе силы революционеров.

„Наши близкие предшественники [2]),—продолжает „Народная Расправа" не понимали этого... они (предшественники) сидели сложа руки и сторонились от бунтующего местами населения, вместо того, чтобы броситься в эти местные бунты связать их в одно грозное всеразрушающее восстание. Они занимались весьма старательно, чтобы безукоризненно выполнить в своем воображении планы будущей народной жизни и упустили благоприятные дни для народного освобождения от государственности и сословности. А потому наши близкие предшественники ничего не сделали [3]).

„Мы потеряли всякую веру в слова: слово для нас имеет значение только тогда, когда за ним чувствуется и непосредственно следует дело",—вот основной мотив нечаевского движения. Но каково же должно быть это дело, какими средствами можно достичь этого „окончательного разрушения государственности?"—„Нар. Расправа" признает, что оно „сможет быть совершено лишь сообща, всею поднявшеюся массою народа". „Мы же, т.-е. русская молодежь, должны возбудить это восстание рядом смелых, да, дерзких попыток ворваться в народную жизнь". Для этой цели служат прежде всего террористические действия, устраняющие всех, кто мешает народному освобождению, а кроме того—агитационная деятельность в самом народе.

„В России,—говорит листок „Постановка революционных вопросов"—существует издавна два вида народного бунта: бунт мирного села, выведенного из терпения, и разбойничий бунт... разбой—одна из почтеннейших форм русской народной жизни... разбойник—это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством... Когда оба бунта, разбойничий и крестьянский, сливаются—нарождается народная революция. Таковы были движения Стеньки Разина и Пугачева, по-

---

[1]) Развитие этой мысли в „Началах революции" тождественно с речами Бакунина на Базельском Конгрессе Интернационала в 1869 г.

[2]) Намеки на Чернышевского и „Землю и Волю".

[3]) „Нар. Расправа" № 1.

этому „кто хочет конспирировать не на шутку в России, кто хочет революции народной", тот должен итти в этот мир разбойников, разбросанный по всему пространству России и вместе с тем крепко связанный в одну общую организацию. Задача революционеров—„сплотить все мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную".

Таким образом, „Народная Расправа" (т.-е. Нечаев и Бакунин), подобно „Народному Делу" пытались найти опорные пункты для социально-революционной деятельности в России. Каждое из этих направлений искало то, что соответствовало бы их основным взглядам и задачам. „Нар. Дело" искало почвы для пропаганды и организации рабочих; „Народная расправа"—почвы для немедленного всеразрущающего взрыва. Первое имело перед собой пример могучего движения организованных рабочих масс Интернационала; вторая—анархический, парлефетизм (пропаганду делом) Альянса. Понятно, что искомые данные „Народная Расправа" нашла в терроризме и „разбойничьей революции" [1].

„Народное Дело" резко и решительно выступило против Нечаева и Бакунина. „Старые либералы и радикалы,—писало оно,—думают, что сумеют произвести раскол в молодой России и станут, наконец, коноводами нескольких групп, лишь бы получить хоть какое-нибудь оправдание своему назойливому выставлению себя на изумление Европы в качестве руководителей и отцов русской революции, которая и вспыхнет по их уверениям через год, через полгода... Вводя в заблуждение Европу относительно юной радикальной партии, эти почтенные революционных дел мастера готовы извратить его смысл унизительным образом, употребляя таким образом во зло доверие, которое могли бы к ним иметь издали или при первой встрече некоторые юноши, полагающие, что уж конечно фигурирующие столпы должны хорошо знать суть и смысл, и ход рабочего движения [2]. Говоря от тождественности, о солидарности запад-

---

[1] Рассматривая это движение отвлеченно, нельзя отказать ему в известной цельности, последовательности и оригинальности. Это—образец революционной романтики, последовательно доведенной до абсурда.

[2] Здесь „Н. Д." подразумевает отношения Нечаева и Бакунина. Неизвестно конечно, насколько верно передал Бакунин Нечаеву смысл Альянса и Интернационала, но следует помнить, что 1) Нечаев в то время не мог самостоятельно ознакомиться с западным социализмом, т. к. не знал иностранных языков (см. ст. Ралли о Нечаеве в „Былом" 1906 г. июль), и 2) что „Нар. Делу" могло быть известно, что с осени 1869 г. Нечаев выступает в России от имени Интернационала, и что таким образом извращается смысл Межд. Товар. Рабочих.

ного движения с русским, о возможности дружного союзного хода их, мы, конечно, не можем оставаться равнодушными перед ложным умышленным или невежественным толкованием того или иного из них [1]).

И „Народное Дело“ печатало в том же номере резкий „запрос“ старой эмиграции по поводу деятельности Нечаева. В виду большого исторического интереса следует привести этот документ полностью.

ПО ПОВОДУ ПРОКЛАМАЦИЙ. ЗАПРОС А. ГЕРЦЕНУ, Н. ОГАРЕВУ и М. БАКУНИНУ

„Наши друзья, которым известно наше направление, хорошо знают как должны мы и как можем относиться к различным явлениям в революционной практике; они понимают также, почему мы очень часто охотно готовы умолчать о таких явлениях, которые не согласуются с нашими соображениями, по своему содержанию, по своему тону, по своей несвоевременности. Таким образом, когда по поводу весенней студенческой истории г. Бакунин и некий Нечаев сочли нужным обратиться к „братьям-студентам“ и к „молодым братьям“ со своими личными прокламациями, мы прошли это явление полным молчанием, несмотря на то порицание, которое заслуживали эти прокламации и своим тоном, и отсутствием содержания, и самым способом обращения. Мы не хотели тогда высказываться, не желая навлечь упрек в возбуждении новых гласных раздоров и во внесении в наш журнал доли личной полемики. Мы принуждены теперь публично каяться за это. С легкой руки первых прокламаций их посыпался целый ряд, и читатели могли прочесть в русских газетах известия о том, что в разных местах появились прокламации из Женевы и что даже схвачены какие-то лица. Мы со своей стороны полагали сначала, что эти извещения не более, как газетные утки; тем более велико было наше изумление, когда мы получили по почте из-за границы (т.-е из соседних с Швейцарией стран) бесчисленные листки с надписью. Для редакции „Нар. Дело“ из России (!) по поручению... и т. д. и т. д.

---

[1]) „Н. Д.“ 1869 г. ноябрь № 7—10, стр. 137—138. Возражения „Н. Д.“ по существу нечаевской тактики связаны с изложением собственной тактики, поэтому мы коснемся их, далее характеризуя тактические принципы „Народного Дела“.

Место не позволяет нам на этот раз подвергнуть все полученные таким образом произведения безобразного ухарства должной и обстоятельной критике. Мы не преминем сделать это в следующий раз, пока же мы только выскажем наше категорическое мнение и поставим один вопрос.

Если бы наши читатели прочитали эти до безобразия пошлые и до нелепости тупоумные листки, то нам не к чему было бы даже высказываться: они сами поняли бы, что мы не можем отнестись к ним иначе, как с отвращением, которое вызывает во всяком трезвом и серьезном человеке подобная непристойная игра с великим, святым делом революции. Дикое невежество рядом с нахальным хвастовством; самовосхваление небывалыми фантастическими подвигами рядом с завистливым ляганьем во все прошлое погибших борцов; нерасчетливые или слишком расчитанные провокации рядом с кровавыми посулами и инквизиционными угрозами—и не только от'явленным врагам свободы, но решительно всем и каждому, кто посмеет не поверить этим доблестным рыцарям в их уверениях, что они берутся сломать все существующее всеразрушающим кровопролитием, ядом, ножом, петлею, огнем и т. д. и т. д.[1]), и кто не пойдет по их приглашению в разбойничий мир, обитающий в лесах, в городах, деревнях, бесчисленных острогах империи, в этот единственный, нераздельный, крепко связанный мир, в котором одном только существует издавна настоящая революционная конспирация..."—бред беззубого старчества рядом с бормотанием доморощенных Митрофанов—вот что мы встречаем в этих листках, очевидно принадлежащих одному и тому же коллективному перу. Тяжелое грустное чувство невольно овладевает нами при чтении их: кому понадобилось так издеваться над русским революционным делом? Кто осмелился покуситься так на горячую преданность юношества делу свободы, кто смел кинуть такою грязною клеветою в русское юношество, захотел заставить думать, что эти произведения могут принадлежать ему, могут быть симпатичны ему? Кому, наконец, есть охота и надобность подводить наше юношество и под подозрение и под обвинение в подобных проделках? Разве мало гибнет жертв за серьезное честное дело? Разве надо помогать правительству в его терро-

---

[1]) Такие методы действия рекомендовались в листке „Начала революции". См. эту прокламацию в сборнике Куклина.

ристической игре—без всякой цели, без всякого результата? Потому что, конечно, невежество авторов не может итти до того, чтобы они в самом деле воображали, что они могут достичь какого-нибудь серьезного результата. Остановимся пока на этих вопросах без ответа... Переходя теперь совершенно к иному вопросу, который мы обязаны предложить издателям „Колокола", мы надеемся, что эти представители старой эмиграции поймут, что мы делаем им вопрос столько же в их собственном интересе, сколько в интересах общего революционного дела... Наш вопрос состоит в следующем: в этих прокламациях, где поносится Чернышевский и вся свободолюбивая деятельность как его, так и его сподвижников, где поносится „Народное Дело", все эмигранты и вся эмиграция, в них восхваляется только г. Бакунин рядом с г. Нечаевым, в них приписывается все революционное движение единственно действию могучего звона „Колокола" и, наконец, в них прямо называются „единственно честными, деятельными людьми русской эмиграции" г. Бакунин и издатели „Колокола", которые и призываются, „составив одно общее стройное тело, начать дружно работать для русского движения" [1]), конечно по программе указанных листков. Радуясь со своей стороны, что мы причислены к тем, с которыми порывается всякая связь (спасибо), мы думаем, что издатели „Колокола"—Н. Огарев и Ал. Герцен сочтут нужным прямо ответить на такие печатные указания прокламации, допускают ли они какую-либо солидарность с подобными листками? Мы предлагаем им вместе с тем наш журнал для протеста против подобной солидарности, в случае если прокламации злоупотребили их именем. Мы не хотели бы допустить, что революционная преданность и честная вера Н. П. Огарева в юношество могли быть так злоупотребляемы какими-нибудь авантюристами. Точно также, несмотря на всю рознь в воззрениях А. Герцена и молодой революционной партии, несмотря на порицание „Колокола" молодой революционной партией за ее отношению к прошлому и к ее значению; несмотря на иные обстоятельства, которые мешают нашему согласию,— мы все же готовы отдать должное 17-ти летнему посильному труду, и потому мы не хотели бы думать, чтобы политическая карьера Герцена могла закончиться таким образом. Понятно

---

[1]) См. „Народная Расправа" в сборнике Бурцева или Куклина.

после этого, почему мы считаем прежде всего себя обязанными предложить здесь печатный запрос издателям „Колокола".

И, наконец, переходя к г. Бакунину, мы не последуем примеру уважаемого нами одного журнала, который перепечатывая отрывок из его прокламации к студентам и отрывок из безымянных прокламаций и найдя между ними поразительное сходство, счел основательным и приписать их ему. Не имея ничего общего с г. Бакуниным, мы можем только и ему предоставить известное место в журнале для признания или отрицания своей солидарности с упомянутыми прокламациями" [1]).

Нам неизвестно, последовал ли какой-либо ответ со стороны старой эмиграции на этот „запрос". Во всяком случае его не содержится в дальнейших номерах „Народного Дела".

---

[1]) Этот „запрос" напечатан в ноябрьском выпуске (№ 7—10) „Народ. Дела" за 1869 г.

РУССКАЯ СЕКЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(1870 г.)

С марта 1870 г. группа „Народного Дела“ конституировалась в „Русскую Секцию Международного Товарищества Рабочих“. Мотивы, побудившие создать эту „Секцию“, „Народное Дело“ излагало следующим образом: „Уже год тому назад явилась у нас мысль о необходимости связать прочным образом с социально-революционным движением в Западной Европе движение, начинающееся теперь в России. Осуществление этой мысли представлялось нам все более и более настоятельным по мере нашего ближайшего ознакомления с ходом и стремлениями Интернационала. Интерес и желание ознакомиться ближе с социальным положением России, которое высказывали наши интернациональные друзья в своих обращениях к нам; не раз выраженное ими и на Базельском Конгрессе и позже убеждение в потребности более тесного организационного соединения между западным пролетариатом и славянским рабочим миром; их советы и просьбы, неоднократно обращенные к нам о содействии им в осуществлении этого соединения для более успешного хода общего дела,—все это конечно еще более укрепило нас в нашем намерении и еще более побуждало нас к решению положить фактическое начало связи между западными и восточными рабочими классами и образовать первую открытую русскую секцию за границей“ [1]). „Народная жизнь в России,—говорит далее журнал,—за последние годы представляет некоторые замечательные явления, которые указывают на возможность и необходимость в настоящее время образовать в ней рабочие союзы, согласно с программою и организацией Международного Товарищества... Спешим только оговориться, что ко-

[1]) „Н. Д.“ 1870 г. № 1 стр. 3, статья „Русская ветвь Межд. Тов.“.

нечно в число упомянутых явлений мы далеко не ставим так называемую „революцию", выразившуюся игрой в прокламации со стороны двух-трех старых эмигрантов и нескольких московских юношей" [1]).

Однако можно думать, что дело обстояло не совсем так, как писало о том „Народное Дело", и что именно нечаевщина, на которую намекает журнал в последней фразе,—служила решающим отрицательным моментом для образования „Русской Секции". Раз „Народное Дело" стремилось внести Интернационал в Россию, оно не могло допустить, чтобы Бакунин и Нечаев под видом идей Интернационала пропагандировали принципы Альянса. Для того же, чтобы бороться с авторитетом (для русских) Бакунина, необходима была авторитетная же официальная „Русская Секция" [2]).

С другой стороны, в образовании „Русской Секции", как свидетельствует „Народное Дело", был заинтересован и западный Интернационал. Приводимые ниже письма Карла Маркса и И. Ф. Беккера показывают, какое важное значение придавали вожди Международной Ассоциации Рабочих русскому социалистическому движению для успеха всемирной социальной революции. Беккер лично содействовал образованию Секции. „Его серьезной опытности и его широким взглядам—писало „Нар. Дело"—обязаны мы многим в успешном начале нашего дела" [3]).

В течение всего 1869 г. „Народное Дело" подготовляло почву для Секции, и притом не одной лишь литературной пропагандой: „с этой целью,—писало оно,—мы обращались к русским друзьям и вместе с тем к друзьям в других славянских землях для того, чтобы еще более удостовериться в справедливости нашего взгляда на возможность начать в самих славянских странах образовывать в настоящее время Секции Междунар. Товар. Рабочих".

Получив „вполне одобрительный отзыв" от них, группа „Нар. Дела" выработала программу Секции и ее устав и представила то и другое на утверждение Главного Совета Интернационала.

---

[1]) Ibid.

[2]) С этой стороны весьма характерным является момент образования Секции: год в течение которого „Н. Д." подготовляло организацию ее (1869—70) был как раз годом выступления Нечаева в России и Альянса в Европе.

[3]) В письме к Юнгу Беккер приписывает себе даже инициативу организации „Русской Секции". см. Иекк.—Интернационал, стр. 249.

Вместе с тем, Общее Собрание Секции единодушно приняло „обращение“ к К. Марксу, содержавшее просьбу принять на себя представительство Секции при Главном Совете и говорившее, между прочим, что Секция намерена в скором времени сорвать маску с Бакунина, который говорит на двух совершенно разных языках, на одном в Европе, на другом—в России [1]).

12 марта 1870 г. программа, устав и обращение к Марксу Секции были отосланы И. Ф. Беккером из Женевы в Лондон члену Генерального Совета Интернационала—Юнгу. Беккер писал Юнгу, что „теперь наше внимание и наша деятельность сосредоточена на далеком востоке“, что русская Секция может послужить там „операционным базисом для Интернационала“, и что „помимо того, что социалистическая и антипанславистская пропаганда и сама по себе может иметь большое значение, она оказалась бы чрезвычайно полезной, если бы ей удалось хоть на время связать руки русскому правительству, когда в Западной Европе вспыхнет социально-политическая революция“. В заключение Беккер просил Юнга „как можно скорее уладить дело русской Секции для того, чтобы участвующие в ней славные люди бодро и беспрепятственно могли продолжать начатое дело“ [2]).

Просьба Беккера повидимому была принята во внимание и на собрании Главного Совета 22 марта получила официальное существование Русская Секция Международного Товарищества

---

[1]) Письмо К. Маркса к Кугельману. Изд. 1906 г. (письмо от 28 марта 1870 г.). Интересно привести здесь мотивы, побудившие Секцию обратиться с просьбой о представительстве именно к Марксу: „его имя,—пишет „Народное Дело“,—слишком хорошо известно всем тем из русских, которые сколько-нибудь следят за социальным движением. Маркс был одним из первых основателей Междун. Товар. Рабоч., и он всегда ратовал против того всероссийского и всеславянского земского царизма, которому пели восторженные гимны наши великие патриоты и наши отчаянные революционеры старой эмиграции. Он всегда ненавидел русское императорство и давно уже ждал пробуждения русского народа, изучая его социальный быт на его собственном русском языке. Мы рады были случаю выразить Марксу признательность русских социалистов за его труды, столь полезные для всех нас, и мы рады его согласию быть нашим представителем при Главном Совете, потому что в этом согласии выражается полная солидарность его воззрения с нашими на пользу и необходимость водружения Интернационального знамени в России“. „Н. Д.“ 1870 г. № 1, стр. 3.

[2]) см. Иекк.—Интернационал, стр. 250—251 (приложение).

Рабочих. Сообщая ей о том от лица Главного Совета К. Маркс писал: [1])

„Граждане,

В своем заседании от от 22 марта Главный Совет об'явил единодушным вотом, что ваша программа и статут согласны с общими статутами Международного Товарищества Рабочих. Он поспешил принять вашу ветвь в состав Интернационала. Я с удовольствием принимаю почетную обязанность, которую вы мне предлагаете, быть вашим представителем при Главном Совете. Вы говорите в вашей программе:

„Что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормаз, одинаково препятствующий политической и социальной свободе обоих народов—как русского, так и польского".

Вы могли бы прибавить, что русский насильственный захват Польши есть пагубная опора и настоящая причина существования военного режима в Германии и, вследствие того, на целом континенте. Поэтому, работая над разбитием цепей Польши, русские социалисты возлагают на себя высокую задачу, заключающуюся в том уничтожении военного режима, которое существенно необходимо как предварительное условие для общего освобождения европейского пролетариата.

Несколько месяцев тому назад мне прислали из Петербурга сочинения Флеровского: „Положение рабочего класса в России". Это настоящее открытие для Европы. Русский оптимизм, распространяемый на континенте, даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса.

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя—Чернышевского делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века. Привет и братство". Карл Маркс.

Лондон 24 марта 1870 г.

---

[1]) „Нар. Дело" № 1, 1870, стр. 4.

Содержание этого письма не требует пояснений. Остается лишь пожалеть, что Маркс не выяснил какие именно места в сочинении Флеровского не удовлетворяли теоретической критике. Это выяснение помогло бы может быть „Нар. Делу“ в выработке более цельных и последовательных воззрений.

И. Ф. Беккер также приветствовал Секцию письмом, в котором развивал взгляды на ее международное значение.

Статуты Секции содержали программу и устав.

Программа гласила:

ПЕРВАЯ РУССКАЯ СЕКЦИЯ

ПРОГРАММА

Глава I

Основные положения. Принимая во внимание,

1) что экономический гнет русского народа, поддерживаемый всем политическим и общественным устройством, совершенно одинаков с гнетом, который душит весь европейский и американский пролетариат;

2) что народ русский во все времена стремился к осуществлению великих начал, провозглашенных международными конгрессами рабочих: к общему владению землею и орудиями труда;

3) что принцип общности труда, как принцип противодействующий эксплоатации капиталом, находил себе уже издавна выражение в образовании рабочих союзов, известных под именем артелей;

4) что с одной стороны с 19 февраля 1861 г. правительство вместе с привилегированными классами явно стремится сделать свой грабеж народа более систематическим, а с другой, с того же момента в самом народе явилось понимание этого стремления и сознание необходимости противодействовать ему собственными силами и выступить на активную борьбу за возможность иной жизни;

5) что там, где положение одинаково, там должны быть одинаковы и аналогичны и средства к уничтожению его и к замещению новым строем социальных и индивидуальных отношений;

6) что такие средства освобождения неизмеримо увеличиваются в своей силе, когда является солидарность между народами и когда совершается повсюду развитие одних и тех же начал в международной пропаганде, и приложение одних и тех же способов в организации;

7) что самое образование Интернациональной Ассоциации, самая причина, вызвавшая ее основание, заключается в том повсеместном сознании европейского пролетариата, которое провозглашает: „что полное освобождение рабочих вовсе не составляет задачи местной или национальной (одноплеменной), что, напротив, эта задача представляет насущный интерес для всех цивилизованных наций, т. к. ее разрешение естественно находится в зависимости от их общего участия, теоретического и практического“ [1]).

Группа русских людей образовала Русскую Секцию Международного Товарищества.

Употребляя выражение „русские люди“, мы разумеем под ним одинаково и безразлично женщин и мужчин, так как наше дело пропаганды и организации относится ко всем угнетенным без различия пола. Интернационал, стремящийся к освобождению всего человечества, тем самым стремится к уничтожению эксплоатации одной половины человечества другою, эксплоатации, столь пагубной по своим последствиям, вносимым ею в политический и социальный быт народов.

Глава II

Задача и обязанности русской Секции. Русская Секция ставит себе задачей:

1) пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами,—особый род и способ которых вытекает из самого положения страны,—идеи и начала Интернациональной Ассоциации;

2) способствовать устройству интернациональных секций в среде русских рабочих масс;

3) помогать установлению прочной солидарной связи между трудящимися классами России и Западной Европы, и оказанием взаимной помощи способствовать более успешному достижению их общей цели—освобождения.

Глава III

Пропаганда и развитие Международного Товарищества Рабочих в других славянских землях. Принимая во внимание:

---

[1]) Это выдержка из статутов Интернационала.

1) что отсталые идеи панславизма производят пагубное влияние на дух и развития рабочих масс в славянских землях Австрии и Турции;

2) что такие идеи, поддерживаемые слепою верою в царизм, всегда были только гнусною западнею для славянских народностей;

3) что идея панславизма злоупотребляется теперь врагами народа против всякой социалистической и интернациональной пропаганды, которую представляют рабочей массе как пугало, разрушающее всякую независимость и самобытность; между тем, как наоборот, будущая социалистическая организация рабочих масс даст полную свободу не только каждом народу и народности, но и вообще всякой группе лиц самостоятельно и независимо соединяться с теми группами, с которыми наиболее связаны индивидуальные и коллективные интересы всей жизни;

4) что завоевательный режим находится в прямом противоречии со всеми принципами международного братства народов;

5) что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормаз, препятствующий политической и социальной свободе обоих народов, русского и польского,

мы обращаемся с призывом к нашим братьям в Польше, Малороссии, Австрийских и Турецких землях, точно так же как ко всем группам разных народностей, находящимся под императорским гнетом, и приглашаем их работать солидарно с нами, соединяться в группы и организоваться для деятельной пропаганды.

Эта пропаганда истинных интернациональных принципов должна иметь задачей уничтожение закоснелых племенных предрассудков и союз всех рабочих сил для одной общей цели освобождения всех рабочих путем солидарной борьбы против общих врагов.

Мы приглашаем поэтому наших братьев приступить к образованию центральных секций в славянских землях, которые вызвали бы составление ремесленных союзов, федерацию этих союзов и наконец, вступление их, помимо всех искусственных границ, в общий интернациональный союз всех ремесел и профессий.

В ожидании же образования центральных секций, которое даст нам всем возможность составить Федеральный Совет интернациональных секций в славянских землях, мы приглашаем наших братьев назначить своих агентов-корреспондентов при нашей секции".

Для правильной оценки программы „Русской Секции“ необходимо иметь ввиду следующее: 1) это была первая по времени русская социалистическая программа [1]); для того, чтобы правильнее наметить опорные пункты для деятельности, у русских социалистов не было еще ни исторического опыта, ни более или менее полных исследований о направлении социально-экономического развития России. Таким образом, для них очень легко было получить по данному вопросу весьма ошибочное представление. 2) Порядок пунктов программы является, если можно так выразиться, логическим, но не психологическим; этим мы хотим сказать, что в воззрениях „Секции“ первое место занимал не 1-й, а 4-й пункт, где говорится о пробуждении в народе самосознания и о начинающемся активном выступлении народных масс. Под этим углом зрения, установленным еще Чернышевским и первой „Землей и Волей“,—Секция рассматривала русскую действительность. Если стать на эту точку зрения, то „общинное землевладение“ и „артель“ приобретают значение идеалов реального народного движения, значение господствующих форм ближайшего будущего общественного строя. В этом смысле между ними и „идеалами“ Интернационала действительно можно было поставить знак равенства. Но, повторяем, при этом необходимо помнить о господствовавшей тогда (и не только среди русских революционеров) иллюзии о наступающем в России крестьянском перевороте. Наконец, 3) характерным отличием программы Секции от последующих народнических программ (что сближает ее с современной программой русских марксистов) было подчеркиванье ею общности, одинаковости русского и европейского движения рабочих масс. Другой вопрос—насколько правильно было такое утверждение, но важно, что социалистическую программу Секция строила именно на тех элементах русской жизни, которые по ее мнению были одинаковы с элементами западной жизни. Последующие же народнические программы исходили от „особенностей“ русского народного быта. Для Секции и община и артель имели значение лишь постольку, поскольку они соответствовали идеалам Интернационала.

---

[1]) Программа № 1 „Нар. Дела“ 1868 г. формулировала принципы не социализма, а анархизма и притом в самой отвлеченной форме, не касаясь конкретного приложения ее к русским общественным отношениям. Последнее было сделано Нечаевым.

Последнее замечание надо сделать относительно III главы программы. Можно на первый взгляд увидеть в стремлении Секции организовать „всеславянскую“ федерацию — противоречие с ее же критикой отсталых „идей панславизма“. Нужно подчеркнуть, что здесь имеется противодействие панславистскому движению, путем противопоставления как раз националистическим идеям — идеи интернационализма рабочего класса. Форма же этого противодействия — всеславянская федерация — создавалась лишь для технического удобства, подобно тому, как в Центральном Женевском Комитете Беккер создал организацию, простиравшую свое влияние (первоначально) на все земли, где говорили на немецком языке (Германия, Австрия, Нем. Швейцария). От этого Беккер не стал пангерманистом.

„Устав Русской Секции“ составлен был согласно § 14—Общего Устава Интернационала, на основании которого всякая Секция имела право сообразовать свой устав с местными условиями, лишь бы он не противоречил принципам общего Устава.

§§ 1—8 Устава определяли функции Общего Собрания, Распорядительного Комитета (из 5 лиц) и ревизионной комиссии (3 чел.), а также порядок приема новых членов (поручительство трех членов).

§ 9-й постановлял, что „в силу исключительного положения страны, имена тех членов, которые возвращаются в Росссию, останутся известны только Комитету, который дает Общему Собранию общую характеристику кандидата, находящегося в таких условиях, и по утверждении его приема выдает ему карту, обозначенную вместо имени известным номером“. § 11 вменяет в обязанность каждому члену „употреблять все свои силы на пропаганду в России истинных принципов Интернационала, на организацию рабочих союзов сообразно с этими принципами“ и „служить интересам рабочих в России и их освобождению, как своим личным положением в известном ремесле или профессии, так и деятельным участием в пропаганде и денежными средствами“. Порядок исключения членов устанавливает § 12: „Подлежит исключению из Русской Секции каждый член, который будет действовать во вред пропаганде и организации интернациональной ассоциации, или побуждать других к подоб-

ным действиям.—Имена таких лиц и причины их исключения будут помечены в протоколе и сообщены Главному Совету в Лондоне для того, чтоб он мог в случае надобности принять меры относительно недопущения таких лиц в другие Секции Международного Товарищества Рабочих". § 16 определял порядок распределения ежемесячных и единовременных членских взносов: „1.—на пропаганду среди рабочего класса в России; 2.—на помощь стачкам в России; 3.—на помощь стачкам в Европе; 4.—на посылку делегатов на различные собрания и конгрессы; 5.—на обязательный взнос в Генеральный Совет". В § 17 Секция об'являла своим официальным органом „Народное Дело", а в § 18 (последнем) обещала озаботиться учреждением кассы взаимного вспомоществования „для того, чтобы помогать нашим братьям, борющимся в России за народное освобождение, точно так же, как и тем из них, которые терпят нужду в изгнании и в ссылках и которым она будет стараться доставлять средства спасения".

„Относительно нашей первой (заграничной) Секции,—писало „Народное Дело",—мы просим помнить, что она конечно не хочет и не смеет иметь притязание на какое-нибудь заведывание или руководство союзами в самой России. Она только готова всегда быть посредницей между ними и рабочими союзами в славянских землях и остальной Зап. Европе и конечно только до тех пор, пока вследствие настоящего политического гнета в России организация в ней Секции должна оставаться тайной" [1]).

N1 1870 г.

[1]) Не имело-ли в виду здесь „Народное Дело", говоря о революционной организации в России—неоформленных кружков „чайковцев", которые как раз около этого времени действовали в России?

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОИ СЕКЦИИ

(1870 г.)

Главным проявлением деятельности Секции после ее образования (судя по имеющимся материалам) по-прежнему оставалось издание „Народного Дела“. Однако в характере этого журнала произошли некоторые перемены. В первом же номере за 1870 г. помещена была редакционная статья с изложением взглядов Редакционного Совета на задачи журнала. „Основательное раз'яснение всемирных общих начал социальной революции,—говорилось там,—и обстоятельное указание на возможность применения этих начал в России—такова была в своих главных чертах задача, выполнение которой мы предприняли, когда взялись в октябре 1868 г. за издание „Народного Дела“. Эта задача и теперь остается нашим неизменным делом... ясно, что те, которые хотят трудиться в России с успехом над прямой практической работой, те должны знать и помнить революционное дело. Надо бросить фантазии, будто мы какой-то великан-народ, у которого все идет навыворот... Надо помнить, что существуют для всякого движения физиологические и исторические законы, обойти которые нельзя. Эти-то законы мы и хотим выяснить сначала в общем изложении основных принципов социальной революции“.

Практика однако показала, что для весьма многих еще это общее изложение осталось непонятно, т. к. им не удалось ознакомиться с „фактической подкладкой“, состоящей из ежедневно совершающихся событий в рабочем мире, из истории и современных вопросов Интернационала. Кроме того при изложении общих начал нельзя „обойтись без очистки их от тупоумных лжетолкований и фантастических бредней людей с устарелыми социалистическими чувствованиями“. А так как в силу

технических условий,—совмещение в одном издании больших теоретических статей со статьями, знакомящими с фактической стороной дела—замедлило бы издание, то Редакционный Совет полагал разбить его на две формы: 1) листок, содержащий „текущие сведения политической и социальной жизни Европы и Америки и все те раз'яснения и выводы по социологии и истории современного движения, которые с удобством укладываются в небольшие так называемые газетные статьи" и 2) большие выпуски, выходящие несколько раз в год и содержащие „более обстоятельное изложение общих начал социальной революции". Далее, Редакционный Совет намечал главные вопросы, подлежащие разбору в журнале. „Наш орган,—говорится там,—будет заниматься и историей теоретического и историей практического социализма, социалистических учений и развития в них известных принципов и их взаимодействующего влияния и зависимости друг от друга... Для того, чтобы мы могли воспользоваться опытом прошлого и избежать ошибок и неудач, зависевших в прошлом или от ложной постановки социальных вопросов, или от ложной системы организации"—журнал даст исторический и критический обзор пропаганды и организации в различные эпохи и в различных странах. При этом он будет останавливаться подробно на оценке и истории тайных организаций, т. к. „ясно, что социально-революционная работа в России не может совершаться, не опираясь на прочно установленную тайную организацию"... В заключение говорится, что одною из существенных задач журнала будет—служить интересам русской организации, партии народного освобождения, стать ее органом.

Многое из намеченного здесь не вышло из области благих пожеланий и имеет значение лишь в качестве немерений и стремлений Русской Секции. Вполне осуществилось лишь издание листка „Народного Дела" по предложенной программе. Вследствие этого, характер „Народного Дела" за 1870 г. и по внешности и по содержанию приближался к общему типу „подпольных" русских социалистических газет. В нем по сравнению с прошлыми годами сообщалось больше фактического материала из жизни Интернационала и из русской рабочей жизни, статьи носили менее отвлеченный характер и, что особенно интересно, различные вопросы социалистического движения часто ставились вполне „по-марксистски". В 1870 г. „Народное Дело" вышло в

семи номерах; № 1 (от 15 апреля) содержал цитированные выше статьи: от редакции „Русская ветвь Междун. Товар. Рабочих“ — программа русской секции,—Устав Р. С.,—Письма Карла Маркса и Беккера; № 2 (от 7 мая) почти весь занят был статьей: „Крестьянская реформа и общинное землевладение“, а № 3 (от 31 мая) статьей „Интернациональная ассоциация и Россия. Бунт, стачка и революция“. В №№ 4 (от 30 июня), 5 (31 июля) и 6—7 (август—сентябрь) помещена хроника и различные манифесты Междун. Товар. Рабочих, из статей представляют интерес: „Стачки и выставка в Петербурге“ (в № 4); „Подготовительная работа социальной революции“ (в № 5) и „Политика“ (в № 6—7).

Все эти номера были изданы в виде листка и содержат от 4 до 8 страниц в двух—трех столбцах мелкой печати.

Помимо журнала в конце октября 1870 г. должен был выйти выпуск 1-й библиотеки Международного Товарищества Рабочих, содержащий в себе Манифест к земледельческому населению от комитета немецкого отдела МТР и Процесс австрийского правительства против Л. Неймеера, редактора рабочей газеты „Равенство“, за напечатание им этого манифеста [1].

В апреле и мае 1870 г. Русская Секция организовала подписку в пользу стачечников Франции и Австрии. 22 апреля ею послано было в редакцию „Марсельезы“ [2] сто франков „на помощь нуждающимся семействам осужденных стачечников в Крезо“ [3], в сопровождении следующего адреса: „Граждане редакторы. Неистовства и злодейства интернациональной коалиции капитала и шаспо должны встретить дружный отпор со стороны интернациональной солидарности труда и мысли; реакция обязывает нас не ограничиваться только одними словами сожаления. В своей несчастной стране, как и в своем изгнании ваши русские братья следят с горячим сочувствием за вашим победоносным движением по пути к социальному освобождению и к уничтожению всего ненавистного современного порядка... Переживаемый теперь народом момент слишком важен и решителен, и мы убеждены, что мы не можем служить лучше делу

---

[1]) См. „Нар. Дело“ 1870 г. № 6—7.

[2]) Орган Интернационала во Франции.

[3]) Знаменитая в истории рабочего движения во Франции стачка, послужившая, между прочим, темой для романа Золя „Жерминаль“.

освобождения народов, как нашим старанием связать братским союзом Восток с Западом. Запад оказал неисчислимые услуги делу интернационального движения, и Франция преимущественно в продолжение почти целого века проливает кровь своих лучших детей за завоевание равенства целому миру. Во имя русского народа мы не могли бы лучше отблагодарить революционную и социалистическую Францию, как работая над тем, чтобы социальный переворот,—который по всей вероятности начнется во Франции,—встретил и в русском народе поборника нового строя и врага всех покровителей отживающего порядка.

В ожидании такой развязки, страдания, которым подвергаются теперь рабочие, требуют безотлагательной помощи и поддержки всех их братьев; поэтому, 1-я Русская Секция, учрежденная в Женеве, просит вас присоединить к сборам в пользу жертв стачек и ее братское приношение, ее первый взнос в 100 франков. Привет и братство. За Комитет Русской Секции. Секретарь А. Трусов".

Затем, в „Народном Деле" печатались корреспонденции из Сербии и Болгарии, что доказывает наличность связей у Секции с этими землями. Статья о Сербии [1]) написана с выдержанной марксистской точки зрения; она дает очерк экономического и политического развития Сербии, характеризует соотношение классов в ней и знакомит с национальным обществом сербской молодежи—„Омладиной". Автор корреспонденции приходит к выводу, что в Сербии „быстро совершается процесс разделения народа на класс пролетариев—работников и класс капиталистов", что „рабочий класс Сербии быстро идет к тому же состоянию, в котором гибнет и против которого восстает рабочий на Западе". В виду этого автор выражает надежду, что национальные стремления „Омладины" могут быстро смениться идеями Международной Ассоциации подобно тому как быстро прививалась идея равноправности женщин, внесенная одним русским на конгресс „Омладины" в 1867 г.

В корреспонденции из Болгарии [2]) приводится программа „Болгарского Революционного Комитета". Из нее явствует, что стремления этого Комитета носили также ярко-национальный оттенок. Однако, „Нар. Дело" подчеркивает в программе следующие слова: „Мы не станем работать вместе с каким бы то ни

[1]) „Н. Д." 1870 г. №№ 2—3.
[2]) „Н. Д." 1870 г. № 6 и 7.

было правительством, хотя бы оно было составлено из наших родных братьев: нашими союзниками должны быть только порабощенные и измученные трудом и нищетой народы, каковы и мы сами. И мы причисляем наших горбаджиев (болгарских чиновников) к нашим врагам и будем преследовать их везде и всегда".

Наконец, Секция имела отношение и к процессу (в Женеве) русского студента Семена Серебренникова, арестованного женевской полицией по ошибке вместо Нечаева. Н. Утин выступал перед полицией, доказывая alibi Серебренникова; „Нар. Дело" поместило письмо Серебренникова [1]) с описанием всего инцидента; подписка на процесс, открытая при журнале, дала 50 франков; описание процесса дано было в приложении в № 3 „Нар. Дела".

Вот в сущности и все, что известно о деятельности Русской Секции в 1870 г. Насколько широко было ее влияние среди русских за границей, удалось ли ей установить более или менее прочные связи с Россией,—на все подобные вопросы имеющиеся материалы не дают ответа.

Определенно можно наметить лишь ту позицию, которую занимала Русская Секция в эмиграции.

„В самый момент образования нашей Секции,—писало „Нар. Дело",—всплыли, так сказать, из недр российского революционерства две теории: одна—разрушения для разрушения с своим органом „Народная Расправа", другая—сплочение для сплочения с своим органом „Колокол" русских агентов".

Отношение группы „Народного Дела" (образовавшей секцию) к „Народной Расправе" ясно определилось уже в 1869 г. и с тех пор не изменилось. Отношение же Секции к „Колоколу русских агентов" [2]) выражено „Народным Делом" следующим образом; „со стороны либеральных революционеров идут критика и упреки"... „конечно, говорят они, Интернационал хорошее и даже великое дело, но оно не наше дело, вы увлекаетесь, им и забываете про русское дело: нам интересно знать, что делается

---

[1]) „Н. Д." 1870 г. №№ 5, 6 и 7 в „Отделе, не подлежащем ответственности редакции".

[2]) „Нар. Дело" имеет здесь ввиду уже не „Колокол" Герцена, прекратившийся изданием на русском языке—еще в 1867 г., а на французском в декабре 1868 г.; „Колокол русских агентов" издавался Огаревым, Бакуниным и Нечаевым в 1870 г. после смерти Герцена. Его вышло 6 номеров.

на Западе, но у нас есть свое дело, и его то вы забываете... Наше русское дело состоит в необходимости теперь направить все недовольные элементы единственно на борьбу с правительством во имя завоевания России политической свободы. А при этой необходимости социальная пропаганда в настоящее время может повести к раз'единению и к ослаблению союза русских недовольных людей" [1]). „Партизаны этой теории исключительно политической, либеральной революции—говорит далее „Народное Дело", указывают нам на историю западных государств, где происходили до сих пор одни политические революции, об'ясняя, что только вслед за этими революциями явилась на Западе возможность вести организационную работу социальной революции". „Нар. Дело" возражает так: „мы обращаем внимание приверженцев этой теории на то, что невыносимость экономического положения русского рабочего класса сама собой заставляет его итти на борьбу с враждебными элементами. Сознание недовольства и протест против существующего положения проявляются за последнее время в России гораздо энергичнее со стороны народной массы, чем со стороны образованного общества, которое еще думает о различных реформаторских заплатах; и таким образом, необходимость вести теперь в России организационную работу социальной революции—вытекает из настоящего положения народной массы, а не из кабинетного размышления или слепого подражания Западу. Подобное же невыносимое экономическое состояние рабочего класса на Западе, выраженное только в более сознательной форме, было причиной образования Интернационала и его быстрого развития"....

Политическую борьбу в России Секция не отрицала, но связывала ее с организационной социалистической работой. Более подробно этот вопрос будет разобран ниже.

В то же время продолжалось участие некоторых членов Секции в Женевском Интернационале. По свидетельству Крапоткина, Н. Утин и еще некто „madam Olga", играли руководящую роль в Temple Unique бывшем массонском храме, здание которого служило местом всех рабочих собраний. А во время

---

1) „Нар. Дело" 1870 г. № 3, стр. 1-я.

большой стачки рабочих строительных ремесел (в Женеве, апрель—июнь 1870 г) Утин находился в числе 8 членов стачечной комиссии; его подпись в числе прочих мы встречаем под Манифестом Интернационала, призывавшем всех женевских рабочих к поддержке этой стачки. Ввиду упорства, проявленного хозяевами, в Женеве готовилась всеобщая забастовка, и лишь отраженное влияние франко-прусской войны, помешало ей разразиться: Швейцарское правительство об'явило мобилизацию под патриотическим предлогом защиты нейтралитета Швейцарии. „Нар. Дело" дало подробный отчет об этой стачке, в виду интереса ее для русских социалистов; здесь Интернационал пытался (и с успехом) распространить влияние на окрестные деревни.

ПОСЛЕ 1870 ГОДА

С выходом сентябрьского выпуска „Народного Дела“ издание его прекратилось; вместе с тем прекратилась и достоверная история Секции. Относительно причины прекращения журнала в имеющихся материалах нигде не встречаются указания. Равным образом неизвестно совпало ли прекращение „Народного Дела“ с распадением Русской Секции, или последняя продолжала существовать и далее. Сохранившиеся сведения крайне отрывочны и об'ясняют мало. Так известно, что Н. Утин был делегатом на Лондонской конференции Интернационала в 1871 году, и что XIV резолюция этой конференции давала ему „инструкцию“—„составить доклад (по русским источникам) о процессе Нечаева и опубликовать его в Женевской „Egalitè“; предварительно доклад должен был быть сообщен Генеральному Совету“ [1]. Но неизвестно присутствовал ли Утин в качестве делегата от Русской Секции или же от Романской Федерации.

На Гаагском конгрессе Интернационала (в сентябре 1872 г.) в качестве представителя „русского отдела“ присутствовал Карл Маркс [2]) На этом конгрессе, как известно, разыгрался последний акт борьбы между марксистами и бакунистами Интернационала. На основании данных, собранных Утиным, Генеральным Советом был представлен доклад требовавший исключения Бакунина и его товарищей по Альянсу. Конгресс утвердил

---

[1]) См. R. Meyer. Emancipations kampf des vierten Standes, гл. об Интерн.

[2]) См. Молинари. Конгрессы социалистов „Русск. Вестник“ 1872 г. № 11 (Корреспонденция о Гаагском конгрессе Интернационала). Там же говорится, что на анти-конгрессе бакунистов в Лондоне „Везинье требовал, чтобы ему показали хоть одного русского, который подавал бы голос в пользу Маркса, присовокупив, что этого русского следовало бы поместить в кабинете уродов г-жи Тюссо, ибо К. Маркс имел-де гнусность исключить Бакунина из Интернационала“ (стр. 252). Но этим словам нельзя придавать значения, т. к. Везинье являлся крайне темной личностью.

исключение 27 голосами против 8-ми при 8 воздержавшихся. Мотивами этого послужили указанные в резолюции сведения относительно задач Альянса и относительно деятельности Нечаева [1]).

Группа русских бакунистов, составлявшая с августа 1872 г., „Славянскую секцию Интернационала" ответила на исключение Бакунина печатным протестом (от 4-го октября 1872 г.) и кулачной расправой над Утиным в Цюрихе. Упоминая об этой дикой выходке, П. Л. Лавров сообщает, что она „вызвала в русской колонии не столько возмущения, как оно было бы при других условиях", т.-е. если бы „вражда Утина против Бакунина" не была так „бесцеремонна". Лавров говорит, что именно эта „вражда" была причиной, почему в 1872—73 г. с „разбитыми элементами утинского кружка" (в Женеве) не хотели сближаться сторонники возникшего тогда „Вперед", хотя они сами были противниками бакунизма. Утин предлагал в их распоряжение свою типографию [2]).

Последнее, по времени, сведение о Русской Секции встречаем мы в „Правительственном Сообщении" от 21 мая 1873 г., содержавшем грозное приказание заграничным русским студентам вернуться в Россию. Там указывается, что „славянское социал-демократическое общество, Центральный революционный Славянский Комитет, Славянская и Русская секция Интернационального общества открылись в Цюрихе и считают в числе своих членов не мало русских молодых людей и женщин". Но на точность жандармских сведений полагаться нельзя. Русская Секция могла распасться до этого «сообщения», так же как распалась упоминаемая с ней „Славянская".

Наконец, в числе 19 эмигрантов, вызывавшихся правительством в Россию в 1874 г. [3]) находятся имена: дворянина Антона Трусова, быв. студента СПБ университета, Н. Утина и быв.

---

[1]) Об этом см. Гильом. М. А. Бакунин. Былое 1906 г. Август. Там же есть содержание протеста бакунистов.

[2]) Материалы по истории соц.-револ. движения П. Л. Лавров. Народники 1873—74 гг., 1—2 (с приложением „с род. на родину" № 5) сент. 1895 г. изд. стар. нар-цев, стр. 50.

[3]) „Правит. Вестник" 1874 г. № 106 от 5 мая. Перепечатано в материалах по истор. соц.-рев. движения в 60-х год., Базилевский.

студента Казанского Университета М. Элпидина. Но о деятельности этих лиц в то время мы ничего не знаем [1]).

Таким образом, нельзя составить ясного представления о последнем периоде существования Русской Секции. Можно указать только на общие причины, в силу которых деятельность ее должна была прекратиться.

После Гаагского конгресса 1872 года старый Интернационал перестал существовать, как таковой, т.-е. как организация, охватывающая движение всех стран. Социалистическое и рабочее движение в каждой стране обособилось и питалось теми соками, которые получило в период тесного международного общения в Интернационале. Среди этих „национальных" движений и групп Русская Секция была едва ли не самой молодой организацией. Она была еще органически связана с Интернационалом и могла развиться лишь в связи с его развитием. К моменту его распадения она не успела еще пустить прочных корней в России и потому не могла продолжать самостоятельного существования. Это, конечно, было первой и главной причиной неуспеха Секции.

Сюда присоединялось еще могучее влияние на русскую молодежь Бакунина. Характерно, что из №№ „Народного Дела" наибольшей известностью в России, как кажется, пользовался именно бакунистский № 1-й. Речи Бакунина на международных конгрессах пареводились на русский язык, или распространялись в листках Герценовского „Колокола". Общее впечатление о Бакунине один из современников выразил так: „то, что мы слышали о нем, напоминает что-то сказочное, эпическое. Это Святогор, которого не могла снести русская земля". [2]) Естественно, что большинство эмигрантов конца 60-х годов примкнули к Бакунину [3]), к нему же, а не к марксистскому „Нар. Делу" тяготела и значительная часть русских студентов.

---

[1]) Относительно Утина известно, что в первой половине 70-х годов он отказался от политической деятельности; служил затем в промышленных предприятиях у Полякова, подавал покаянное прошение „на высочайшее имя", по хлопотам Полякова получил разрешение вернуться в Россию и умер на Урале в 80-х годах. Надо думать, что на уход Утина из революционного движения не мало повлиял своего рода бойкот, которого придерживались по отношению к нему все русские течения, из-за его борьбы с Бакуниным.

[2]) Лавров. Народники 1873—74 г. Цитаты из воспоминаний Землевольца.

[3]) Напр. Сажин. (Арман Росс) Вл. Гольштейн, Александр Эльсниц, З. Ралли и др.

Если же революционно-настроенная молодежь и не соглашалась с бакунистскими принципами, то она все-таки не допускала такого отношения к нему лично, каким было отношение группы Утина.

Однако следует отметить то обстоятельство, что с Бакуниным соглашались далеко не все из русской колонии в Швейцарии: рядом с бакунистами существовали и так называемые „подготовители", сгруппировавшиеся вскоре около Лаврова и его журнала „Вперед". И если между „подготовителями" и „разбитыми остатками утинского кружка" не существовало близких личных отношений, то идейная близость этих течений несомненна. Это вытекает из рассмотрения идейного содержания пропаганды „Народного Дела".

ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В „НАРОДНОМ ДЕЛЕ“

Для характеристики программных взглядов, „Народного Дела“ крайне важным является то обстоятельство, что они одинаково не были ни простым, механическим заимствованием какой-либо доктрины западного социализма, ни „самобытным“ русским произведением. До создания своей программы (сформулированной как программа русской секции) „Народное Дело“ дошло путем согласования учения Чернышевского с принципами марксистского крыла Интернационала и притом,—согласования серьезного и посильно глубокого. Стремление „Народного Дела“ не ограничивалось поверхностной попыткой „пересадить“ в Россию Интернационал. Журнал произвел большую работу, пытаясь понять социологический смысл западно-европейского рабочего движения, согласовать с ним взгляды, усвоенные землевольцами у Чернышевского и найти в общественных отношениях России почву для развития принципов международного движения. Общие социологические принципы „Народного Дела“ изложены в статье „Политика Мещанства“ и политика социализма („Ведение в историю рабочего движения“), первые две главы которой были помещены уже в № 4—6 (май 1869 г). Статья эта осталась неоконченной, но и то, что было напечатано, свидетельствует достаточно о серьезности теоретической работы „Народного Дела“ и вполне ясно характеризует основную точку зрения журнала.

Статья направлена против утверждений „ученых адвокатов существующего порядка“ будто вся история человечества противоречит „сумасбродным уверениям крамольных утопистов“ и блистательно опровергает какие бы то ни было попытки в их смысле [1]). Автор статьи прослеживает, в общих чертах, ход

[1]) „Н. Д.“ № 4—6. 1869 г. стр. 59.

исторического развития и в конечном выводе выставляет положение обратное по смыслу; именно, что „история не только не опровергает, но напротив подтверждает всю неизбежность социалистического переворота“ [1]).

По мнению „Народного Дела“, „социализм прежде всего есть факт исторический, а не „галлюцинация утопистов“, и победа социализма исторически неизбежна. К этому выводу можно прийти, конечно не на основании „официальной“ истории, которая представляет собой не что иное, как „схоластическую ложь и умышленное извращение фактов“. До последнего времени, правда, понятие „истории“ покрывалось понятием „истории официальной“, однако нельзя допускать такое смешение понятий; и потому, та часть русской молодежи, которая с легкой руки Писарева, „решила, что верх премудрости заключается действительно в „резании лягушек“ [2]) и отбросила занятия общественными науками—глубоко не права. Уже не говоря о том, что „освободительная“ роль распространения естествознания в народе „возможна только при нормальных условиях жизни, не стесненных полицейским гнетом“—ставить переворот в общественной жизни в зависимость от пересоздания народного миросозерцания на основе естественных наук равносильно „надежде на мирный прогресс, на грядущее мирное освобождение“.

„Молодое поколение—говорит „Народное Дело“, — должно ставить занятие естественными науками, в уровень с занятиями социальными и историческими науками“, ибо только „то и другое знание“ даст возможность „заранее ясно обдумать и прямо поставить те некоторые начала новой социальной жизни, во имя которых может и должна формироваться передовая социалистическая партия [3]).

Конечно, „глубокая правда лежала в изобличении исторической науки в схоластическом построении и глубокая истина сказывалась в требовании пересоздать всю науку истории на новых рациональных началах естествования и при помощи всех других, так сказать, прикладных наук, возводящих историографию на степень социологии“. Однако, ожидание пока будет

---

[1]) ibid. Стр. 61.
[2]) Стр. 62.
[3]) Стр. 63.

создана эта новая наука, „равнялось бы обречению себя на долгие годы, на целые десятки лет, на полное невежество относительно исторического хода вещей". „Народное Дело" видит из этого положения такой выход: нужно помнить, говорит оно, „что фальшивая историография не могла помешать некоторым исследователям воспользоваться собранным уже материалом для критики той же самой самозванной науки, для критики тех „прогрессивных порядков", которые изображаются той наукой в ее хвалебных гимнах. Сквозь всю тьму официальной лжи такие исследователи сумели уловить идущие через все века проблески и проявления действительной народной жизни, с ее невзгодами, с ее требованиями. Надо ли прибавлять еще, что труды таких исследователей венчались успехом и достигали искомых результатов потому, что ими руководило в их изысканиях ясное, определенное отношение к Народному Освобождению. В силу этого отношения, они искали всегда и везде как пробного камня, хотя бы малейшего указания или присутствия тех начал, которые всегда свидетельствуют о своем происхождении и свойстве, п. ч. всегда проявляются и ищут себе бытия только в среде самого народа. Таким образом, заключает „Народное Дело" правдивое ознакомление с историей, добросовестное вникание в целый, через долгие века, идущий ряд повидимому отдельных движений и так называемых смут, связанных в сущности между собою одною непрерывною, в крови заржавевшею цепью и составляющих, так сказать, традиционную историю Народного Освобождения,—такое ознакомление делает нас опытными чужим, братским опытом" [1]).

„Переносясь в прежние эпохи, смут и движений (а эти смуты и движения были всегда и всюду, так что и всю историю человечества до нашей поры можно назвать „смутным временем [2]), мы переживаем страсти и немощи тех эпох, мы испытываем негодование и злобу за поражение тех кого, по общности идей и интересов, мы назвали бы теперь нашими братьями, и мы радуемся и торжествуем за каждый удар молота, разбивающего окаменелое здание феодально-царской монархии с ее

---

[1]) Стр. 64.

[2]) Эти слова сильно напоминают начальные слова „Коммунистического Манифеста". Однако мы не можем утверждать здесь заимствование, т. к. „Народное Дело" нигде не называет точно, „исследователей преданных народному освобождению".

солдатчиной, аристократией и мещанством. И, часто не замечая того, мы, переносясь через отжившие эпохи, доходим последовательно и прямо до последнего пункта современного исторического развития, и обеспеченные таким опытом исторического знания, ясно и трезво разумеем современное состояние народного движения, направленного к Социальной Революции, и только таким способом доходим до понимания всего значения этого движения и оцениваем большую или меньшую основательность всех данных для уверенности в успехе ближайшего переворота" [1]).

Следует отметить, что в приведенных выдержках содержится в зародыше весь знаменитый „суб'ективный метод в социологии". Далее будет подробнее разобран этот пункт в воззрениях „Народного Дела". Теперь же перейдем к дальнейшему изложению статьи.

„Ясно,—говорит журнал,—что отношение к историческому изучению, как к „архивной сантиментальности невежественно и вредно. Ясно, что только по незнанию люди способны относиться к тому или другому явлению с крайней наивностью или пошлостью, считая его за совершенно особое, самобытное, нигде не бывалое, в то время как оно совершилось в том или ином виде повсюду... настоящее стоит в неразрывной связи с прошлым" [2]).

И „Народное Дело" указывает на законы солидарности исторических эпох и исторических судеб народов: „Прошлое не только не совершенно чуждо современности, а напротив, настолько близко и солидарно с ней, что весьма отдаленные по времени одна от другой эпохи, в сущности были заняты и волновались одними и теми же вопросами, одной и той же глухой или открытой борьбой, одними и теми же сознанными или инстинктивными потребностями" [3]). Второй закон „солидарности" заключается в том, что „социальное и политическое развитие всех народов идет аналогическим путем; в росте физиологии и психологии народов столь же много общего и одинакового, сколь и в развитии отдельных индивидуумов. Мы должны, конечно, принимать в соображение при наших выводах некоторые особенности, климатические и почвенные условия, этнографические различия; но затем в самом ходе

[1]) Стр. 65.
[2]) Стр. 66.
[3]) Стр. 67.

истории, т.-е. в прогрессе индивидуальной и общественной жизни, в улучшении или в ухудшении социального строя народных масс, аналогия сохраняется в полной силе. Только с течением времени,—и в этом торжество наше,—происходит значительное изменение так сказать в хронологии—сроки различных периодов прогрессивно сокращаются и уменьшаются в истории тех народов, которые идут вслед за другими, сравнительно с периодами той или иной фазы в истории народов, шедших впереди всех других по длинному многовековому пути к свободному равенственному самоустройству. И при этом, обстановка, той или другой фазы окрасится в различные более или менее яркие цвета, в той или другой стране; но все же самые элементы так называемой „нации“ всегда слагались на известном пространстве из одних и тех же политических и экономических слоев, из одних и тех же противоположных, враждебных друг другу ингредиентов“ [1]).

В истории цивилизации, говорит „Народное Дело“, мы везде и всегда находим „борьбу между тунеядной собственностью, которая опирается на государственность и богословие, и т р у д о м, который производится во славу и на потеху привиллегированных каст миллионами закабаленных масс, вознаграждаемых за то все более и более возрастающим нищенством и истреблением“ [2]). За это время „всюду одинаково историческая мгла народной жизни много раз освещалась зарей народного пробуждения. Народ вставал и выжигал все до тла вокруг себя... Но у него, забитого, не было силы и умелости борьбы, и он снова уходил в свою работящую берлогу“ [3])... Прослеживая те требования, которые выставлялись народом в борьбе, мы „убедимся, что современные нам идеи, двигающие народными массами, вычеканивались в определенную форму из того несокрушимого металла, которым звучали первые требования европейских народов почти тысячу лет тому назад“. В отстаивании общинного вечевого начала против роялизма и феодализма X и XI веков; в борьбе северо-русских народоправств (федеративного начала) против Московской централизации; во французской жакерии XIV века; в борьбе итальянских городов с папством и империализмом; в политической конспирации гугенотизма; в кре-

---

[1]) Стр. 67.

[2]) Стр. 61.

[3]) Стр. 67.

стьянских войнах Германии; в бунтах Разина и Пугачева; наконец в Великой Французской Революции, этом „кульминационном пункте исторического прогрессивного хода“,—во всех этих исторических событиях выражается „отрицательный период социализма, в продолжение, которого социалистические требования народа высказываются только в отрицании феодально-мещанского захвата, в протестах против него“. „Положительная“ же формула слагается только со времени Великой Революции „от которой мы вправе вести начало положительной фазы социализма“ [1]).

Вот в каком смысле говорило „Народное Дело“ в начале этой статьи, что социалистический переворот „не есть каприз или галлюцинация утопистов, а есть только заключительное звено целого исторического хода человечества“ что „человечество шло к этому перевороту гнетом и терзанием и оно зрело для этого переворота вековыми усилиями мозга, искавшего жизненную формулу для лучшего мироздания“ [2]).

„Для добросовестной строгой пропаганды в народе,—заключало „Народное Дело“,—необходимо понять и сообразоваться с развитием и логикой народа; а революционная логика народов слагалась вековыми пластами, с удивительной энергией и мощностью отбрасывая от себя все, оказавшееся сгнившим и непригодным, и принимая в себе все обновляющее и двигающее вперед. Эта революционная логика находит себе вековые подтверждения в истории, как мы ее понимаем [3]).

Таково, в главных чертах содержание этой интересной статьи. Легко видеть, что социологические воззрения „Народного Дела“ были эклектичны. С одной стороны, общий вопрос ставился с исторической точки зрения, социализм признавался продуктом и неизбежным завершением всего исторического прогресса; вся история рассматривалась, как ряд „смут“, в которых непрерывно велась борьба между трудом и собственностью; развитие всех народов признавалось аналогичным; социальный состав всех народов из элементов, обладающих противоположными интересами, также считался одинаковым для одинаковых эпох. Эти положения значительно приближаются к общим теоретическим основаниям научного социализма. Но с

---

[1]) Стр. 68.
[2]) Стр. 61.
[3]) Стр. 68.

другой стороны, в истолковании этих положений „Народное Дело“ совершенно расходилось с последовательным марксизмом. Согласно последнему, социализм является завершением исторического процесса, вследствие развития производительных сил и определенного состояния производственных отношений в обществе. Производственные же отношения служат причиной классовой борьбы и в истории, и в настоящее время. Но везде, где марксизм обращается за об'яснением к общественным отношениям экономического характера,—„Народное Дело“ апеллирует к умственному развитию. Историческое происхождение социализма рисуется „Народному Делу“, как „постепенное отыскание человечеством „лучшей формулы общежития“; неясностью народного самосознания об'ясняет оно неуспех прежних народных движений; в современном прояснении его видит залог близкого успеха [1]). Таким образом, во всех этих основных социологических вопросах „Народное Дело“ остается верным рационалистической точке зрения Чернышевского [2]). И тем не менее остается верным и то, что эти основные вопросы поставлены по-марксистски.

Об'яснить этот факт знакомством группы „Народного Дела“ с трудами К. Маркса и Энгельса—нельзя. Не говоря уже о том, что нигде в журнале не указывается прямо на эти труды, как на источник исторического понимания социализма, это знакомство, будь оно достаточно глубоким, неизбежно наложило бы более ясный отпечаток на теоретические взгляды „Народного Дела“, придав им большую определенность и изменив коренную точку зрения [3]). Гораздо правильнее, по нашему мнению пред-

---

[1]) Еще одна характерная выдержка: „Мещанский правящий миром порядок говорится в той же статье,—гибнет, п. ч. он прежде всего оказался невежественен, что в нем не оказалось ни смысла, ни света знания, которые двигают теперь социалистическими массами“ (Стр. 61).

[2]) В № 7—10, стр 142 „Народное Дело“ непосредственно указывает на Чернышевского как на своего учителя. „Чернышевский давая обстоятельное, критическое знакомство с западными теориями, и указывая на их реальную связь и применимость к нашему народному быту, основал целую новую школу, к адептам которой причисляем мы и себя“.

[3]) Нельзя, однако, отрицать и вероятности такого знакомства, по крайней мере с некоторыми идеями марксизма, т. к. члены группы работали в Интернационале рука об руку с I. Ф. Беккером, старым другом Маркса. Из трудов Маркса „Народное Дело“ называет только „Капитал“ определяя его как „замечательный и поистине демократический труд“ (Н. Д. № 4—6 стр. 100). Но это замечание сделано мимоходом в статье, посвященной Интернационалу.

положить, что на воззрение „Народного Дела" оказала влияние не самая доктрина марксизма, а непосредственное впечатление могучего классового движения пролетариата на Западе. В Интернационале вопрос о социализме фактически был поставлен как историческая задача, как задача исторического международного рабочего движения. Ежедневная борьба пролетариата во всех странах фактически и наглядно показывала многое из того, что заключалось в теории марксизма. Логика жизни, оправдывавшая марксистскую точку зрения, в то же время подчиняла себе и заставляла приспособляться всякую иную точку зрения. В Интернационале не было единства социологических взглядов; но шаг за шагом, покоряясь естественным требованиям борьбы рабочего класса, все течения Интернационала приходили к тому руслу, которое давно уже предвидел Маркс.

Таким образом и русские ученики Чернышевского не составили исключения из общего правила. Невольно подчиняясь практике Интернационала, и пытаясь понять эту практику со своей точки зрения, они ставили общие вопросы и решали конкретные, практические вопросы в марксистском смысле; исходная же рационалистическая точка зрения сохранилась у них при этом всецело и появлялась всякий раз при решении всех отвлеченных социологических вопросов. Марксисты в практике, они остались идеалистами в теории. Лучше всего это видно в оценке ими Интернационала.

Чтобы закончить разбор социологических воззрений „Народного Дела", необходимо еще остановиться на методе его. Как выше было замечено, это был „субъективный метод в социологии", так долго господствовавший в социологических построениях русского народничества и так долго затемнявший правильный взгляд на постановку социалистического движения в России. На лицо главные элементы этого метода: 1) „правильное отношение исследователей к делу народного освобождения",—и 2) обусловленная этим отношением возможность для них связать разрозненные звенья истории народной борьбы в схему постепенного раскрытия истин социализма. Об этом методе исторического исследования русское общество узнало около того же времени еще из другого источника:—из „Исторических Писем" Миртова-Лаврова. Поэтому представляется крайне интересным сравнить то и другое.

И „Народное Дело“ и Миртов дают сравнительную оценку естествознания и истории и указывают на одинаковую необходимость для революционера и естественно-научных и исторических знаний; но „Народное Дело“ стоит при этом на точке зрения практических интересов движения; „Письма“ же выдвигают интересы обще-философского развития личности. И там и здесь для понимания хода истории предлагается „суб'ективный метод“, при чем, главное условие его—высота умственного и нравственного развития историка—признается необходимым и там и здесь. Однако, Миртов отрицал всякую возможность какого-либо иного об'ективного метода для об'яснения исторического процесса[1]), „Народное Дело“ же, определенно говорило, что его понимание истории, его исторический метод суб'ективны и выдвигаются лишь в качестве временной замены несозданной еще науки социологии. „Официальную науку истории,—говорит журнал,—следует категорически отвергать из образования, и на ее место следует пытаться ставить начала истинной всенародной истории, в ожидании той великой эпохи, когда рациональное положительное знание и практика новой свободной жизни, создадут социологию[2]). И „Народное Дело“ указывало побудительный мотив этой замены: она нужна в силу практической необходимости познания исторического хода вещей. Все это сильно отличается от „абсолютного“ утверждения Миртовым суб'ективного метода и в то же время открывает нам тот практический корень его, благодаря которому этот „метод“ процвел и приобрел сторонников. Так как трудно допустить, что „Народное Дело“ заимствовало свой социологический метод у Миртова[3]), то можно в этом одновременном возникновении одной и той же теории и в последующем быстром успехе ее,—видеть проявление назревшей потребности революционных кругов русской интеллигенции, в познании исторического процесса с точки зрения „рационалистического материализма“ 60-х годов.

---

[1]) „Суб'ективный идеал придает им (об'ективным и историческим фактам) перспективу и нет никакого другого способа построить эту перспективу, как при пособии нравственного идеала (историка)“. Миртов.—„Истор. письма“ Изд. 1870 г., стр. 259.

[2]) Стр. 68 „Народное Дело“ 1869 г. № 4—6.

[3]) Указанная статья „Народного Дела“ печаталась в майском № 1869 г., „Письма“ Миртова печатались в „Неделе“ также за 1869 г. Но это еще не решает вопроса о возможности заимствования в период до появления этих идей в печати.

„НАРОДНОЕ ДЕЛО“ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Помимо различного рода сообщений о ходе рабочего движения в различных странах, отчетов и воззваний Международной Ассоциации рабочих, „Нар. Дело“ посвятило Интернационалу следующие крупные статьи: „Современное выражение социальной революции на Западе“ (в №№ 7—10 1869 г.), „Рабочее движение на Западе“ (№ 4—1870 г.) и „Подготовительная работа социальной революции“ (№ 5 за 1870 г.). Кроме того, тому же предмету посвящена большая часть статьи: „Интернациональная Ассоциация и Россия“, „Бунт, стачка и революция“ (№ 3—1870 г.). Первые две статьи берут Интернационал в целом, а „Подготовительная работа“... излагает взгляды марксистского крыла Ассоциации. Остановимся пока на первых статьях.

Происхождение Интернационала рисуется в них следующим образом: „Члены передовой части трудящейся массы должны были, так сказать, роковым образом (самой силой вещей) взглянуть критически на весь окружающий порядок и притти к сознанию своего настоящего положения в обществе. Это сознание зрело в передовой части пролетариата по мере того, как громадное развитие мещанского прогресса в промышленности и фабричности все более и более давило рабочие массы в силу основного принципа всей своей выработанной системы: наивозможно более рабочего труда за наивозможно ничтожнейшую плату“. Рядом с побуждением, вытекавшим из естественного чувства самозащиты, это сознание заставило обратиться передовой пролетариат к организованному союзу для противодействия всей системе порядков, враждебных труду и народу. „Пролетариат решительно сказал себе: рабочий не был решительно до сих пор ничем иным, как куском мяса для удобрения ренты барышников, а должен быть он решительно всем, потому что один он пред-

ставляет собой могучую производительную силу и вне его барышнический паразитизм обречен на смерть".

„Таким образом,—говорит „Нар. Дело",— является новая сила в развитии человечества, с которой волей-неволей приходится считаться, потому что это огромная сила, ибо она сознала самое себя и начертила сама себе последовательный ход. Вот что обязывает нас назвать роль Интернациональной Ассоциации вполне исторической. И историческая задача, т.-е. задача непреложно поставленная этой Ассоциации всем историческим ходом развития рабочих масс, заключается, конечно, ни более, ни менее, как в организованной борьбе со всеми элементами, враждебными целостному освобождению пролетариата"... „на ее стороне непреложность, неизбежность, и, значит, истинная потребность, которая конечно, должна восторжествовать. „В этом именно смысле говорило „Нар. Дело", что передовая часть всесветного пролетариата сознала его историческую роль и приступила к ее выполнению" [1]).

Итак, происхождение Международной Ассоциации рабочих признается „Нар. Делом" результатом об'ективных общественно-исторических условий, следствием экономического положения пролетариата и высшим проявлением его классовой борьбы с буржуазией. Все это звучит по-марксистски. Однако, „Нар. Дело" встречается здесь с понятием „классовой борьбы", и рационалистическая точка зрения сейчас же даст себя чувствовать. Крайне интересно каким образом журнал пытается понять это общественное явление, в сущности необ'яснимое для рационалистической социологии.

„Прямая упорная борьба неизбежно вытекает из коренного различия двух враждебных сторон в их материальном положении, в их нравственном отношении к вещам и их умственном воззрении на весь окружающий мир" [2]).

Далее приводится ряд примеров в доказательство диаметральной противоположности взглядов пролетариата и мещанского „цивилизованного мира".

Вопрос поставлен пока правильно: на первый план выдвинуто различие в „материальном положении" этих двух миров. Однако,

---

[1]) Все выдержки приведены из статьи „Современное выражение Социальной Революции". Н. Д. №№ 7—10 1869 г. стр. 112—114.

[2]) Jbid, стр. 114.

„Нар. Дело“ нигде не дает дальнейшего анализа этого материального положения и не углубляется в экономическую подкладку классовых интересов. Вместо того, в одной из статей можно найти следующее: „Беда и глупость наших врагов заключаются в том, что они не понимают естественного значения Интернационала, потому что не понимают органической неизбежности борьбы Труда с Капиталом... В этом же непонимании привилегированного мира лежит причина его кровавой гибели, если б люди поняли настоящее положение вещей, то они же в своем личном интересе отказались бы от борьбы, которая, конечно кончится их жестоким поражением. Но они не поймут этого и поэтому, конечно, они вызовут в среде рабочих еще многочисленные жертвы; но есть ли расчет и выгода вызывать эти жертвы, когда в конце-концов придется неминуемо отвечать за них головою? — этого не понимает привилегированный мир: кого Юпитер хочет погубить, того он лишает ума.—И поэтому мы еще может быть несколько лет будем присутствовать при совершающейся борьбе...“ [1])

„Не понимают“—вот ultima ratio „Нар. Дела“. Здесь как и во всех случаях, где требовался политико-экономический анализ, рационалистическая точка зрения представляла неодолимую преграду для него.

Тот прогресс в сознании рабочего класса, который привел к образованию Интернационала, „Народное Дело“ характеризует так:

„Грева [2]) заменила бунт, потому что рабочие поняли наконец почему бунт кончался всегда поражением. Бунт всегда был не более, как местною отчаянною вспышкою; известная доля народа возмущалась в данный момент каким-либо фактом чрезмерного насилия... и народ поднимался на отпор насилию, но не более... отсутствием повсеместности действия (восстания) и вместе с тем отсутствием организованного об'единения и определенности цели бунт отличается от революции. Передовой пролетариат понял теперь это различие, столь невыгодное для бунта в его последствиях, и поэтому он не хочет более бунтов, он не хочет даже революций, успех которых заранее не обеспечен целесообразною подготовительною работою; он понял что все его геройские усилия и все

---

[1]) Рабочее движение на Западе, „Н. Д.“ 1870 г. № 4 стр. 2 столб. 1.

[2]) Т. е. стачка, la greve.

его кровавые жертвы только тогда приведут к торжеству, когда он весь или, по крайней мере, большая его часть сплотится в Организованный Союз, сущность которого должна заключаться в развитии между рабочими массами понимания, как вести до конца работу разрушения и созидания. В такой постановке вопроса, рядом с современными условиями борьбы, лежит вся сила великой задачи Интернационала весь смысл его пропаганды и организации"... Под современными же „условиями борьбы" „Нар. Дело" понимает развитие стачечного движения, сменившего собой, как форма борьбы, прежние частичные бунты. Интернационал обращает главное внимание свое на стачки, так как видит здесь источник своего собственного развития; „рабочие поняли сравнивая ведение бывших прежде изолированных грев, с гревами, выходящими из Интернационала, что вне организации нет им спасения и что они всегда будут побеждены в разброс своими врагами: поэтому-то они и идут толпами в Рабочий Международный Союз"...

Здесь, таким образом, „Нар. Дело" ставит возникновение и развитие Интернационала в связь с переходом рабочего класса от стихийного, бунтарского движения к стачечному, требующему правильной и широкой организации. Такой взгляд, правильный в общем, недостаточен, однако, в том, что считает стачку лишь „более сознательной" формой борьбы, а не специфически пролетарским средством, обусловленным самым положением пролетариата в производстве. Этот недостаток, конечно, обусловлен обычным рационализмом „Нар. Дела" и его следует иметь в виду при оценке взглядов журнала на задачи русского движения. Главное же влияние на эти взгляды оказало противоположение Интернационала, как союза для массовой организации и пропаганды,—старым приемам борьбы,—частичному бунтарству.

Посмотрим теперь, как отразилось в „Народном Деле", организуемое Интернационалом, европейское рабочее движение.

„Нар. Дело" различает, прежде всего разрушительную деятельность рабочего класса, „в которой сказывается отрицательное отношение рабочего люда к нынешнему по-

рядку от „созидательной“, в „которой выражаются положительные элементы народных стремлений“ [1]).

В разрушительной деятельности пролетариата „Нар. Дело“ выдвигает на первый план стачки. „Отрицательный элемент их заключается прежде всего в отрицании ими права у мещанского капитала на произвольный наем труда и на чрезмерное время труда“ [2]).

Противопоставление журналом стачек—бунтам выше было только что очерчено. Следует подчеркнуть, что громадную ценность „Нар. Дело“ видит „в двух непременных аттрибутах современной гревы: в ее существенной связи и зависимости от организации и пропаганды“ [3]). Зависимость успеха гревы от организации заставляет вступать рабочих в Интернационал. Связь же ее с пропагандой „Нар. Дело“ формулирует следующим образом: „Греву, рожденную голодом и развитием, никто не вызывает и не создает, но она за то создает людей: грева школа, обладающая своей тактикой обучения и своим методом развития и, пройдя эту школу, рабочий становится на твердую непобедимую почву“ [4]).

Прежде всего, „с точки зрения социалистов, в стачке проявляется начало серьезного революционного движения в данной группе рабочих, смысл, которого заключается, конечно не в об'еме заявленных требований, а в возбуждении, среди этой группы активного, солидарного противодействия общему над всеми ее членами гнету; в сознательном солидарном проникновении их необходимостью вести это противодействие дальше и дальше, шаг за шагом, производя временные только остановки, и в развитии между ними все более глубокого фактами подтвержденного сознания в том, что они могут рассчитывать только и только на свои собственные силы и средства и потому должны неустанно работать в период перемирия, в период между стачками, над расширением своих сил, над увеличением своих средств“ [5]).

Итак, стачки—это школа солидарности для их участников. Кроме того, их пропагандистское значение распространяется и

---

[1]) „Н. Д.“ № 1 1870 г. стр. 1.
[2]) „Н. Д.“ № 1 1870 г. стр. 1.
[3]) „Н. Д.“ № 3 1870 г. стр. 3.
[4]) Там же.
[5]) Н. Д. № 5 1870 г. стр. 3.

на широкие массы народа: „Вид этой открытой совершающейся на глазах народа борьбы... производит громадное впечатление и пробуждающее влияние на ту еще слишком многочисленную часть народа, которая остается пока вне рабочего движения, но из которой после каждой стачки выходят целые ряды и примыкают к уже организованным группам Интернациональной Ассоциации“ [1]).

Далее: „результаты стачки охватывают, по своему значению весь официальный порядок: стачка служит революционным средством для внесения в массы народа трезвого отрицательного отношения ко всему настоящему экономическому и политическому устройству, которое отказывает народу даже в необходимых для его дела правах на свободу слова, собраний и ассоциаций; которое не ограждает его права на труд, не гарантирует ему труда, между тем как всегда готово вмешиваться и вмещивается для гарантии барышникам эксплоатации труда. Во имя личной свободы хозяин в один день выгоняет рабочих на улицу, и ни одно правительство не вступится за рабочих и не станет преследовать хозяев за стачку, за коллективный заговор целой кампании хозяев против рабочих. Но все правительства выставляют всю полицию и войско против рабочих, когда они во имя той же личной свободы, отказываются от работы за недостаточную плату. Таким образом, рабочий видит, что за весь грабеж, за все подати и налоги все правительства платят народу только тем, что высылают на его избиение его же кровных братьев, развращенных казарменною дисциплиною. Вопрос о гражданских и политических правах вяжется таким образом тесно и нераздельно с вопросом о социально-экономических требованиях [2]).

И едва ли не самое сильное влияние в этом смысле стачка оказывает на участников ее: „Грева может сорваться, грева кончится полууступками с обоих сторон, но гревист, стачник, навсегда останется стачником; он останется непримиримым врагом всего современного порядка: перед ним, как нож поперек горла, будет стоять государство, церковь и мещанство. Ему ясна вся воровская круговая порука, и он неизменный ратник миллионной армии, формирующейся в стенах Интернационала [3]).

Наконец, стачка, в своем развитии может стать средством

---

[1]) Н. Д. 1870 г. № 5 стр. 3 с 1-й.

[2]) Ibid столб. 2.

[3]) „Н. Д.“ 1870 г. № 3, стр. 3, столб. 1-й

всемирной рабочей революции: „работник—говорит „Народное Дело“,—свел пока греву на пассивный протест, потому что гревы еще не обобщены на всем цивилизованном пространстве“... Но „оставив бунт и обратясь к греве, рабочий свел или вернее возвысил свой протест от стихийного политического возмущения до сознательной и безустанной политико-социальной борьбы... Сознание растет и силы увеличиваются и, конечно, все труднее становится сдерживать порыв к кровавой расправе. Но этот порыв будет сдержан до тех пор, пока из всех этих мелких грев вырастет одна великая общая повсеместная грева, которая охватит собою все недовольные революционные элементы, и если рабочие массы, сгруппированные и сорганизованные во имя одних и тех же потребностей и начал, остановят в один день работу рук своих во славу барышничества, что сделает это барышничество? Что сделают все шаспо? Это был бы варварский катаклизм,—восклицают наши диалектики. Это будет Социальная Революция, отвечаем мы“ [1])... При широкой организационной подготовке, „при том развитии сознания о новых началах социальной организации, каторую дает Интернационал“, успех подобной социальной Революции обеспечен, и она неминуемо охватит все народы, все страны.

Итак, конечно, развитие стачечной борьбы превращает ее во всеобщую, всемирную забастовку пролетариата, означающую Социальную Революцию. Эта широкая идея—несомненный плод Интернационала; она конечно, не представляет оригинальной концепции „Народного Дела“; журнал отражает здесь лишь господствующее настроение рабочих кругов Ассоциации в 1870 г. Известно, что такое представление о форме Социальной Революции возрождается теперь во взглядах синдикалистов; поэтому крайне любопытно видеть, что идея „greve generale“, выставленная, как новейшее откровение социализма, уже более 50-ти лет назад вышла из недр Интернационала в период его наибольшего расцвета [2]). Не касаясь, однако, этой идеи „всемирной стачки“,

---

[1]) Ibid столб. 2-й. „Шаспо“—система французских винтовок в 60-х годах.

[2]) В дальнейшем изложении будет еще случай указать на синдикалистский оттенок в некоторых взглядах „Нар. Дела“. Здесь же кстати можно привести следующую характеристику журналом взглядов Парижской секции: „Этот кружок вел пропаганду между своими собратьями рабочими в том смысле, чтоб рабочие не принимали никакого участия в политических демонстрациях и выборах, т. к. все эти овации—дела буржуазии, стремящейся

которая до настоящего времени остается еще в области утопий (хотя ничто не доказывает, что она не может выйти из нее в будущем), в общем понимании стачечной борьбы „Нар. Делом" проглядывает большое знание условий и характера пролетарского движения. Больше того, со времени этого журнала, в русской социалистической литературе вряд ли встретилось столь ясное понимание рабочего движения до появления в 90-х годах социал-демократической литературы. В вопросах практики „Народное Дело" стояло на пролетарской точке зрения, хотя может быть, не столько под влиянием теории марксизма, сколько в силу неопосредственного участия в Интернационале.

Вторым видом „разрушительной" деятельности пролетариата передовая статья № 1-го 1870 г. называет политическую агитацию, необходимость которой вытекает из „круговой поруки" политического и экономического строя общества. Следует наперед оговориться, однако, что придавая политической

изменить только форму, а не сущность социального быта; рабочему же люду... нужно только группироваться между собой... и запасаться единодушной решимостью произвести в известный день социальный переворот по общей программе. А программа эта следующая: в день революции, в каждом городе все рабочие каждого ремесла составят из себя ассоциацию, которая заберет в свое распоряжение фабрики, заводы, мастерские, магазины с готовыми вещами их ремесла и сама устроит порядок в распределении работ между членами. Таким образом, в один день уничтожаются патронство, крупное и мелкое, промышленничество и вся их клика. Доктора, ученые, учителя, актеры, художники и проч. составят между собой такие же ассоциации. Земля покроется сетью земледельческих ассоциаций; поземельная собственность уничтожится; земля как собственность всего общества, отдается в пользование... Все эти ассоциации земледельческие, промышленные, искусства и науки составят федеративный союз между собой для регулирования правильного обмена продуктов одних ассоциаций на продукты других и для определения правильного соотношения производства с необходимым потреблением всех жителей („Н. Д.„ 1869 г. № 7—10 стр. 153—54). Подобное представление о социальной революции сильно напоминает взгляды синдикалистов по тому же вопросу. А если припомнить, что в Парижском Интернационале силен был прудонизм (в приведенной выдержке есть некоторые догматы этой доктрины: „воздержание от политики", замена собственности на землю—пользованием ею; сохранение частного обмена продуктов между ассоциациями), то обнаружится некоторая историческая связь этого учения с теориями современных синдикалистов.

деятельности исключительно „отрицательное“ значение и считая ее общей всему западно-европейскому рабочему движению, эта статья несколько расходится со статьей „Подготовительная работа Социальной Революции“ (№ 5, 70 г.). Последняя статья указывает на разногласия по этому вопросу, возникшие в Интернационале и излагает принципы политической борьбы с точки зрения признающей ее части Международной Ассоциации. Передовая же статья № 1-го только мельком упоминает о „невыдерживающей критики“ теории политического воздержания и излагает дело так, как будто участие в политической деятельности рабочего класса развивается бесспорно и беспрепятственно. „Отрицательное отношение,—говорится там, переносится с экономического распределения на политическую систему современного быта. Борясь против капитала, рабочий борется и против государства в его нынешнем виде: передовой пролетариат хорошо знает, что современные правительственные системы никогда не уступят без боя места новой рациональной системе, созидаемой для ограждения и представительства интересов труда и трудящихся; но этот же передовой пролетариат знает, что большая часть рабочих ждет еще много от существующих правительств, и он решается поэтому вместе с экономической агитацией в пользу переворота вести и политическую агитацию. Он проповедует вступление своих представителей в парламенты, конгрессы и муниципалитеты. И если ему не удается провести своих представителей, то такой неудачей он указывает народу, что нынешняя правительственная система основана только на круговой поруке привилегированных каст, заговор которых всеми средствами и способами закрывает народным представителям двери в законодательные исполнительные учреждения. Если же рабочим удается провести некоторых из своих представителей, то они еще более убедятся и убедят оптимистов из своих собратий, голосом своих выборных, в закоснелой систематической враждебности привилегированных каст против всякого прогрессивного движения в пользу рабочих масс. Каждый день истинные выборные народа будут напоминать ему о всех тех препятствиях, которые встретит каждое их предложение, в среде парламентов и муниципалитетов, и каждый день рабочие, в лице своих представителей, будут следить и осведомляться о всех действиях современной политической власти до тех пор, пока рабочие не увидят самым на-

глядным образом необходимость разом покончить со всем современным политическим устройством. И при этом рабочие вовсе не думают сливаться с какою-либо из старых политических партий той или другой страны. Напротив, в Америке, точно так же как и в Англии и Франции, они об'являют прямой разрыв со всеми исключительно политическими партиями и образовывают совершенно особую, самостоятельную рабочую партию" [1]).

Подобный взгляд на политическую деятельность рабочего класса, с современной точки зрения, конечно, страдает неполнотой и односторонностью. Однако, представляется понятным, почему в то время деятельность эта рассматривалась только с ее „отрицательной", т.-е. агитационной стороны: за исключением Германии (о которой кстати сказать „Нар. Дело" и умалчивает), где этому вопросу было сразу придано значение вопроса о завоевании пролетариатом государственой власти, и притом вопрос этот был внесен и поставлен не Интернационалом, а Лассалем,—в прочих странах подобное отношение обусловливалось тем, что идея участия рабочих в политической жизни возникла после энергичного развития борьбы экономической, которая составляла уже фактически центр тяжести всего рабочего движения. Поэтому на политическую борьбу здесь могли сначала взглянуть лишь как на новое агитационное средство борьбы; „Нар. Дело" (в № 1 1870 г.) и отражало такой первоначальный взгляд на политическую деятельность.

Обратимся теперь к тому, что „Нар. Дело" называло „положительными элементами народных стремлений". Журнал определял их, как „элементы созидательные, являющиеся прототипом тех новых социальных отношений в промышленных рабочих массах, которые должны заступить место современных условий жизни" [2]).

Эту мысль „Нар. Дело" развило еще в 1869 году, в №№ 7—10. Оно указывало там, что постоянные лишения,

---

[1]) „Н. Д." № 1 1870 г. стр. 1.

[2]) „Н. Д." 1870 № 1 стр. 1.

постоянная борьба за кусок хлеба создала у народной массы и болезнь воли, заставляющую бояться новизны и болезнь мысли, удерживающую от „размышлений о солидарных усилиях к солидарному исходу". Между тем, „отсутствие общинной солидарной жизни... может сделать то, что когда явятся, наконец, новые условия, то человек не поймет должного отношения к ним и сам выпустит из своих рук свою желанную лучшую долю". „Поэтому естественная логика подсказывает членам Интернациональной Ассоциации о необходимости такой выработки ее организации, которая, не довольствуясь одной связью рабочих ради взаимной помощи, ради одинакового положения и одинаковых стремлений, придавала бы их связи, насколько то возможно, такие формы взаимных экономических отношений, которые могли бы, так-сказать, служить зародышами форм нового будущего социально-экономического быта для того, чтобы рабочие могли привыкнуть к этим формам и осязательно понимать их превосходство перед старыми и их пользу для себя; одним словом для того, чтобы эта организация дала пролетариату возможность в день победы гарантировать себе ее прочность замещением старых не годных форм, новыми заранее подготовленными, выработанными, согласно с представлением себе, нового быта" [1]).

Такое представление о роли рабочих организаций, конечно, не соответствует марксистскому взгляду на „зародыши форм нового социального строя", возникающие в старом обществе. „Нар. Дело" совершенно не затрагивает воспитательного значения, воспитательной роли самых условий труда в крупных капиталистических предприятиях, где прогресс труда уже происходит фактически в общественных размерах; далее признавая „зародышами" новых общественных форм не об'ективно выросшее общественное производство высшей ступени капиталистического общества, а исключительно социалистически организованные рабочие союзы, призванные после победы образовать скелет нового общества,—„Народное Дело" решает вопрос в рационалистическом смысле: успех „удержания за собой форм нового общества" ставится в зависимость всецело от „ясного понимания" их превосходства, от выработавшейся привычки

---

[1]) „Н. Д". 1869 г. № 7—10 стр. 122—123.

к ним, от того, между прочим, насколько „социалистичны“ будут принципы организации теперь рабочих союзов. Конечно, марксисты не отрицают большого и важного воспитательного значения рабочих организаций, однако, и не считают их единственными источниками социалистического воспитания масс и кроме того, не в них видят „зародыши“ социалистического строя. Поэтому ясно, что не теория марксизма повлияла на взгляды „Народного Дела“ по этому вопросу, а опять-таки взгляды широких кругов Интернационала, где марксизм переплетался еще с остатками прудонизма. Характерно, что изложенную „Нар. Делом“ концепцию значения рабочих организаций всецело усвоили себе опять-таки современные синдикалисты.

К числу „созидательных элементов рабочего движения „Нар. Дело“ относит прежде всего „кассы сопротивления“ и их федерации [1]).

Вполне последовательно со своей точки зрения, журнал видит в них организации, „в которых применяются, наконец, на практике принципы братства, принцип общей солидарности: в них общее управление, равенственный долг и равенственное право будущего нового строя“.

Затем „идут попытки всевозможных кооперативных обществ, потребительских и производительных,—обществ, представляющих собою, в малых и, конечно, далеко не совершенных видах, будущую организацию производительного труда, обществ взаимного дарового кредита, долженствующего способствовать позднейшему уничтожению условной ценности металла и к установлению рациональной системы обмена одного предмета на другой“...

Если на оценке кооперативных обществ можно видеть марксистское влияние [2]), то в понимании „кредита“ и „рациональной системы обмена“ несомненно сказывается прудонизм.

Наконец, „созидательный элемент выражается в искании практического применения принципа, стоящего теперь на очереди на всех народных митингах, принципа организации представительства труда“ [3]).

---

[1]) Напомним, что под „кассами сопротивления“ разумелись в то время профессиональные союзы, служившие стачечной борьбе.

[2]) См. первый манифест Интернационала и резолюции конгрессов о роли кооперации.

[3]) „Н. Д.“ 1870 г. № 1, стр. 1—2.

В заключение остановимся еще на одном интересном вопросе, имевшем большое значение для русского социалистического движения: именно на вопросе о соотношении интеллигенции и пролетариата (или, по терминологии „Нар. Дела",—„мозгового" и мускульного пролетариата) в социалистическом движении Запада. „Человечество,—говорит „Народное Дело",—на пути своего развития к достижению более разумного устройства своей жизни должно считаться с существующими неразумными проявлениями своей прошедшей и настоящей деятельности, как с неизбежными последствиями своего неведения законов природы". На одно из таких последствий наталкивается и Интернационал, встречаясь с существующим разделением пролетариата на „мускульный" и „мозговой"; последний „проводит всю жизнь в неоплатном труде своего мозга", и, подобно пролетариату мускульного труда, „так же эксплоатируется патронами прессы, состоящей на откупу у мещанской коалиции, патронами народного просвещения, отданного мещанством в распоряжение светской и духовной полиции и патронами,... государственного порядка... охраняющего интересы одного мещанского мира". Исторические условия создали в различных странах различный облик того и другого пролетариата. В одних странах (во Франции, Англии, Швейцарии, Бельгии) „большее развитие промышленности" и политической жизни „поставили лицом к лицу противоположные интересы работников и работодателей, провели между ними резкую черту" и толкали мускульный пролетариат к самостоятельному выступлению. Наоборот, мозговой пролетариат в этих странах „подкупился, отчасти, участием в политической деятельности и отчасти кажущимся удобством обеспечить себя материально, и потому отделился от мускульного, передавшись на службу буржуазии". В Германии же слабая степень политической свободы мешала развитию движения в среде мускульного пролетариата, но зато революционизировала мозговой, который „ищет путей к освобождению от стеснительных для него условий по степени развития и понимания им руководящей идеи своего века". Однако, и здесь лишь небольшая часть мозгового пролетариата „довела свою революционную логику до конца" и всецело примкнула к мускульному. Это течение выразилось в энергичной и ясной пропаганде Лассаля и его последователей": в неустанной пропагандистской и организационной деятельности некоторых участников революции

48 года, особенно К. Маркса и И. Ф. Беккера[1]), в решениях Эйзенахского конгресса. Но большая часть германского мозгового пролетариата идет еще за Шульце-Деличем, и его идеалом служит „мелкое мещанское полудовольство".

Обобщая, можно сказать, что, „вследствие долгого разрыва с мускудьным пролетариатом и вследствие заражения чистого воззрения мещанскою атмосферою, в которой мозговой пролетариат вращается и из которой он выходит немалой частью своей, проистекает часто ложное или превратное понимание им именно руководящей идеи своего века и... тогда мозговой пролетариат принимает не раз внешнюю сторону всеобщей потребности за самую сущность ее и вовлекает тем тысячи рук и жизней в смертельную ошибку". Так, например, поступил итальянский и польский мозговой пролетариат, поддавшись в революции националистическим увлечениям.

Интернациональная Ассоциация, об'единяя в „честном и искреннем союзе" представителей того и другого пролетариата, совершает великое дело: „именно в таком союзе, в таком единодушном, энергичном служении общему делу освобождения, видим мы залог его скорейшего торжества и его вернейшей прочности". В Интернационале сливаются „истинная социальная наука, разрабатываемая тружениками, преданными всецело делу всенародного освобождения", и выводы практического опыта рабочих масс. В этом непрестанном взаимном обмене идей рождается новая социальная наука. „Вместе с верой в бога и с нуждою в нем дискредитировались и вера в гениев и нужда в них; вместе с разнообразием и усложнением явлений общественной жизни, оказалось недостаточною индивидуальная сила человека для решения возникающих общественных вопросов; для этого потребовалась коллективная сила людей"...

„Человечество не хотело дожидаться как бы случайного появления среди него отдельного человека для об'яснения волнующих, неопределенных стремлений своих; оно захотело само уча-

---

[1]) „Н. Д." указывает на них, как на „почти единственных участников, которые в продолжение 20 лет и среди всеобщей реакции сумели ни разу не замараться солидарностью с мещанскими тенденциями, всегда понимать истинные стремления народных масс и итти с ними нераздельно и порой впереди их („Н. Д." 1869 г. № 7—10, стр. 117).

ствовать в начертании себе дальнейших путей и в сознательно-разумном управлении своей судьбой“ [1]).

Если сравнить изложенные здесь взгляды с обычными народническими утверждениями о „внеклассовом“ характере интеллигенции, об историческом значении „критически-мыслящих“ личностей, то станет ясно, насколько далек был первый русский социалистический журнал от „суб'ективизма“ и „самобытности“ дальнейшего „русского социализма“ и насколько приближался он к марксистской постановке вопроса.

---

[1]) Изложение взглядов „Н. Д.“ по этому вопросу сделано по II-й (и отчасти III-й) главе статьи: „Современное выражение социальной революции на Западе“. „Н. Д.“ 1869 г. № 7—10, стр. 115—120.

„НАРОДНОЕ ДЕЛО“ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ I-го ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Едва ли не наибольший интерес представляет статья „Подготовительная работа социальной революции“ (№ 5, 1870 г.), где „Народное Дело“ выступает с признанием взглядов „социалистов-революционеров“ Интернационала. Под этим именем журнал разумел „те передовые ряды интернациональных групп, которые проникнись целостным революционным миросозерцанием, которые соразмеряют всю свою деятельность сообразно с определенною целью общенародного освобождения. „По общему смыслу статьи и по указанию на позицию социалистов-революционеров в разногласиях Интернационала 1870 г., ясно, что „Народное Дело“ излагает в этой статье социал-демократические принципы марксистского крыла Международной Ассоциации.

Конечно, исходная рационалистическая точка зрения журнала сохраняется и здесь, но так как дело идет о вопросах практики рабочего движения, то, как не раз говорилось, эта точка зрения не препятствует правильной постановке и решению многих вопросов, а там, где она проявляется, она лишь свидетельствует, какие натяжки приходилось делать русским рационалистам, чтобы согласовать свои теоретические взгляды с принципами классовой борьбы пролетариата.

Обширная область „сознания“ и его „развития“, конечно, дала возможность об'яснить новое течение в социализме при помощи неизменного лучшего „понимания“ вещей. Вот, например, что говорит статья о „тех особенностях“, которыми современное социальное движение отличается от бывших до сих пор революционных движений: „В силу необходимой соответственности между практикой и основной руководящей идеей движения, новое движение потребовало новой практики, новых организационных приемов и способов для успешного хода дела народного

освобождения. Вместе с развитием революционной идеи, с расширением ее до требования не исключительно политического, а коренного политическо-социального переворота, неминуемо шло и развитие революционной практики: выработка более действительных средств к борьбе и такой тактики действий, которые направляли бы революционные силы против самых основ враждебного порядка. Социалисты-революционеры признали, что степень прочности постановки их в данной стране зависит от степени возбужденного к нему сочувствия со стороны народной массы. Это степень успешности дальнейшего дела освобождения зависит от степени активного, самосознательного выражения народного сочувствия. Таким образом, социалисты-революционеры поставили весь успех своего дела (которое и по форме и по существу есть народное) в зависимости от развития народного самосознания, т.-е. от сознания народом настоящей причины его тяжелого положения, настоящего отношения к нему привилегированной части человечества и в безотлагательной потребности организоваться в правильные местные союзы на таких основах, которые давали бы возможность не только успешно бороться с враждебным порядком, но и заменить последний другим, выгодным для трудящегося человечества [1]).

Приведенные рассуждения крайне характерны. Идеалистическая постановка вопроса сказывается, прежде всего, в том, что развитие „практики“ ставится в зависимость исключительно от развития „программы“, т.-е. от идейной стороны движения. Далее, хотя статья и указывает правильно на массовый характер нового движения, она все же остается верна рационализму в том, что подчеркивает только задачу развития самосознания народных масс, тогда как нужно было бы подчеркнуть и то и другое, т.-е. развитие самосознания масс [2]).

Но уже в самом содержании, которое статья вкладывает в понятие „самосознание народа“, имеется элемент, логически не

[1]) „Н. Д.“ № 5. 1870 г., стр. 2.

[2]) Это было бы тем нужнее сделать, что в той же статье указывается на непригодность всех старых „приемов борьбы“, игнорировавших участие именно масс народа; статья перечисляет: „искажение мотивов, следствий, наличных средств дела, заговор, терроризм, „временное возбуждение страстей“, „экстаз толпы“, но опять-таки во всех этих приемах считает недостатком только игнорирование развития сознания народа.

вытекающий из старого понимания этого термина. Оно охватывает здесь не только понимание народом причин и свойств своего положения, но и потребность народа организоваться, а это уже выходит из рамок чистого рационализма. Такое отступление встречается и в дальнейшем изложении статьей происхождения новых тактических приемов, хотя общий ход рассуждения остается чисто рационалистическим.

„Сознавая, что корень всей неудовлетворительности настоящего строя общественной и политической жизни кроется в существовании несправедливых, неразумных условий труда и пользования его продуктами, социалисты-революционеры должны были проповедывать открыто, что неуспех революционной партии, и вместе с ним сила партии реакции, самое основание ее прочного существования заключается в том, что трудящаяся часть человечества, находясь под гнетом безустанной работы, нужды и невежества, раз'единена и служит бессознательным и покорным орудием в руках привилегированной части человечества. Поэтому-то социалисты-революционеры провозгласили, что центр тяжести революционной деятельности должен быть перенесен на экономическую, социальную почву и вместе с тем должна быть признана практичность только таких мер, которые служат к пробуждению сомосознания в рабочем классе... Признав таким образом несомненную верность одного из основных положений Международного Товарищества Рабочих, по которому освобождение рабочего класса должно быть достигнуто усилиями самих рабочих,—социалисты-революционеры должны были обратить главным образом всю свою деятельность на пробуждение и развитие народного самосознания. Эта-то реальная деятельность и составляет сущность подготовительной, организационной работы социальной революции, составляет предмет практического социализма".

Заметим, что идеалистический путь, по которому направлялись рассуждения статьи, мог привести к марксистскому выводу относительно задач практической деятельности социалистов, только в силу признания указанного положения Интернационала. Признание социализма еще не содержит в себе, с рационалистической точки зрения, логической неизбежности организации рабочего класса. Примером тому служат бланкисты, принимавшие тактику заговора.

Марксистскую постановку задач практического социализма „Нар. Дело“ могло признать, только приняв основное положение классовой борьбы пролетариата. Конечно, это положение совершенно чуждо рационализму журнала, и последний соглашался с „несомненной верностью“ его только под впечатлением фактов рабочего движения. Однако, из каких бы теоретических соображений ни исходило „Нар. Дело“, в вопросах практики оно стало на верную почву.

Вот, например, что говорит цитируемая статья о новых принципах пропаганды: „Обратившись к познанию явлений и законов действительной жизни и стараясь вести свое дело согласно этому знанию, отрезвившись от унаследованного хлама метафизических, религиозных, плаксивых и грозных романтических бредней, очистившись от всей этой „фантастической грязи“,—социалисты-революционеры повели дело пропаганды в народе не с вопросов о том, есть ли бог на небе или его там нет, лучше ли любить в браке или вне брака, один или несколько раз, неизменно или изменно, иметь ли детей при себе или отдать их в руки столь же неопытных в деле воспитания людей... и других подобных вопросов. Нет, оставив „метафизику хоронить метафизикам“, они взялись за пропаганду с вопроса о куске насущного хлеба, о том, что этот хлеб производится одними, а потребляется другими, что жизнь первых есть вечный труд и вечная нужда, а вторых—удовольствие или воображаемые страдания, что первые не имеют в настоящее время никаких средств к защите себя от выхватывания из их рук куска хлеба и к освобождению себя от никакими законами природы не оправдываемого гнетущего, тяжелого положения, что они не будут иметь этих средств до тех пор, пока не начнут соединяться между собой ради этой защиты и этого освобождения“.

В основание организаторской деятельности среди рабочего класса, социалисты-революционеры положили также реалистический принцип. Они образуют всякого рода местные рабочие союзы с общей, однако, целью: „для взаимного сообщения и содействия“. Они полагали, что если люди сходятся „во имя обсуждения тех жизненных условий, реальное значение которых вполне доступно практическому миросозерцанию соединившихся лиц... во имя общего желания осуществить на практике результаты своего подобного обсуждения, так уже этим

самым кладется прочное начало пробуждению в них самосознания, и это пробуждение выражается немедленно в самостоятельном стремлении с их стороны к противодействию своим ближайшим врагам.

Далее, для социалистической пропаганды социалисты пользуются стачками рабочих, путем которых и самостоятельно происходит „практическая пропаганда". Именно в виду последнего обстоятельства статья говорит, что „время стачки точно так же, как и время после нее, является весьма удобным временем для энергичной деятельности социалистов-революционеров". Устно и печатно они раз'ясняют рабочим на конкретных примерах, „что самая сущность рабочего движения лежит не в стачке, которая есть только одно из обстоятельствами вызываемых проявлений,—а в неизбежном, неминуемом стремлении рабочего класса уничтожить весь настоящий порядок, порядок барства и привилегий".

Во всех этих взглядах на пропаганду и организацию довольно явственно сказывается реалистическая точка зрения, вносимая в Интернационал марксизмом. Однако, наиболее ярко выразилась она в вопросе о политической деятельности пролетариата. Вот, что говорит о последней статья:

„Социалисты-революционеры поняли, что они повторили бы ошибку прежних революционеров, если б сосредоточили вполне всю деятельность исключительно на экономической почве, подобно тому, как прежние революционеры сосредоточивались только на политической агитации. Перенеся центр тяжести своей деятельности на экономическую почву, они не должны были через то совершенно упустить из виду политического состояния страны. Напротив, внося в народ убеждение о полной солидарности политического и экономического гнета, социалисты обязаны вести подготовительную работу революции против обоих элементов враждебного порядка, иначе эта работа была бы односторонняя и бесплодна. Вследствие такого взгляда, в передовых странах Европы точно так же, как и в Америке, стала образовываться в последнее время политическая рабочая партия". Далее журнал указывает, что образование рабочей партии вызвало столкновение и разногласие в целом ряде групп Интернационала и что против образования такой партии выдвигают мнение, „будто участие рабочих в политическом движении своей страны отвлекает их внимание от сосредоточивания всех их

сил на одной экономической борьбе, и что этим задерживается социальное развитие рабочих".

„Народное Дело" в ответ на это приводит мнение сторонников рабочей партии, будучи само вполне с ним согласно:

„Надо знать, что рабочая партия нигде и никогда не ставила себе з а ц е л ь политической агитации: ее цель—полное, народное политико-социальное освобождение, но она принимает политическую агитацию, как одно из с р е д с т в, ведущих к разоблачению и ослаблению могущества правительств, путем беспрестанных атак политической системы и неустанным, последовательным требованием расширения гражданских и политических прав. Эта партия провозглашает свой полный разрыв со всеми бывшими до сих пор и современными политическими партиями; она провозглашает необходимость полного отменения современных политических систем и замены их системою представительства труда[1]). Но, на пути к достижению этой цели, рабочая партия может ставить себе в р е м е н н ы е з а д а ч и, согласно с данным положением известной страны, сообразно со всеми силами врагов; и там, где она может, на пути своем добиться хотя бы некоторого изменения условий политической и экономической жизни, хотя бы некоторого ограждения рабочего класса от гнета и преследований привилегированного класса, там она готова брать с бою подобные уступки для того, чтобы получать все большую и большую возможность вести социальную пропаганду глубже и шире, все большую возможность н а г л я д н о выставлять народу весь вред и всю враждебность современного порядка и таким образом вызывать все более и более лиц из народной массы на борьбу с этим порядком".

В этом взгляде на политическую деятельность рабочего класса, социал-демократические принципы выражены уже в вполне развитой форме, в том виде, в каком они выступали в 1870 году в среде марксистской ветви Интернационала.

Для того времени характерна аналогия, которую несколько дальше проводит статья между агитацией, производимой стачками, и политической агитацией:

---

[1]) В настоящее время этот термин представляется не совсем ясным,—но, повидимому, это та система, которая через год была осуществлена Парижской Коммуной и которая уже была предметом обсуждения в 1870 году в Интернационале (см. выше).

„Интернациональная Ассоциация провозглашает необходимость коренного переворота, но это не мешает ей пользоваться стачками, имеющими в виду известное местное и временное улучшение экономического быта рабочих: подобную же тактику видели мы сейчас и в политической партии рабочих. И вместе с тем мы видим и тут и там те же умеренность и расчетливость временных требований, те же спокойствие и сдержанность, ту же неподатливость на провокации врагов и то же публичное разоблачение их,—и все это в виду единственной и главной цели: вызова народа на сознательное и самостоятельное завоевание себе пользования своими человеческими правами".

Однако, несмотря на кажущуюся самостоятельность войны на экономическом и политическом поле, нельзя говорить о принципиальном их различии, „нельзя провести резкую границу между чисто-экономической и чисто политической войнами, так как условия, и политические и экономические, так переплетены между собой, так легко переходят из одного вида в другой и этим так наглядно обозначают, что они не что иное, как продукты одного и того же распорядка, что мы можем и должны признать существование только одной современной войны, а именно, неимущего с имущим, и эта-то война должна быть ведена неутомимо на всех пунктах".

Так заканчивается эта статья. Добавим, что замечательно правильное, для своего времени, понимание единства социальной борьбы подготовлено было, повидимому, у „Нар. Дела" еще взглядами на этот вопрос „Земли и Воли". В этой же статье мы встречаем указание, что „движение 60-х годов... никогда не отделяло вопроса политического от экономического или наоборот". Но если традиции политической борьбы, унаследованные от „Земли и Воли", и облегчили присоединение „Нар. Дела" к марксистскому крылу Интернационала, то во всяком случае, ясное представление о реальном соотношении форм „борьбы неимущего с имущим" было результатом влияний именно этого крыла.

ОБОСНОВАНИЕ РУССКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Ставя своей задачей „пропагандировать в России всеми возможными рациональными средствами идеи и начала Интернациональной Ассоциации“, „Русская Секция“ исходила из того основного пункта программы, „что там, где положение одинаково, там должны быть одинаковы и аналогичны и средства к уничтожению его и к замещению его новым строем социальных и индивидуальных отношений“ (п. 5 программы). Эта сжатая формула совершенно определенно указывает на исходную точку зрения, с которой вело „Нар. Дело“ построение русской социалистической программы. Представляя себе социалистическое движение, как движение рабочих масс Интернационала, „Нар. Дело“ искало и в русской жизни элементы, тождественные с элементами, породившими это движение на Западе. Программа секции резюмировала вкратце результаты этой теоретической работы „Народного Дела“ в первых своих четырех пунктах: тождественность экономического гнета в России и на Западе; тождественность идеалов—общинное владение землей и орудиями труда; тождественность артелей с западными рабочими ассоциациями; активное пробуждение самосознания в русском народе. Все эти положения, конечно, не представляли оригинальных открытий „Нар. Дела“; журнал сам постоянно указывал на Н. Г. Чернышевского, как на своего учителя. Но все эти положения приобретали совершенно особое значение в освещении „Народного Дела“.

Статья „Русское социально-революционное дело в его соотношении с рабочим движением на Западе“ ставит основной вопрос: „куда мы хотим итти путем наступательного действия?“— и отвечает на него так: „к достижению целесообразного полного переворота в

личных и имущественных отношениях русской жизни; целесообразного—это значит сообразного с общенародными всесторонними потребностями, которые одинаково общи всем народностям всюду, где только человек устроен с голодным желудком и умственным нищенством, потому что они всюду одинаково внесутся всей существующей государственно-мещанской системой общежития"[1]).

„Дело истинной философии революции об'яснит раз навсегда, что революции гибли, конечно, не по причинам, измышленным реакционными витиями, а потому, что всегда подготовительная работа, работа для развития предварительного ясного сознания в народе, не была доведена до известного предела, потому что всегда или народ был обманут или прельщен тою или другой партией, враждебной ему по самой сущности своей... или же народ не был достаточно охвачен пропагандою новых начал"[2]).

Понятно поэтому, что для совершения социальной революции, „подобного целостного переворота", требуется „громадная подготовительная работа".

Подобно тому, как конечная цель переворота тождественна для всех народов, так и „задача предварительного революционного дела в России при известной разности в технических путях и приемах, одинакова с задачей Международного Союза Европейских и Американских пролетариев"[3]).

На первом плане в России стоит образование „Партии Народного Освобождения", „пропаганда в народе" „и организация для пропаганды в народе", пока эта организация не охватит в свою очередь дружную, сплоченную силу революционных элементов в самом народе".

Такая постановка ближайшей задачи русского социалистического движения сделана была журналом, главным образом, под влиянием оценки им Интернационала, как подготовителя всемирной социальной революции. Но, с другой стороны, здесь сказывались и традиции общества „Земли и Воли". Это общество,—в передаче того же „Народного Дела",—также ставило своей задачей организацию пропагандистов „из жизненного элемента" интеллигенции (который „только один и мог нести в на-

---

1) „Н. Д." 1869 г. № 7—10, стр. 129.
2) Ibid.
3) Ibid, стр. 136.

род сознанный революционный помысел"), чтобы при помощи ее подготовить уже Широкую Народную Организацию вооруженных борцов" [1]). В дальнейшем нам еще представится случай видеть, каким образом согласовало эту задачу „Народное Дело" с общими принципами Интернационала. Теперь же перейдем к тому, на чем основал журнал свое „непреложное убеждение в том, что русский народ по своему тягчайшему положению и по своему пробуждающемуся сознанию уже способен итти путем организованного союза во имя требования своих прав... к повсеместной одновременной Революции".

„Более, чем когда-либо, теперь русскому народу приходится невмоготу его донага обворованная доля", говорит „Народное Дело"; но в силу исторических скопившихся обстоятельств он все еще остается разрозненным и раз'единенным по всему великому пространству России, точно так, как оставался до сих пор разрозненным и раз'единенным западно-европейский пролетариат. Рабочий, земледельческий, ремесленный и мелко-промышленный люд русских народностей... не знает еще своих сил, потому что до сих пор его интересы и нужды по большей части сосредоточивались на интересах и нуждах его местного села или волости, точно так же, как интересы и нужды западного рабочего люда сосредоточивались еще очень недавно на интересах и нуждах того или другого местного цеха"... Но, в погоне за заработком, западные рабочие, перемещаясь из местности в местность, из страны в страну, поняли, наконец, „свое взаимное положение, узнали, что их жизнь везде одинаково гнетется барским барышничеством", и „додумались, что раз их свяжет братская социальная солидарность, то они одним уже таким фактом пошлют к чорту пресловутый закон мещанской политической экономии „о спросе и предложении".

„Такое понимание, такое сознание работников, или, вернее, их меньшинства и, говоря сравнительно, их очень малочисленного меньшинства, несло за собою рождение Интернациональной Ассоциации".

„Точно также и у нас,—говорит статья,—перемещение, переселение целых бегущих сел и деревень из одной местности в другую, вызываемое небывалым нищенством, страхом голодной смерти... и надеждою, что там, где-то, на других местах широ-

---

[1]) „Н. Д." 1869 г. № 2—3, стр. 35 и след.

кой России есть заветная жизнь... это мистическое и вместе с тем слишком реальное стремление к переселению является зловещим для врагов и отрадным для нас симптомом, признаком быстрого роста народного самосознания: народ начинает приходить к сознанию, что ему более невыносимо так жить, и он не хочет более этой жизни, и он бежит от нее... Нетрудно понять, что, раз придя на новое место, и, конечно, не найдя и на нем никакой обетованной земли, переселенец тем более сознает всю тщетность своей идиллической надежды, чем более клал он веры в нее. Разбитый в этом последнем убежище своего доверия... народ русский осязает теперь тесную связь своих бед и своих нужд на всем русском пространстве и проникнется тою общностью, тою связью, нравственною и материальною, которую и до сих пор могли развивать и поддерживать счастливые, на данный случай, свойства ремесленного, промышленного и даже религиозного хождения русского пролетариата... и мысль народная направится теперь к реальной думе и к настоятельному вопросу о том, где же выход из положения, кажущегося ему безвыходным... Таким образом перед пропагандою и организацией открывается широкая дорога“ [1]).

Не будучи способным—в силу своей исходной точки зрения—произвести глубокий анализ классовых интересов, „Народное Дело“ могло увидеть тождество в характере передвижений пролетариата на Западе и крестьянства в России и заключить отсюда о тождественности результатов. В действительности, конечно, социализм проник в рабочий класс не вследствие передвижений (это обстоятельство способствовало лишь возникновению интернациональной связи рабочего движения), а в силу положения пролетариата в капиталистическом производстве, положения, совершенно отличного от положения крестьянства в России. Но, независимо от этой неизбежной ошибки, большой теоретической заслугой „Нар. Дела“ следует считать попытку его найти в России реальные условия для социально-революционного движения, т.-е. такие условия, которые заключались бы не в „свойствах народного сознания“, а которые сами вырабатывали бы это сознание в известном направлении, и притом, условия, развивающиеся, новые, уничтожающие прежнее закостенение жизни.

---

[1]) Изложено по III гл. указ. статьи, „Н. Д.“ 1869 г. № 7—10, стр. 133—135.

Второй и третий пункты „основных положений“ программы русской секции указывали на одинаковость стремлений русского и западного рабочего люда к общинному владению землей и орудиями труда. По этому поводу „Нар. Дело“ писало: „Одна и та же вполне тождественная задача лежит теперь перед пролетариатом западно-европейским и русским, и даже в Америке... с каждым днем все более чувствуется рабочим миром, перед ним скоро предстанет та же самая задача“ [1]). „Сравнивая, так сказать, историческое отношение к этому вопросу в пролетариате западном и в пролетариате русском [2]), мы... осязательно указываем на то преимущество, которое выпало в этом случае на долю русского пролетариата. То, к чему западный пролетариат приходит, наконец, путем критического сознания и теоретического развития, то уже составляет реальное явление в жизни русского пролетариата; он веками сроднился с ним, оно охватило его нравы и обычаи“.

Свое понимание роли общинного землевладения „Нар. Дело“ резко отмежевывает от всякого славянофильства и примыкает к точке зрения Чернышевского. „Мы, конечно, не намерены,—говорит оно,—подражать многим публицистам, которым вопрос об общинном землевладении всегда давал повод впадать в идиллии о русской избе, будто уж теперь осуществляющей все те совершенствования, для которых она представляет только драгоценный плодотворный зародыш“. И статья цитирует известные слова Чернышевского: „Этот общинный дух мы вовсе не расположены считать каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре. Мы просто полагаем, что вследствие исторических обстоятельств, надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту, он сохранился у нас довольно неприкосновенным“... Вообще в вопросе об общинном землевладении „Нар. Дело“ ссылается на мнения Чернышевского и рекомендует

---

[1]) „Н. Д.“ 1869 г. № 7—10, стр. 143.

[2]) По поводу неоднократного напоминания „Н. Делом“ о „русском пролетариате“, считаем нужным заметить, что это понятие журнал отождествлял вообще с понятием „трудящегося народа“, не выделяя фабрично-заводского пролетариата. Это смешение характерно для того времени (его придерживается, например, Флеровский в книге „Положение рабочего класса в России“), хотя, с другой стороны, у Чернышевского понятие „пролетариат“ имеет определенное содержание в западно-европейском смысле.

„внимательно перечесть и вдуматься" во все статьи его по этому предмету.

Для журнала не осталось нуждым сознание, что общинное владение еще не означает общинного производства. Но он надеется на развитие последнего из первого. Статья говорит: „В силу известного различия в положении двух пролетариатов, вытекающего из гораздо большего развития фабричной промышленности на Западе, в нем быстрее развилось сознание потребности дальнейшего применения социалистического принципа относительно общности орудий труда. Эксплоатация фабриканта и патрона заставила рабочих на Западе понять пользу общности этих орудий. Нет сомнения, что правительство и дворянское лихоимство, конфискация у народа его нищенских орудий в силу благодетельных постановлений об эмансипации — эти действия приведут и русский народ к наглядному пониманию всего удобства и всей необходимости обратиться к общинному владению и пользованию орудиями труда, к общинному, как земледельческому, так и всякому другому производству работ, которым будущность нового русского быта дает широкий рост. Это предложение тем более основательно, что уже и теперь общинный труд практикуется народом". Статья опять ссылается на мнение Чернышевского: „общинный дух, сохранившийся у нас, благодаря общинному владению землею, так свеж и силен, что общинное производство работы, это столь трудно исполнимое на Западе, у нас без всяких хлопот делается там и в тех случаях, когда становится нужно".

Конечно, и эту аналогию с Западом нельзя отнести к числу глубоких, с современной точки зрения. Идеал общественного производства вырастал на Западе не из голого факта эксплоатации фабричного пролетариата, а был обусловлен развитием крупного производства. Но в то время и в самом Интернационале зародышем новых форм общества, как мы уже видели, считались не эти „материальные предпосылки" социализма, а самые организации рабочих на новых началах. Потому нет ничего странного в приведенном утверждении „Нар. Дела". Интересно также, что журнал относил „широкий рост общинного производства" к „будущему новому русскому быту", а до того времени считал возможным лишь выработку в народе „наглядного понимания" выгод этого производства.

„Народное Дело“ давало и прямую параллель между значением русского общинного землевладения и ролью „касс сопротивления“ на Западе. Повторив, что рабочие пропагандисты и агитаторы Запада видят в рабочих союзах „прототип будущего федеративного начала“ и „возможность навыка для управления позже самим всеми своими делами“, статья говорит: „Надо ли распространяться о том, что те же элементы и задатки лежат в нашем общинном самоуправлении, что при перемене, при перевороте имущественных и государственных отношений, из этого общинного самоуправления, никак не менее, чем из самоуправления ремесленных союзов, может выйти и вырасти то повсеместное, не чуждое, а свойственное русскому земледельческому населению н а р о д о п р а в с т в о, которое будет связано в самом себе и в своих разнородных частях федерацией солидарных по взаимным интересам ремесленных и промышленных общин“.

Все это нам показывает, что „Нар. Дело“ считало общинное землевладение одним из наиболее важных, хотя и не единственным опорным пунктом Интернационала в России, и что оно оценивало это явление русской жизни с „западной“ точки зрения.

Еще одно оригинальное сравнение убеждает „Народн. Дело“ в возможности создать в России движение, по образцу Интернационала. „Одна из громадных выгод для Революции, нашего русского положения заключается в том, что у нас не сложились и не успевают сложиться в такую систематическую касту, как на Западе, ни фабричное, ни торговое мещанство. Им нет у нас такого разгула, как на Западе, в силу перевеса земледельческих интересов нашей страны [1]). Вместе с этим наш мозговой пролетариат по самому своему происхождению, по своему положению, по всем стремлениям своим может считаться б е з р а з д е л ь н ы м элементом народных слоев... Наш мозговой

---

1) В русской социалистической литературе это одно из самых ранних утверждений об „отсутствии буржуазии в России“. Но то, что здесь было простым отражением русской действительности в 60 гг., стало впоследствии догматом народничества, не считавшего нужным критически относиться к раз сделанным оценкам и следить за изменениями в общественной структуре России.

пролетариат в революционном деле является тем передовым слоем пролетариата вообще, который представляет собою здесь, хотя, конечно, в несравненно больших размерах, передовой пролетариат Интернационала". Главной причиной, по которой „Нар. Дело" приравнивало русский „мозговой пролетариат" передовому отряду западного пролетариата, служило то обстоятельство, что „самое умственное развитие этих двух передовых пролетариатов, шло в известной доле аналогическим путем, совершалось под о д н о р о д н ы м в л и я н и е м"...

Периоду утопического социализма в истории мускульного пролетариата Запада соответствует русское движение петрашевцев; борьбе европейского рабочего класса за „право на труд", „право сходок для взаимного образования и устройства круговой поруки" — борьба русского студенчества за расширение доступа к образованию (своего „права на труд"), за право сходок, ассоциаций и касс взаимного вспомоществования. Наконец, передовой пролетариат на Западе понял, что „все приобретения, которых он добился в своей борьбе с новым промышленным феодализмом... писаны на песке... пока самая основа всякого производства—земля—не перейдет в собственность самих производителей, т.-е. самого пролетариата", и конгрессы Интернационала дважды постановили, что земля должна быть обращена в коллективную „т.-е. в общинную" собственность. В России же, начиная с эпохи освобождения крестьян, мозговой пролетариат, во главе с Чернышевским, „призывает общественное внимание на социалистические основы русского крестьянского быта и ведет борьбу с мещанскими и дворянскими тенденциями жалких подражателей западных экономистов". „Мозговой пролетариат расширяет свою задачу и из университетских стен ведет свое дело в народную школу, в народное село"... А расширенная задача мозгового пролетариата стремилась поднять народ на борьбу за З е м л ю и В о л ю.

„Таким образом,—заключало „Нар. Дело",—как теперь на Западе поставлен на очередь передовым, существенным вопросом вопрос о з е м л е, без которого немыслима в о л я, так этот вопрос ставился и у нас в России в 60-годах, и ставится и теперь партией Народного Освобождения: стремление является одним и тем же—оно развилось, взросло на Западе, вследствие выяснения исторической коренной причины народных бедствий; наше отстаивание коренного принципа общинного землевладения

находило себе, с одной стороны, поучительную поддержку в исторических бедствиях обездоленного Запада; с другой, все социалистические учения Запада вперед говорили нам о том великом дальнейшем развитии социалистических начал в ассоциационных приложениях, которым открывало место общинное землевладение [1]).“

Эта поверхностная аналогия совершенно ясно обрисовывает рационализм журнала, обусловливавший поверхностность всех его аналогий вообще.

Но вместе с тем, стремление „Народного Дела“ находить в русской жизни элементы, тождественные с социалистическими элементами западного движения и именно на них строить программу движения русского—находится в полном соответствии с общими социологическими взглядами журнала. Вспомним, что основным историческим законом журнал признавал „солидарность исторических судеб всех народов“—и утверждал, что „социальное и политическое развитие всех народов идет аналогическим путем“. Потому, в обосновании программы русского движения аналогиями с Западной Европой нужно видеть не простое поверхностное подражание Интернационалу, а выражение общих социологических воззрений „Народного Дела“.

В кажущемся противоречии с этими взглядами стоит: 1) затронутый журналом известный вопрос народничества о возможности миновать „стадию буржуазнаго конституционализма“, и 2) то обстоятельство, что руководящим эпиграфом к статье: „Русское социально-революционное дело в его соотношении с западным рабочим движением“ взяты слова Чернышевского: „под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление у других народов может развиваться очень быстро, подниматься с низшей ступени прямо на высшую, минуя средние логические моменты“... Но не следует забывать, что и эту возможность для отсталых народов заимствовать высшие формы культуры у народов передовых „Нар. Дело“ видело именно в аналогичности исторического развития всех народов, в силу которой только и можно говорить не об особенности национального развития отдельных стран, а лишь об их сравнительной отсталости или прогрессивности. Указанный эпиграф сви-

---

[1]) „Н. Д.“ 1869 г. № 7—10, стр. 140—143.

детельствовал, конечно, о том, что общую задачу социалистического движения в России журнал ставил, как задачу заимствования у Европы высших элементов ее развития. Но, считая необходимой предпосылкой ускорения развития отсталых стран—существование в них элементов одинаковых, аналогичных с элементами стран передовых, „Нар. Дело“ и должно было отыскивать в русской жизни тождественные с западными условия для развития социализма. Таким образом, утверждение „Народного Дела“ о возможности „миновать средние стадии“ находится не в противоречии, а в полном согласии и с его основными воззрениями и с его постановкой вопроса о внесении Интернационала в Россию. Самый вопрос о „миновании буржуазной стадии“ поставлен в „Нар. Деле“ не только с точки зрения социологической (возможности изменения исторического развития России), сколько с точки зрения тактической—задач русской интеллигенции. Статья, где затронут этот вопрос („Размышление о российском образованном обществе“ № 7—10, 1869 г. стр. 150—162), анализируя политическое положение русского „образованного общества“, указывает, что „сверху“ давит его абсолютизм и „холопствующее барство“, а „снизу“ поднимаются две силы: кулачество и народ. Первое начинает расправлять спину и из положения приказчика надеется выйти, надеется само „стать самодуром хозяином“. „Второй уже проснулся от тяжелого сна, сидит и протирает глаза, и хотя еще затылок чешет, но сидеть долго без дела не привык; куда и как итти, кажись, еще не решил, но, конечно, и в рабство вновь итти ему не хочется, надоело быть дойной коровой“.

И статья спрашивает: „а мы-то, образованное общество, куда пристанем“?—„Очевидно к гнили приставать нечего“,—отвечает она же; если следовать „закону нашего (образованного общества) развития—задами жить“, то следует пристать к кулачеству. „Но, говорит статья, отчего задами пробавляться? Отчего нам подбирать с Запада мертвечину и перекладывать ее к нам? Отчего нам не взять живую мысль его, последнюю идею социального устройства? Тем более, что у нас нет как будто тех препятствий, а именно кулачество еще не сгрупировалось, и народ живет общинами. Неужели нам, минуя переходную ступень—буржуазного конституционализма,—нельзя прямо итти на ступень социального устройства в том виде, как вырабатывается оно на Западе рабочим движением“. „Достичь этого возможно,

утверждает статья, если „образованное общество“ пойдет по-пути, указанному Чернышевским в образе Рахметова, „пойдет в народ“, „потому что социальный переворот может совершиться только при соединении нашей интеллигенции с народом“...

Таким образом, по мнению журнала, перешагнуть через ступень буржуазного конституционализма должна и может прежде всего—интеллигенция, пойдя на службу не буржуазии, а пробудившемуся народу; в случае же успешных результатов соединения ее с народом—через эту ступень перешагнет и вся Россия.

Соединяя приведенное выше убеждение Чернышевского и „Народного Дела“ в возможности „ускорения“ развития отсталых стран с этой постановкой вопроса о миновании буржуазной „стадии“, мы приходим к заключению, что „Народное Дело“ решало вопрос о дальнейшем развитии России: 1) с точки зрения самых отвлеченных социологических обобщений и 2) с точки зрения практической возможности, т.-е. наличности в России социалистических общественных сил. Но журналу этому осталась чуждой „аксиома“ позднейшего народничества, в силу которой отрицалась экономическая возможность развития капитализма в России и устанавливался принцип особенности экономической эволюции здесь. „Народное Дело“, как мы уже видели и как увидим далее, стремилось последовательно держаться принципа а н а л о г и ч н о с т и исторических судеб народов.

ПОЛЕМИКА

Изложив в главных чертах теоретические основания программы „Народного Дела", интересно остановиться на полемике журнала с противниками, тем более интересно, что некоторые из возражений, на которые он отвечал, могли быть сделаны ему и с современной точки зрения. В то время эти возражения шли из либерального лагеря.

„Разбирая все замечания,—говорит журнал [1]),—которые до сих пор нам приходилось слышать касательно непрактичности предпринятого нами дела—введения в России Интернационального Союза рабочих, мы можем подвести их под два следующих заключения:

1.—Интернациональная пропаганда и организация в России положительно неуместны, потому что существует особое русское дело, особые русские вопросы, с которым интернациональное дело и его вопросы не имеют ничего общего, мало того,—успешному развитию которых интернациональное дело не только не может принести никакой пользы, но даже положительно мешает [2]).

2.—Введение Интернационального Союза в России несвоевременно, т.-е. только временно неуместно, и именно пока в России существует бесконтрольный и ничем не сдерживаемый правительственный произвол. Постановка же интернационального рабочего Союза в России возможна будет только

---

[1]) Ст. „Бунт, стачка и революция" „Н. Д." 1870 г. № 3. Все следующие цитаты из этой статьи.

[2]) Здесь, „Н. Д." подразумевает программу политиков революционеров „Колокола русских агентов" (см. гл. VI), стремившихся к сплочению всех недовольных элементов в России во имя завоевания политической свободы, и потому считавших вредным отвлечением и раз'единением сил пропаганду социалистическую. В этом завоевании политической свободы они видели особое русское дело.

тогда, когда русский народ будет иметь политические права и пользоваться хоть какой-нибудь гражданской свободой"...

На возражения первой категории журнал отвечает так:

„Откуда в самом деле явилось все это движение революционное, социалистическое, народное? откуда явились все эти рабочие организации?... Кто ж их создавал? Кто вызвал это движение?

„ГОЛОД И НИЩЕНСТВО"

„В этих словах сказывается вся суть народного стремления к ломке и созиданию.

„Думаете ли (вы), что у народа русского есть свое особое дело? или вы, наконец, признаете, что и его давит голод и нищенство, что и в нем, следовательно, они должны вызвать движение, путем пропаганды и организации идущее вперед".

„Но русский рабочий люд не пролетарий, — формулирует „Нар. Дело" возражение противников,—у него-де землица есть и он крестьянин, среди него только ничтожная доля фабричных и ремесленников, вся же масса его сельская, у нее другие потребности, другие пути!"

На это возражение журнал отвечает: „Будто же этой массе так уж хорошо в селе? Отчего же это она готова теперь бросать свою землю и итти на всякие заработки и промыслы, даже в леса бежать? Будто же этой массе жить не хочется? И она охотно готова умирать с голоду!" И далее журнал приводит несколько цифр и фактов, рисующих крайнюю необеспеченность и даже начавшееся кое-где вымирание крестьянства. Что же, спрашивает он в свою очередь: особые ли русские вопросы морят людей, или „все тоже только русский голод, русское нищенство".

Но, продолжают противники, „каково бы ни было положение русского народа, оно иное, чем положение западного рабочего: русский рабочий народ не знает всех этих хитросплетений и организаций и стачек; он прежде всего кроток и миролюбив, он уповает на царя и правительство, он живет себе тихо и мирно в своем селе,—это не то, что городской фабричный народ, которым вы похваляетесь на Западе"... В ответ на это журнал с своей стороны выставляет ряд доводов:

„Будто только фабричный народ участвует на Западе в интернациональном движении? А семь тысяч рабочих в окрестных селах Лиона, вставших на стачку месяц тому назад,—это не сельское население? а стачка черепичников, охватившая теперь деревни Женевского кантона,—разве она не состоит из сельских жителей?“ [1])

„Будто у нас в России неведомы стачки, если даже не считать всех подавленных келейным образом, без опубликований, если даже припомнить только официально оповещенные? Разве у Морозова рабочие не поднимались на стачку, разве у Байкова в Кронштадте воровство хозяина, достойного своих западных собратов, не вызвало стачку рабочих со всей обстановкой, вполне подобной происходящей при западных стачках, с судом и административной властью, с потворством хозяйским интересам со стороны суда и власти“ [2]).

„Будто русский народ миролюбив... а о гревах и помину не может быть?.. Случалось ли вам ознакомиться с тем, как платятся оброки и выкупной платеж: хочется народу платить их? Весело ему продавать свой скот для насильственной платы? Радушно он встречает усмирительные команды, не прекращающие своей эмансипаторской деятельности с 19 февраля 1861 г.?

„Страх, ужас, сознание своей одинокости, отсутствие солидарности заставляют еще крестьянина платить в казну налоги, но и страх, наконец, пропадает, и место одинокой, изолированной

---

[1]) Здесь „Н. Д.“ еще говорит, собственно, о промышленных рабочих, хотя и не городских в тесном смысле. В другой же статье прямо указывает на „земледельческое население“, т.-е. подлинных крестьян; оценка революционности этого слоя сделана ссылкой на слова Чернышевского, „Напомним о том, что казаки были большею частью из поселян, и что с начала XVII века почти все драматические эпизоды в истории рус. народа были совершены энергией земледельческого населения“ („Н. Д.“ 1869 г. № 7—10, стр. 146).

[2]) В следующем же выпуске (№ 4, 1870 г. 30 июня) „Н. Д.“, сообщило о двух стачках в Петербурге: одна возникла между работницами по шитью мужского платья, другая на Невской бумажно-прядильной фабрике. Во втором случае стачечники были преданы суду за нарушение правила об отказе от работы за месяц. „Н. Д.“ посвятило этим стачкам статью, выясняя бесправие рабочего класса в России и проводя параллель с положением фабрикантов и „заявлением 44 промышленников“ на бывшем в то время с'езде гг. фабрикантов и ученых техников“.

пассивности займет действие групп, организованных в силу сознания общности своего положения и своих интересов".

„Народное Дело" ссылается далее на так называемое „Алтайское Дело" [1]) и на случай отказа народа итти в солдаты и говорит: „Эти отказы в платеже налогов, в отбывании рекрутчины будут, конечно, все расти в численности и размере и при известных благоприятных условиях для пропаганды и организации будут обращаться в правильные стачки. И как на Западе стачки во имя отказа работать за малую плату явились актом сознания в рабочем люде того, что составляет его силу и слабость его врагов, так и стачки в России во имя отказа платить подати будут являться все более частым и очевидным признаком такого же сознания в среде русского пролетариата".

„Народное Дело" сознает принципиальную разницу между экономическими стачками рабочих на Западе и между русскими стачками в виде отказа от податей; но оно надеется, что в дальнейшем ходе борьбы эта черта сгладится, и борьба явится совершенно тождественною и на Западе и у нас.

„В России,—говорит журнал,—крестьянская реформа, окрестив почти все платежи названием казенных, сделала то, что всякий отказ народа в платеже не только государственных повинностей, но даже тех сборов, которые вытекали из прежних отношений к помещикам,—всякий отказ является теперь одинаково прямым сопротивлением правительственной власти. Но за спиной этой правительственной власти стоит вся коалиция всех интересов барышничества и привилегии, ибо и вся-то эта правительственная власть есть собственно власть коалиции, и, когда народ, наконец, откажет им в платеже всех податей, тогда все барство пойдет ополчением на народ, и разыграется столько же политическая, сколько социальная война, столько же между народом и политическою властью, сколько между народом и имущими привилегированными классами".

---

[1]) На Алтайском заводе, по словам „Н. Д." имел место случай отказа от платежа податей. Народ устраивал сходки, арестовал губернаторского чиновника, отстреливался от команды солдат. Бой был прекращен хитростью. В Холмском уезде, Люблинской губернии, „народ не захотел итти в солдаты и в ответ на требования начальства стал ссылаться на царскую грамоту". Такая же ссылка делалась на Алтайском заводе.

Таким образом, из политической борьбы вырастает борьба социальная, подобно тому, как на Западе она же вырастала из борьбы экономической. Пути разные, но результат один и тот же: выяснение связи между политическим и экономическим угнетением и борьба против того и другого вместе.

„Нас захотят остановить,—прибавляет журнал,—указанием на величие царизма у нас, на слепую веру народа в царя. Да, эта вера существует, эта вера еще слепа и мифическая, но разве она может устоять пред действительностью современного положения: разве (царь) не сделал всего, чтобы народ смотрел на (него) как на первого помещика и верховного сборщика податей? разве самое отношение царской казны к народу не служит могучей пропагандою для того, чтобы народ в конце концов перенес свою ненависть с барства на (царя)?

„Разве, обращаясь к Западу, например, ко Франции, вы не встречаете этой же веры в сельском населении к императорству? И это не мешает вам быть вполне уверенным, что французский империализм не устоит в борьбе с народом... И революция во Франции будет произведена не только передовым городским пролетариатом, но и сельским, потому что иначе она была бы непрочною и повела бы к гражданской войне и снова к империи". [1])

---

1) А вот что писало „Н. Д." после сентябрьской революции в Париже в 1870 г.: „В каком виде скажется эта республика? Сумеет ли буржуазия снова усыпить и захватить всю власть в свои руки? В таком случае возобновится синяя—мещанская республика... Сумеет ли городской пролетариат революционизировать власть настолько, чтобы заставить ее провозгласить такие социально-экономические изменения, которые привлекли бы сельские массы на сторону городского пролетариата, которые своей существенной ценностью для сельских масс заставили бы их неотступно держаться за Республику, дарующую им благосостояние,—вот чем теперь главный вопрос, от разрешения которого зависят или новые кровавые катастрофы борьбы—изолированного от села—городского пролетариата против мещанства или же торжество экономических революционных начал, провозглашаемых в последние годы повсюду адептами Интернациональной Ассоциации. В этом последнем случае Франция положит начало социальной республики (красной, как ее зовет реакция); а начало такой республики во Франции—это начало социальной революции,—той соц. революции, которая охватит собою в конце концов Европу"... („Н. Д." 1870 г. № 6—7, ст. 8-я). Из этих слов можно видеть, какое важное значение придавало „Н. Д." „сельскому населению" Франции, независимо от о т с у т с т в и я там общинного землевладения.

Теперь обратимся к возражениям „Нар. Дела“ против замечаний второй категории, т.-е. против замечаний о несвоевременности в России Интернационала.

„Если вы согласны,—обращается оно к противникам,—что гревы получили значение гораздо более высокое, чем бунт, если на Западе бунт сумели заменить гревою, отчего же у нас не может быть то же? Мы утверждаем, что оно вполне возможно, и потому мы прежде всего настаиваем на такой же организации, какая принята в Интернационале. Но здесь-то нас и ждут наши противники: „как, да вы забыли, что у нас медведь сидит и мешает, у нас нет ни права сходок, ни свободы слова!“ А разве они есть в Австрии, разве они есть вполне и разве они хоть сколько-нибудь были два года тому назад во Франции? Нет, в каждой стране было несколько преданных, энергичных людей—может быть, менее 10-ти, и они брались за пропаганду и организацию, они вели их тайно там, где нельзя явно, они шли в тюрьмы там, где невольно прорывались, они не искали фейерверков и трескотни, они искали единомышленных проповедников новых начал, и дело росло и выросло до того, что никакой медведь уже не может сбить его“...

Разрешая таким образом вопрос, „Нар. Дело“ стремилось сейчас же предупредить могущее возникнуть новое возражение: „Мы, кажется, проговорились, мы, кажется, употребили слово тайно, а Интернационал должен действовать явно. Что это значит?... Это очень просто: Интернационал не может допускать в среде рабочих тайных обществ, потому что в этих обществах, как их понимали и образовывали до сих пор, всегда являлись самозванные диктаторы, действовавшие только обманом и авторитетом и избиравшие всегда анти-народные средства... Ведите заговор, но ведите его в народ,—это не будет тайное общество, это будет только тайная организация, основанная на тех же началах, как и Интернационал: те же Секции с тем же федеративным принципом, как и здесь, в Европе, и с тем же отвержением диктаторской унитарной власти, уничтожающей могучую волю... Интернационал отвергает конечное тайное действие... Там, где должен действовать сам народ, там не может итти дело о каком-нибудь единичном убийстве и о достижении освобождения какой-нибудь тайной штукой; ясно, что для своего освобождения народ сам должен подняться, а народ не поднимается тайно, а воочию. Но все это нисколько

не мешает вести скрыто от правительства всю подготовительную работу: в этом случае вина не наша, а тех правительств, которые не допускают народного развития при дневном свете"...

Закончим изложение полемики „Нар. Дела" следующей выдержкой из ранее цитированной статьи [1]): „Мы нисколько не думаем игнорировать того различия, которое существует и в качественности и в количественности революционных элементов, ту разницу, которая может произойти в обстановке движения и в его времени. Самая тяжелая сравнительная слабость наша заключается в том, что в то время, как у нас передовым пролетариатом может считаться исключительно мозговой, еще не вступивший в тесный союз с мускульным,—на Западе передовой пролетариат не только представляет в себе союз двух пролетариатов, но весьма многие и многие члены его совмещают уже в себе самих условия, которые будущий быт потребует от всех: и мозговой и мускульный труд... Более того, Запад прошел через гораздо большее число революций, чем мы; эти революции были великою, всепотрясающей пропагандою... Таким образом, на Западе гораздо легче было совершить первую фазу практического революционного развития: легче было группировать передовой пролетариат, на долю которого выпадает более трудная задача — достижение второй фазы, необходимой для успеха, достижение путем пропаганды и организации солидадарного и активного понимания в среде исключительно мускульного пролетариата, в среде земледельческого пролетариата. Но там, где есть целая уже, из сотней тысяч образовавшаяся и действующая организация, там об успехе этой задачи может итти речь только относительно времени; и мы знаем из фактов, что пропаганда проникает уже в сельское население и встречает в нем не врагов, а братьев своего революционного дела. Между тем у нас в России гораздо более затруднений представляет совершение первой фазы, чем второй; наша насущная задача— это сплочение разбросанных, более развитых и сознательных элементов революции в одну предварительную организацию для пропаганды, и эта задача самая трудная для нас, но, тем не менее, возможная и настоятельная, а затем уже переход революционного дела из этой фазы во вторую, в фазу осуществления и развития социалистических начал, может совершиться легче и встретить себе более уже определенных данных, чем на Западе".

[1]) „Русск. соц.-рев. дел. „Н. Д." № 7—10, 1869 г. стр. 145—146.

ВОПРОС О СОЦИАЛИЗМЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

В предшествующих главах уже затрагивались взгляды „Нар. Дела“ на вопрос о связи между борьбой социальной и политической. Но так как этот вопрос и в то время, и в дальнейшей истории социалистического движения в России служил одним из главных пунктов разногласий, то следует остановиться на нем и детальней охарактеризовать позицию „Нар. Дела“.

Необходимо помнить, что, разрешая этот вопрос, „Нар. Дело“ находилось между двух огней. С одной стороны, оно должно было ясно отмежеваться от бакунистов, отрицавших всякую политическую борьбу, с другой—от чистых политиков-революционеров „Колокола русских агентов“. Положение для журнала затруднялось еще тем обстоятельством, что в силу глубокой разницы в политических условиях России и Запада вопрос этот не допускал решения через простое применение здесь признанных журналом социал-демократических принципов Интернационала.

От анархистов, типа Бакунина, „Нар. Дело“ отмежевалось очень определенно. „Партия Народного Освобождения“,—писало оно,—вовсе не намерена внушаться поучениями маститых идеалистов о том, будто следует, презренно отвернувшись от государственной политики, преследовать обособленным, каким-то трансцедентальным путем свое народное дело, как будто народ может также идеалистически, абстрактно без ежедневной боли относиться к ударам, бьющим его материальный и умственный быт, как будто партия Народного Освобождения может не считаться с политикою правительства, вырывающего из его среды энергических бойцов или тормозящего железными цепями ее путь к совершению поднятого дела“. [1])

---

[1]) „Н. Д.“ 1869 г. № 7—10, стр. 128.

Излагая отношение „Нар. Дела“ к социал-демократии Интернационала, мы уже видели, что журнал принял ее основной принцип нераздельности социализма и политической борьбы. В другом месте журнал подтверждает это и развивает подробней свой взгляд на взаимное отношение этих двух видов борьбы: „Интернационал об'являет, что освобождение должно быть совершено самим народом; и мы, с своей стороны, убеждены, что никакое революционное действие помимо и без народа немыслимо, потому-то между прочим мы и не делим политического действия от социального; это деление для нас нелепость; для народа одинаково враждебны и политические и социальные условия, тесно переплетенные между собой, и он не может бороться против социального гнета, не борясь против политического, точно так же, как совершенно бесполезно было бы мечтать о сброшении политического ярма без уничтожения социальной системы, потому что одно поддерживается другим. Таким образом, разглагольствование о разделении двух вопросов может быть только делом или либералов-экономистов, или наивных старцев, мечтающих об уничтожении самодержавия каким-нибудь прокламационным заговором“. [1])

Принцип, признанный „Нар. Делом“, будучи выраженным в такой общей форме, конечно, следует признать правильным. Здесь „Нар. Дело“ отражает взгляды марксистского Интернационала. Но, прилагая их к России, журнал должен был бы, если бы он имел выдержанные марксистские воззрения, проанализировать предварительно социальную систему России сравнительно с западными системами.

И именно то обстоятельство, что „Нар. Дело“ прилагало к России взгляды Интернационала непосредственно в том виде, в каком они выработались на Западе, доказывает лишний раз, что эти взгляды оно усвоило поверхностно. В самом деле, если для западного движения формула: „уничтожение политического ярма немыслимо без уничтожения социальной системы“, имела тот смысл, что пролетариат должен уже теперь стремиться к революции социальной (как это и понималось широкими кругами Интернационала), так как буржуазная „политическая свобода“ не допустит дальнейшего расширения, существенно

---

[1]) „Н. Д.“ 1870 г. № 3, стр. 3, столб. 2-й.

важного в интересах рабочего класса [1]), то в России положение было иное. Здесь „политическое ярмо“ обусловливалось иной, не буржуазной „социальной системой“, и потому вопрос еще допускал „разделение“. Здесь еще можно было уничтожить „ярмо“ абсолютизма, „уничтожив социальную систему“ остатков крепостничества, но не затрагивая „системы“ капиталистической. Однако, „Нар. Дело“ со своей точки зрения было глубоко право, когда говорило, что это разделение „может быть уделом либералов-экономистов“, но не социалистов.

Для рационализма журнала в высшей степени характерным было то обстоятельство, что он оценивал буржуазную свободу Запада, как результат „бессовестного“ использования буржуазией плодов борьбы народа за полное освобождение. Вот, например, что говорит „Нар. Дело“ о ходе политической борьбы во Франции: „На той почве,—как определяет оно эту страну,—где наиболее ясно для простого глаза и с гораздо большей полнотой тянется через все века политическая и социальная борьба собственника и пролетария“.

„Целые века шла борьба между роялизмом, дворянством и третьим сословием—буржуазией, борьба, в которой народ должен был играть роль балласта... Много раз битая и побежденная буржуазия побила, наконец, роялизм в тот момент, когда народ, всей мощью своих масс, стал сознательно и активно на ее сторону, полагая, что ее интересы не разнятся от его собственных, полагая, что с падением феодальной иерархии гибнет вековой гнет, и не предвидя создание новой промышленной, индустриальной иерархии... Предательство и вероломство буржуазии, открытое событиями 27 июля 1791 г. на Марсовом поле, положили начало нового кровавого разлада народа с мещанством“. „С тех пор буржуазия с удивительным успехом складывалась в преобладающую политико-экономическую силу, еще не раз прибегая к обману и увлечению народа для помощи в борьбе с новым роялизмом (1830—48 гг. до июньских баррикад). Буржуазия заигрывала с народом до самого последнего времени, зама-

---

[1]) Например, в письме И. Ф. Беккера „членам Русской Секции“ содержится такое положение: „Весь деспотизм в Зап. Европе поддерживается теперь только непримиримой враждой буржуазии к пролетариату: буржуазия сознает, что падение деспотизма будет вместе с тем погибель самой, и потому она старается поддерживать его всеми средствами“ („Н. Д.“ 1870 г., № 1, стр. 4).

нивая его теперь на солидарную борьбу с империализмом, пока, наконец, в эти последние годы народ не об'явил этой буржуазии торжественного разрыва... и своей решимости готовиться на борьбу и с империализмом и с буржуазией“ [1])...

Понимая так происхождение на Западе конституционализма „Народное Дело“, конечно, не только не могло ставить своей задачей подобного рода использования народного движения, но, наоборот, должно было стремиться предупредить возможность его в России.

Разбирая же внутреннее социально-политическое состояние России, „Нар. Дело“ предвидело такую возможность. Цитированные ранее слова о том, что в России „не успеет“ сложиться прочно буржуазный класс, вызваны были, повидимому, лишь глубоким убеждением в близости народного переворота. В других местах журнал везде признает возможным возникновение у нас класса, подобного во всем по своему значению и роли западной буржуазии. „Да,—говорит он,—этот класс еще не совсем сгруппировался у нас: различные традиции отдельных частей его мешают пока тому, но это пока скоро уничтожится и класс собственников собьет самодержавие азиатское и поставит на место его более пригодный и приятный ему—европейский конституционализм“ [2]).

Но все же „Народн. Дело“, вероятно, не ополчалось бы так на это, если бы не полагало, что победа русского буржуазного конституционализма ведет за собою уничтожение в России общины. Этот взгляд имеет настолько важное значение для характеристики „Нар. Дела“, что заслуживает более подробного изложения.

В статье „Крестьянская реформа и общинное землевладение“ [3]) журнал прежде всего констатирует существование в России „двух классов“: с одной стороны—трудящегося, с другой—тунеядствующего насчет чужого труда; двух классов, „противоположных по всем своим инстинктам и стремлениям, по всему своему положению и образу жизни“. „В последние же годы,—говорит статья,—правящие и имущие классы России обнаруживают поползновение в конец уподобиться соответственным им классам

---

[1]) „Н. Д.“ 1869 г. № 4—6, стр. 60—61.

[2]) „Н. Д.“ 1869 г. № 7—10, стр. 150 (ст. „Размышление о русском образованном обществе“).

[3]) „Н. Д.“ 1870 г., № 2.

на Западе; стремясь сложиться из осколков „пострадавшего“ дворянства, и из наростов торгового барства в целостное государственное тело, равносильное по политическому и экономическому значению западной буржуазии, эти классы хотят основать свое существование и обеспечить свое могущество на прочном водворении в России принципа личного владения“.

Итак, движение, замечающееся в русской буржуазии, имеет политические и экономические цели. Первые выражаются в том, что „либералы более чем когда-либо хотят сложиться в организованную партию“, что „у них развелась целая куча своих органов“, что „либерализм... переходит к практическим мерам“. Но нераздельным элементом либерализма являются его социально-экономические стремления—„нанести смертельный удар началу общинного владения в самом его корне, в среде земледельческого населения“. „В этом стремлении, а не в чем ином,—добавляет журнал,—лежит скрытый смысл многих явлений общественной жизни за последнее время“.

Статья выясняет принципиальную противоположность личного и общинного владения: „Личное владение представляет собою самую существенную основу и опору господству привилегированных каст, потому что его процветание обусловливается непременным существованием батрачества, пролетариата, которого они беспощадно эксплоатируют. И в свою очередь это батрачество порождается и укореняется в народе существованием личного владения. Отсюда ясно, что для упрочения господства барства, как касты, пролетариат должен быть создан там, где его нет. А между тем все такие попытки привилегированных каст в России к окончательному обездолению земледельческого населения и к обращению его в голое батрачество для доставления широкого разгула эксплоатации народных рабочих сил,—все такие попытки будут разбиваться, как о скалу, об общинное землевладение.

„Никогда крестьянская община, основанная на общинном землевладении, не отдается в конец в кабалу кулачеству: она будет еще сносить известное время гнет политический... но она никогда не потерпит прямого экономического напора со стороны барства, прямой коммерческой сделки с кулачеством, которое никогда не сумеет само по себе, без вмешательства законодательной власти, забрать в кабалу целую земледельческую общину: обезземеленье, обездоление общины, как

неразделной единицы, невозможно, между тем как западные страны Европы представляют слишком поучительный пример того, каким образом мелкие личные собственники уступают напору мещанского барышничества и, лишаясь поземельной собственности, идут в кабалу на жертву варварского закона невольного спроса и произвольного предложения [1]).

„Кроме того, общинное землевладение не ограничивается такою пассивною ролью по отношению к личному владению. Оно может вести и наступательную борьбу... может побудить общинников (вследствие роста населения) выйти на обратный захват земли от личного владения. Еще более важная сторона общинного землевладения, представляющая отпор и угрозу кулачеству, заключается в том свойстве этого владения, по которому оно по освобождении от насильственного политического гнета [2]) должно естественно развиваться и, в силу развития, переноситься с общинного владения землею на такое же владение всеми другими материалами и орудиями производства, и, наконец, на такое же общинное, т.-е. равенственное распределение самих продуктов производства.

Таким образом, „принцип общинного владения враждебен не только могуществу привилегированных каст, но и самому существу их“. Отсюда вытекает, в свою очередь, и враждебность либералов к общине и солидарность их с правительством в отношении к ней. „Нар. Дело“ прослеживает буржуазные тенденции либерализма с периода освобождения крестьян. „В так называемом великом крестьянском освобождении и правительство и привилегированные классы должны были итти между собою на взаимную сделку, на стачку против народа; с одной стороны, правительство страшилось строптивых проявлений народного недовольства, народной воли; с другой стороны, привилегиро-

---

[1]) Здесь мы встречаемся уже с типичным народническим преувеличением роли общины. Исторический опыт показал примеры обезземеливания „кулаками“ изрядной доли своих однообщинников. Капитализм нашел иные пути для создания себе „свободных рук“, чем грубое законодательное обезземеливание. Но, конечно, общины и круговая порука были значительным препятствием для свободного и быстрого развития капитализма. Конечно, номинально община, как единица, не могла быть обезземелена иначе, как законодательным путем. Преувеличения „Н. Д.“ явным образом вызваны его рационализмом, заставившим обращать более внимания на принципы владения, чем на формы производства.

[2]) Курсив наш.

ванные классы боялись покушений на свое экономическое господство и на свое стремление к дальнейшему развитию эксплоатации, и вот они подчиняются политическому деспотизму, и взамен того этот деспотизм опирается на них...—изумляет мир своей благодушной эмансипацией крестьян отбирает у народа его землю и освящает... систему обирания всего рабочего населения страны.

И эту сделку, эту стачку старались скрыть одинаково усердно и наши заграничные революционеры „Колокола“ и наши домашние либералы и патриоты,—одни, конечно, по наивности, другие по невежеству и по своей преданности государственным интересам, третьи по крепостнической закоснелости“. „Либералы были глухи к голосу радикальной партии; либералы премудро обозвали нигилистами тех людей, которые имели честность и смелсть заявить в России неот'емлемые права трудящегося класса. Они отдались на службу правительственного социализма и пошли тешить себя игрой—защитой прав нового русского гражданина-крестьянина от утеснителей-крепостников. И вся-то эта защита выразилась не более не менее как в стремлении к строгому, законному приведению в действие статей „Положение об улучшении быта бывших крепостных“ [1])...

„Если при составлении Положения,—продолжает „Нар. Дело“,—правительство и имущие классы толковали о необходимости наделить крестьян землею и сохранить общинное землевладение, то в этом, как мы заметили уже, они, конечно, руководились боязнью о возможном раздражении народной массы и сознанием своей еще слабости совладать с распущенным на волю без земли батрачеством“. Но прошло 9 лет, а ожидавшегося грозного выступления народа не последовало. „Следовательно, можно сделать над ним еще эксперимент для прочнейшего установления крупного личного землевладения; следовательно, можно для блага и процветания принципа личного владения ослабить, а, пожалуй, и вовсе добить ненавистное эксплоатации общинное владение“.

---

[1]) Намек на либеральные увлечения деятельностью мировых посредников. Далее статья разбирает условия крестьянского быта, созданные Полож. 19 февраля.

Кто же,—спрашивает статья,—„поощряет правительство?.. Кто вопит против общинного владения? Кто старается о законодательном утверждении у нас безземельного пролетариата? В ответ на эти вопросы мы неизбежно натыкаемся на наших красноречивых и многоуважаемых либералов“... Это доказывают факты „современного похода против общинного быта крестьян. Орган либералов „С-Петербургские Ведомости“ приветствует закон 17-го ноября 1869 г., отменяющий круговую поруку при взимании государственных окладных налогов в податных единицах, насчитывающих менее 40 душ. „Демократические“ бессословные „земские собрания“ также „спешат заявить себя на поле брани против общинного владения. 9-го декабря 1869 г. слушало доклад своей управы СПБ губернское земское собрание,—то самое, которое в 1866 г. столь геройски пострадало, за что сему собранию бывший „Колокол“ напророчил, что оно обратится в Генеральные Штаты на Неве. Доклад управы предлагает ходатайствовать перед правительством, чтоб крестьянам был предоставлен выход из общинного землевладения в подворное и с из'ятием от круговой поруки“. Разобрав этот доклад, журнал заключает: „Это скромное челобитное ходатайствование, если б оно было удовлетворено, привело бы ни более, ни менее как к разрушению общинного быта, к образованию класса мелких собственников выделением из крестьянства исправных богатых его членов и к образованию класса сельского батрачества, пролетариата [1]).

---

[1]) Статья „Стачки и выставки в Петербурге“ (№ 4—1870 г.) рекомендует еще вспомнить о „занимательном“ заседании Владимирской губ. управы в конце 1869 г., где большинство членов, поднявшее вопрос о правах земства, в интересах попечения о народном здравии, наблюдать за санитарным состоянием фабрик и заводов, „постыднейшим образом уступило меньшинству, протестовавшему против подобного вмешательства земства на том основании, что это вмешательство, т.-е. требование земства от хозяев соблюдения законных (ни более, ни менее) гигиенических предписаний, может возбудить неудовольствие гг. фабрикантов, может стеснить их индивидуальную свободу“. В той же статье говорится еще о „заявлении 44-х фабрикантов“ (московских и казанских), ходатайствовавших о необходимости реформировать мануфактурные советы на началах выборности и самоуправления. „Н. Д.“ отмечает, что из числа этих „либеральных“ фабрикантов, казанские в том же году „заявили о необходимости пересмотра ремесленного и фабричного устава на том основании, что они составлены в пользу рабочих и в ущерб фабрикантам“.

„Прислушайтесь,—говорит журнал,—к их (либералов) речам, как они не стесняются громко доказывать, что причина тяжелого положения народа лежит в его общинном быте, а не в государственной системе, что крестьянству доставится великое облегчение уничтожением круговой поруки и введением подоходного налога, а не снятием с него всего чрезмерного гнета податных налогов и не увеличением надельной земли, без всякого вознаграждения, из помещичьей и казенной земель. Великая практическая мера, восхваляемая либералами, заключается в разделении крестьянства на два класса: на домовитых, исправных плательщиков податей, имущих и неимущих. Эта мера неминуемо должна произвести раздор в среде самого крестьянства, и раздор должен кончиться тем, что домовитые будут поддерживать личное владение и будут гнать бедных, которым придется итти в батраки. И если это удастся, то русский имущий класс будет силен, потому что он будет опираться на известную часть самого народа. Конечно, если бы судьбы русского народа были обречены итти путем, указываемым адвокатами личного поземельного владения, то в будущем явилась бы конкуренция крупного землевладения с мелким; конечно, и „червь гнилого запада“ [1]) распространился бы по России и заявил свои человеческие права,—но личному владению нет дела до будущего: оно живет только интересами настоящего и оно думает про себя: „далеко еще русскому рабочему классу до такого опасного сплочения, какое достиг его собрат на западе“.

В силу всех этих соображений „Народное Дело“ определило свою политическую задачу так: „Мы, будучи неизменными приверженцами радикальной партии, считаем своим долгом более чем когда-либо изобличать этих либералов (изобличая сделку привилегированных классов с правительством) в самом глупом и самом низком служении врагам народа,—изобличать для того, чтоб показать, что и в России, как и во всей остальной Европе, не может быть места никакой иной партии, кроме радикальной, кроме народной, кроме партии великого всемирного рабочего союза, требующего теперь во всем мире земли и воли“... „В виду подкопов под краеугольный камень всего нашего народного быта, мы, конечно, в свою очередь, как члены всемирной партии Народного Освобождения, с усиленной энергией будем“

---

1) Т.-е. пролетариат.

ходатайствовать „перед народом о защите и активном ограждении начала общинного владения от всех земских и государственных покушений. В то время, как весь западно-европейский и американский пролетариат ведет пропаганду и организацию своего рабочего союза для достижения торжества общинного начала, было бы безумно и бесчестно уступать без бою, и, если надо, без кровавого бою, единственное великое достижение русского народа, заключающееся в сохранении до сего времени именно начала общинного владения; и, конечно, русское крестьянство не отдаст этого достояния даром"...

Итак, „Народное Дело" не считало ни возможным ни должным отделять задачу политического освобождения от социального и выдвигать первое на первый план. Журнал, конечно, сознавал политические преимущества конституционного порядка сравнительно с не-конституционным, но в то же время не мог не видеть, что первой задачей достигшей власти буржуазии будет уничтожение общинного владения, этого единственного залога скорого осуществления в России социализма. „Нар. Дело" знало, что, в случае победы буржуазии, на смену общинного крестьянства неизбежно явится новый трудящийся класс—пролетариат; что он так же, как его западный собрат, „поднимает голос за свои человеческие права". Все это „Нар. Дело" предвидело так же отчетливо, как увидели воочию марксисты 90-х годов. Но если последним осталось только констатировать исторический факт, что развитие производительных сил России уже идет капиталистическим путем, и если они, при построении социалистической программы, исходили из этого развития со всеми его наличными и неизбежными последствиями, то социалисты „Нар. Дела" в 1870 году еще не могли признать неизбежности этого пути. Для них оставалось еще совершенно неиспытанной возможность социальной революции на почве общинного быта крестьян, при крайне еще слабом развитии капитализма и при ожидании социального переворота на Западе. Не следует забывать, что еще 7 лет спустя (1877 г.) не кто иной, как Маркс, считал такой исход для России гипотетически возможным. Он писал: „Для того, чтобы судить об экономическом развитии современной России с полным знанием дела, я научился русскому языку и в продолжение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому вопросу. Результат, к которому я пришел, следующий: если Россия будет про-

должать итти по тому же пути, на который она вступила с 1861 года, то она потеряет один из самых удобных случаев, который когда-либо представляла народу история, для того чтобы избежать всех перипетий капиталистического строя [1]).

Таким образом, если даже Маркс не считал невероятной возможность социалистического развития России при удобных обстоятельствах, то тем менее мог сомневаться в этом первый русский социалистический журнал. Тем менее, потому что он был уверен в близости всенародного взрыва в России, с одной стороны, в близости социального переворота на Западе—с другой. А потому он не мог жертвовать имевшимися социалистическими элементами России в интересах половинчатого конституционного, или хотя бы республиканского, но буржуазного политического освобождения. Такое „разделение“ вопроса было невозможно с принятой им точки зрения на русские общественные отношения.

---

[1]) См. письмо Маркса редактору „Отечественных Записок“ (Михайловскому) „Вестн. Народной воли“ № 3; следует, однако, заметить, что Маркс в 1870 г. не верил в близость русской революции. В так называемом „Брауншвейгском Манифесте“ Германской Социал-Демократии (5 сент. 1870 г.) содержится письмо Маркса, где он, указывая на вероятность войны между Германией и Россией (как следствие победы Германии над Францией), говорит: „Если только, что весьма сомнительно, не произойдет в России революция. Если же этого невероятного обстоятельства не случится, то можно с настоящего же времени считать эту войну совершившимся фактом“.

XIV ВОПРОСЫ ТАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ

Чтобы закончить изложение взглядов „Народного Дела", остается лишь разобрать подробней некоторые вопросы тактики и организации, которые, подобно вопросу о политической борьбе, возбуждали споры и разногласия среди русских социалистов.

На первом месте следует здесь поставить отношение „Нар. Дела" к бунтарству, составлявшему отличительную черту тактики бакунизма. Журнал также не отказывал местным частным вспышкам в „огромном значении", но смотрел на них с другой точки зрения „Мы хотим,—говорил он,—чтобы молодое поколение энергически отталкивало от себя проповедников, кричащих о том, будто пора все бросить, будто не нужны ни знание, ни свет, ни зрелая мысль о новых основах жизни, а нужно только поджигать народ к местным разбойничьим бунтам,—мы хотим, чтобы молодое поколение бралось за дело с полным и строгим сознанием всего величия задачи и всей громадности труда для народного освобождения"...

„Мы,—говорило далее „Нар. Дело",—вовсе не отвергаем во многих известных обстоятельствах полезность даже местных восстаний, восстаний вразброс: неизбежные, часто вызванные непосильными страданиями или озлоблением народа, они являются историческим фактом, знаменующим, с одной стороны живучесть в народе мысли об отпоре, с другой стороны — готовящуюся близость и возможность распространенного народного восстания. В случае торжества, хотя бы не прочного, они разносят повсюду веру в возможность успеха"... И даже в случае поражения они уже самым фактом своего частого явления „могут подрывать авторитет власти, выступающей в роли беспощадного „усмирителя"... „В них всегда сказывается и насущная потребность переворота, так как народ его сам понимает, и тот практический способ, которым он полагает достигнуть до переворота".

Поэтому, „участвуя активными свидетелями в его повстаниях, уцелевшие из нас могут яснее обозначить те причины и явления, которые, в данный момент, всего более могут побудить народ к энергичной битве с врагами, и в то же время они могут яснее и лучше понять, где кроются причины неудач и поражений, какие явления и приемы пропаганда и организация должны стремиться выделить, отбросить из народных восстаний для их успеха и для их прочности.

„Но,—продолжает журнал,—во-первых, было бы нелепо говорить о полезности вызывать народные повстания единственно с целью самообучения в них для уцелевших из бойцов; во-вторых, громадное различие должны мы делать между естественными местными вспышками, местными повстаниями и между вызванным поднятием той или другой местности".

В первом случае, конечно, партия Народного Освобождения должна принять участие в народном протесте; второе же могло бы иметь место, лишь как средство отчаяния в возможности общего движения. Но так как „мы теперь находимся в ином более счастливом положении", то и подобное вспышкопускательство недопустимо.

В другом месте нам уже приходилось упоминать, что „Нар. Дело" видело в бунтах (частных) низшую стадию народного движения, стадию непосредственной стихийной реакции на частные факты угнетения; что журнал считал возможным и необходимым, по примеру Запада, перейти от этих форм борьбы к высшим требующим сознание организации, именно к стачкам, и что одной из практических задач русских социалистов „Нар. Дело" ставило превращение спорадических отказов от податей и рекрутчины в правильно организованные стачки. Все это, в связи с отношением „Нар. Дела" к бунтам, показывает нам, что журнал оценивал все частичные революционные выступления народа с точки зрения удобства их для расширения и укрепления организации и пропаганды социалистической партии, но не со стороны их самостоятельного значения для успехов революции. „При нашем российском положении,—спрашивало „Нар. Дело",—возможно ли избежать бунтов? Нет, вы их ничем не остановите. Но при отсутствии всякой организации может ли быть достигнуто путем этих бунтов русское народное освобождение? Конечно, нет, иначе оно было бы давно уже достигнуто.

Что же нам остается делать? Что, как не ухватиться всеми силами, всем помыслом и всем существом за организацию народных революционных элементов... и если на Западе бунт сумели заменить гревою, отчего же у нас не может быть то же? Мы утверждаем, что оно вполне возможно“ [1]).

Этот взгляд сильно отличает „Нар. Дело“ от бунтарства (бакунизма) и от способа „организации народных революционных элементов“ типа „Народной Расправы“. Различие выступает еще резче из следующих слов журнала: „Некоторые рьяные поборники могут решить, что следует возбуждать, вызывать гревы. Нет, ничего не должно быть искусственно—дело не в минутном возбуждении, дело в выяснении общего положения в рабочих массах и в организации тех проявлений недовольства, которые неизбежно будут сказываться наружу от времени до времени до тех пор, пока это недовольство не вырастет в обобщенную и об'единенную всенародную революцию [2])“.

Положительную формулу практических задач „Народного Дела“ можно определить так: пропаганда в рабочих массах и организация их революционных элементов. Она сложилась, несомненно, с одной стороны, под влиянием рационалистической „философии революции“, которая учила, что „революции гибли потому, что предварительная работа развития народного самосознания не была доведена до известного предела“ [3]); с другой стороны, здесь видно влияние Интернационала, который придал законченность и определенность социалистическим тенденциям бывших землевольцев.

„Дело пропаганды“ журнал резюмировал в трех пунктах: пропаганда, говоря языком, „понятным разуму народа“, т.-е. говоря о его „действительных нуждах“ и „современных потребностях“, должна: 1) „об'единить“ указываемую жизнью (переселениями и проч.) общность нужд и забот пробуждением созна-

---

1) „Н. Д.“ 1870 г., № 3, стр. 3.

2) Там же.

3) Вторым эпиграфом к статье „Русск. соц.-рев. дело“ также служили слова Чернышевского: „Менее, нежели кто-нибудь, мы расположены сочувствовать таким теориям, которые не ставят всей надежды своей на успех единственно в разумном и совершенно добросовестном предварительном убеждении тех людей, польза которых имеется в виду“. Этот принцип можно считать тем соединительным мостом, который послужил ученикам Чернышевского для перехода именно к марксистскому крылу Интернационала.

ния в народе о его повсеместной солидарности"; 2) „уяснить народу, что его стремления к лучшему быту обуславливаются уничтожением всех враждебных элементов и учреждений; что „дворянская привилегия", „мещанское барышничество" и „солдатский" абсолютизм „суть три солидарные, друг друга поддерживающие народные врага"; и 3) „провести в народ сознание о важности повсеместной и союзной организации".

А эта организация должна служить двум главным целям: во-первых, посредством ее только и может быть достигнуто одновременное, повсеместное и массовое действие, которое не допустит врагов победить движение „вразброс" и обеспечить народу победу ценою меньших жертв; во-вторых, организация должна способствовать тому, чтобы победа не выскользнула из рук народа на другой же день после поражения врагов, как то уж не раз печальным образом совершилось со многими революциями.[1])

На последней задаче „Нар. Дело" останавливалось подробно, так как она в то время также представлялась вопросом спорным. „Роль и задача революционной организации,—утверждало „Нар. Дело",—вовсе еще не кончается первым днем битвы и восстания. Напротив, на ней именно тогда-то лежит более, чем когда-либо, громадная ответственность: доведя дело до взрыва своими целесообразными усилиями... организация великой партии Народного Освобождения была бы предательницей и изменницей народному делу, если б сочла свое дело покончeнным в день вооруженной

---

[1]) См. „Н. Д." 1869 г. № 7—10, стр. 135. Здесь уместно будет упомянуть об отношении „Н. Д." к „традициям Разина и Пугачева". „Даже в былое время,—говорит журнал,—когда правительственные орудия подавления были гораздо ничтожнее нынешних,—те могучие силы разбились, так сказать, о свой собственный органический порок: они сами не знали определенно, куда они идут. И они, разрушая одно, не ставили на его место другого столь прочно, чтобы народ держался за новизну всем существом своим... их работа была стихийная, не поддержанная критикой и творчеством разума. Поэтому журнал напоминал „тем мечтателям, которые хотели бы реставрировать буквально подобные движения", что „хотя в памяти народа действительно живет предание о жизни его великих атаманов и оно облекается мифическим, пожалуй, мессианическим в иных местах, ожиданием пришествия Разина и Пугачева; но это предание бессильно само еще по себе, чтобы дать народу ясное сознание определенных потребностей новых начал... и чтобы связать весь народ повсеместно для общего, одновременного, дружного действия" („Н. Д." 1869 г., № 7—10, стр. 131).

битвы и если б вообразила, что далее уже разрозненные дотоле — столь долго терпевшие ущерб от рабской коры и насильственного невежества—элементы, вдруг сами по себе, по какой-то мифической, внезапно рожденной внутренней мудрости, придут тотчас же к новому желанному и давно жданному бытию". Именно в этот момент на организацию и ложится обязанность: „введения нового быта". „Мы полагаем, что прогресс человечества долго еще будет итти так, как шел, и долго еще передовое меньшинство будет вести за собою массы, если только это меньшинство действительно уразумело интересы народа, действительно искренне и всецело действует в интересах масс, потому что, при таком условии, это меньшинство в момент действия... быстро превращается в большинство, переходящее на его сторону из-за своего же собственного блага".

В мотивировке „Нар. Дела" мы узнаем на этот раз ту самую идею, которая служила всегда и везде основой для тактики заговора; ей одинаково пользовались и французские бланкисты и наши „якобинцы"—„Набата" и народовольцы. Но влияние Интернационала заставило „Нар. Дело" придать этой идее совершенно иное толкование. „Враги Интернационала тоже кричат о диктатуре этого союза, о том, что он хочет навязать свое господство всем народам, всем рабочим массам, что он, сравнительно с целою массою рабочих всего света, не более как презренное меньшинство. Действительно, Интернационал составляет аристократию интеллигенции в среде рабочих классов, потому что в Интернационал входят те, которые более или менее понимают свое положение; действительно, Интернационал также представляет меньшинство, цель которого поднять массы на добытие их прав на жизнь, труд и наслаждение". Но „это меньшинство совсем иного рода", чем то, „которое вздумало бы эксплоатировать народное движение, как то было в 48 г. и как то хотела было повторить Лига Мира и свободы"... „И именно потому иное, что так сказать, центр тяжести революционной инициативы теперь уже совершенно иной, в силу развития, в силу самосознания в самой среде пролетариата. Этот центр тяжести революционной инициативы не может уже более находиться вне народных стремлений... Все эти возгласы о насилии и диктатуре наивно повторяются ораторами журнального и старо-книжного цеха, им грезится и они мечтают о диктатуре Робеспьера и Бабефа, наследниками которых они в то же время

готовы сами себя провозгласить, и они воображают, что что-либо подобное возможно теперь".

„Именно для того-то мы и настаиваем,—заключает „Нар. Дело",—на необходимости пропаганды и организации, чтоб, с одной стороны, народное движение не вылилось в анархическую бестолковщину, и чтоб—с другой стороны люди, любящие ловить рыбу в мутной воде, не могли всплыть наверх и воспользоваться анархией, т.-е. неорганизованным, нецелесообразным волнением, для поставления личной диктатуры нескольких презренных коноводов" [1]).

Такое решение вопроса о роли и организации в революции полагало резкую границу между взглядами „Нар. Дела" и проповедью „всеразрушения" Бакунина и Нечаева. А содержание, вкладывавшееся журналом в понятие „передового меньшинства", отдаляло его от всякого заговорщичества и приближало к марксистскому пониманию диктатуры пролетариата. Разумеется, и здесь журнал отражал не доктрину марксизма, а идеологию широких кругов интернационала [2]).

Вопрос о формах организации, как находящийся в зависимости от практики движения, а не от теоретических соображений, естественно, не мог быть подробно разобран на страницах „Нар. Дела". Но все же мы находим в нем некоторые указания на принципы, по которым должна быть построена русская организация. Уже приходилось упоминать, что журнал указывал на необходимость тайной организации и оправдывал это отступление от принципов Интернационала; но зато он полностью отстаивал федеративный принцип секций Международной Ассоциации. Следует заметить, что такое решение принято было журналом не сразу. Еще в майском выпуске 1869 г. (№ 4—6) он говорил о „крепко сплоченных и строго проверенных кружках, которые должны группироваться вокруг других восходящих, ранее составленных групп, все ближе и ближе стоящих к инициативному центру" [3]). Таким образом первона-

---

[1]) „Н. Д". 1869 г., № 7—10, стр. 139—140.

[2]) Заметим, что в этом вопросе „Народное Дело" значительно уклонилось от взглядов „Земли и Воли", которая стремилась лишь к свободно-выбранному Учредительному Собранию и, в противоположность „Молодой России" (1862 г.) не допускала диктатуры революционной партии. Но „Нар Дело", как мы видели, разошлось с „Молодой Россией", подчеркивая массовый, сознательный характер переворота и отрицая заговорщичество.

[3]) „Н. Д"., 1869 г., № 4—6, стр. 88.

чально „Нар. Дело“ как бы признало принцип организационного централизма. Но затем—несомненно под впечатлением нечаевщины,—в 1-м же номере 1870 г. журнал ставит своей задачей „указывать примерами и логикой, что лица, приносящие свою деятельность на пользу Народного Освобождения, могут и должны сохранить свою разумную волю, не становясь безмолвными пешками самозванных диктаторов“. А позже он, „отвергая диктаторскую унитарную власть“, ратовал за федеративный тип организации по образу Интернационала.

Недостатком „практики“ можно об'яснить и то обстоятельство, что журнал недооценивал указания противников на „Медведя в России“.

Закончим обзор „практических вопросов“ „Народного Дела“ указанием на то настроение, которое проникало собою статьи журнала: „Если бы пропаганда и организация нашли себе ранее в рядах русского университетского, семинарского и военного юношества адептов и энергичных сподвижников, если б организация составилась за несколько лет до 19-го февраля и вела ревностно и целесообразно свою пропаганду, то, конечно, вышло бы иное 19 февраля... Народ своей волей взял бы свою землю... Поэтому мы могли основательно сказать, что мы о п о з д а л и с своей работой, а вовсе не п р и ш л и с л и ш к о м р а н о... Будем еще откровеннее и скажем прямо, что революционная партия и еще раз опоздала в России со своей работой, и не успела вполне сорганизоваться в виду движения, которое могло бы и теперь успешно подняться, если б заранее были сосредоточены на нем все усилия партии Народного Освобождения, подобно тому, как все усилия правительства сосредоточены на парализовании народного движения“ [1]).

Нагнать упущенное время и достичь известных успехов еще до наступления на Западе социальной революции,—вот девиз „Нар. Дела“. „Мы должны, поясняет оно, вести энергичную пропаганду, для того, чтобы русский народ не был застигнут врасплох, чтоб он знал, как можно скорей, что весь мир встает на добычу тех самых стремлений, которые веками живут в нем и составляют его заветную веру. Мы должны вести пропаганду, для того, чтобы враги, правители русского народа, не могли нагло обмануть его (как уже то пытались в 49 г.), и повести его в

---

[1]) „Н. Д.“, 1869 г., № 7—10, стр. 130—131, 148.

битву против народной свободы... И горе было бы для целого мира, если б русский народ оставался закабаленным в рабстве и невежестве, когда европейские рабочие массы уже добудут свою волю и свою землю".

С этой точки зрения, главным образом, смотрели на русское движение и западные социалисты: И. Ф. Беккер, приветствуя „Русскую Секцию" писал ей: „На образование вашей секции нашего международного рабочего союза должно смотреть, как на великое событие, которого многие наши друзья давно уже ожидали и успеху которого они всегда готовы помогать. Главная причина тому та, что Русская империя служит теперь последней поддержкой, последним якорем, спасения для западно-европейского деспотизма... Если бы вы, постоянно и обдуманно трудясь, довели ваше дело даже настолько, чтобы в минуту всеобщего (на Западе) социального переворота вызовом внутреннего восстания парализовать... стремление русского правительства к вмешательству в распрю на Западе, то и этим было бы много достигнуто, потому что гибель западного цезаризма неминуема повлекла бы за собой падение русского самодержавия". [1]

---

[1]) Письмо Иоганна Филиппа Беккера членам первой русской Секции Международного Товарищества Рабочих от 10 апреля 1870 г., „Н. Д.", № 1, 1870 г., стр. 4.

XV. ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Наша задача исполнена. Мы изложили в главных чертах взгляды „Народного Дела“ и, насколько позволили источники, дали очерк группы, его издававшей. Остается теперь лишь резюмировать все сказанное и сделать некоторые выводы.

Итак, первый опыт построения русской социально-революционной программы по международному типу сделан был в журнале „Народное Дело“. Действительно, первые шаги в этом направлении журнал совершил под руководством Бакунина, и „Наша Программа“ № 1 1868 г. была одной из самых ранних формулировок международного анархизма. Но в дальнейшем эта программа не сделалась знаменем „Нар. Дела“; напротив, журнал резко разошелся и с Бакуниным и с Нечаевым, когда они попытались внести принципы „Нашей Программы“ в русское движение. Бывшие члены „Земли и Воли“, основавшие „Народное Дело“ вместе с Бакуниным, примкнули потом к Марксовскому крылу Интернационала и создали русскую социалистическую программу на основе принципов этого крыла „Международной Ассоциации Рабочих“ и учения Чернышевского.

Вопреки утверждению Туна,—будто русская молодежь ознакомилась с Международной Ассоциацией в период ее упадка,—первые русские социалисты не только видели Интернационал в период расцвета, но и прошли в его рядах весь путь его развития, начиная с 1867 г. Они были свидетелями и участниками нарастания волны всемирного пролетарского движения 60-х годов. На их глазах вспыхнуло и разлилось по всему континенту Европы стачечное движение, при их участии стал организовываться рабочий класс в великую Международную Ассоциацию; они видели, как эта Ассоциация об'единяла все оттенки социалистической мысли и от конгресса к конгрессу переходила от идей мирного кооператизма и трэд-юнионизма к идеям про-

летарской революции, к идеям об обществлении земли и орудий производства. И не без их участия открылась последняя борьба нового социализма, строившего на научных основах идеологию борющегося пролетариата, с социализмом старым, заговорщицким, предводимым Бакуниным. Русские социалисты всецело присоединились к новому течению, которое отстаивал Главный Совет во главе с Марксом.

Рационалистическая точка зрения на общественные отношения, воспринятая членами группы „Народного Дела“ еще в России, у Чернышевского, помешала им понять всю глубину нового течения в социализме и усвоить его теоретическую основу—исторический материализм. Для „Нар. Дела“ поэтому оказались доступными только самые общие идеи научного социализма, те, которые сами собой вытекали из фактов борьбы рабочего класса. Но именно эти общие идеи, хотя и плохо понятые, наложили мощный отпечаток на взгляды журнала.

Аналогичность исторического развития народов; классовая борьба собственников и рабочих; нераздельность политического и социального моментов этой борьбы; развитие сознания и организация рабочих масс,—вот какие принципы послужили „Народному Делу“ теоретическим фундаментом для создания русской социалистической программы. Опираясь на них, „Нар. Дело“ расширило социалистические тенденции „радикального“ движения 60-х годов и так сформулировало задачи русского социализма: в тесном союзе с Интернационалом, с надвигающейся на Западе социальной революцией, организовать зарождающуюся борьбу русского рабочего класса (пролетариата и крестьянства), против самодержавия, дворянства и растущей буржуазии, за международные социалистические идеалы (общинное владение землей и орудиями труда). Общинный быт русского крестьянства трактовался журналом, как одно из обстоятельств, способствующее более быстрому развитию сознания народа и дающее один из опорных пунктов для перехода к новому быту. Нет сомнения, что при той постановке русского социализма, которое дано было „Народным Делом“, отсутствие в России общины немного изменило бы программу. „Суть“ была не в общине, а в основном признании аналогичности положения рабочего класса в России

и в Европе и в основном требовании аналогичности путей и средств его борьбы.

Но, признавая общие положения научного социализма, „Нар. Дело“ освещало и истолковывало их с прежней рационалистической точки зрения. И эта точка зрения, не допустившая журнал понять истинные социологические предпосылки классовой борьбы на Западе, обусловила и многие ошибки в обосновании им русского социализма. Она сделала поверхностными все аналогии журнала, т.-е. именно все попытки сравнительного анализа русских общественных отношений. Она заставила „Нар. Дело“ ограничиться голым констатированием „эксплоатации“ рабочего класса в России, не входя ни в анализ экономического характера этой эксплоатации, ни в анализ составных элементов этого класса. Она повинна в том, что журнал преувеличивал значение общинного владения и не придавал достаточного значения индивидуальному характеру крестьянского производства. Игнорируя политико-экономический анализ, журнал не мог предвидеть всех путей развития в России капитализма при смене натурального хозяйства денежным. Много грехов еще числится за рационализмом „Народного Дела“. Но нужно сказать следующее: рационализм не составлял специально русского греха, он был свойственен и большинству западных социалистов 60-х годов, за исключением лишь Маркса и его ближайших сторонников. Только гений Маркса мог еще в 40-х г. подняться над современным ему состоянием общества, ясно видеть его историческое развитие и на прочном камне основать теорию социализма. Только он предвидел ход рабочего движения в гениально организованном им Интернационале, и его взгляды последовательно и полно усвоила лишь небольшая часть членов Интернационала. Но мы видели, что даже Маркс допускал в то время гипотетическую возможность „минования“ Россией капиталистического развития.

Поэтому, становясь на историческую точку зрения, мы должны признать, что в ошибках „Народного Дела“ (и вообще первоначального народничества) виноват был не столько рационализм, сколько самая новизна задач и невыясненность путей социалистического движения в России. С одной стороны, только время могло показать, насколько далек еще социальный переворот на Западе, и насколько быстро идет процесс развития в России капитализма; а с другой стороны—только практика могла

выяснить, насколько русское крестьянство способно к революционному движению; насколько поддается оно социалистической пропаганде; насколько общинное землевладение дает тому опору; насколько, наконец, правильно оценивает социалистическая интеллигенция свои силы и способности в деле пропаганды и организации, и какие препятствия ставят этому делу русские политические условия. А потому мы должны признать, что программа „Народного Дела“ стояла вполне на уровне международного социализма 1870 г.

Более того, эта программа была в то время единственно возможной и единственно обязательной для русских социалистов. Они не имели права отказаться от широких задач социальной революции в России, не испытав на опыте всех тех „возможностей“, о которых твердила теория, подсказывала, может быть, ошибочно русская жизнь и которые осуществлял, казалось, западный рабочий класс.

И, как известно, все русское социалистическое движение последующего десятилетия представляло собой именно такой опыт. А в ближайшие к „Народному Делу“ годы это движение почти с буквальной точностью шло по пути, впервые указанному в этом журнале.

Но мы должны при этом отметить одну характерную особенность, отличающую идеологию „Нар. Дела“ от всей последующей идеологии народничества: в литературе этого направления мы нигде не находим такого определенного и характерного соединения русского социализма с социализмом международным.

Правда, народничество не переставало высказывать свою солидарность с западным движением, на нем видны следы могучего дыхания старого Интернационала; но только в „Народном Деле“ ясен тот путь, которым Интернационал вошел в русскую программу, ясна до прозрачности смесь русского рационалистического социализма (Чернышевского) с основными положениями Интернационала. В этом мы видим едва ли не главный интерес идеологии „Нар Дела“, и потому мы считали необходимым возможно подробней изложить ее существенные черты.

Эта особенность взглядов „Народного Дела“ позволяет не только лучше осветить происхождение и составные элементы народничества, но и дает критерий для сравнительно-исторической оценки всего этого течения. Дуализм журнала, соединение в его взглядах двух противоречивых элементов—рациона-

лизма и научного социализма, конечно, могло быть только временным, характеризуя момент in statu nascendi. Дальнейшее идеологическое развитие могло пойти только в сторону одного из них в ущерб другому.

Первый путь мог вести к упрочению и развитию тех принципов научного социализма, до которых возвысилось „Народное Дело". Принцип единства исторических судеб народов и искание в русской жизни таких же точек опоры, на какие опирался западный социализм,—эти принципы могли бы,—при неустанном приложении их к результатам социалистической практики—вызвать изменение программы в сторону последовательного марксизма. Но, будучи простым отражением единства международного движения, эта сторона воззрений, „Нар. Дела" потеряла под собой почву прежде, чем началась в России „практика": старый Интернационал в 1872—73 г. распался, и движение различных стран обособилось. А потому эволюция русского социализма направилась также по линии „обособления", по линии укрепления и развития ошибок, вытекавших из рационалистической точки зрения на общественные отношения. Всякие „аналогии" с Западом постепенно отходят на задний план, и их место занимают „самобытные" теории „критически мыслящей личности" и невозможности в России капитализма; разрывается единство политической и социальной борьбы; ослабевают даже традиции массового движения; „суб'ективное понимание истории",—временно допущенное в „Нар. Деле",—возводится в ранг „русской социологической школы" и увенчивает здание рационализма.

Но русский социализм в 80-х г. снова возвысился до общеевропейского уровня. „Группа Освобождения Труда" гораздо глубже и последовательней повторила работу „Нар. Дела". Она также признала „закон" тождественности исторического развития народов и также построила русскую программу на основах, „аналогичных" основам заладных программ. Но при этом она отрешилась от всякого рационализма и к анализу русских общественных отношений последовательно применила историко-материалистическую точку зрения марксизма. Однако, не следует забывать, что возможность полного слияния русского социализма с международным была обусловлена:

во первых, десятилетними успехами капитализма в России, которые приблизили свою социальную структуру к общеевропей-

скому типу и, в частности, усилили класс промышленного пролетариата,

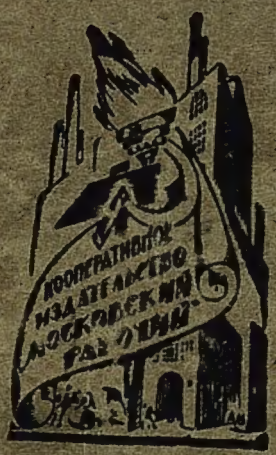
и, во вторых, международным укреплением социал-демократии и развитием теории марксизма.

Только эти условия дозволили русским марксистам стать на общеевропейскую почву, не отказываясь от самых широких задач социализма. Этих условий не существовало во времена „Народного Дела". Отсутствие их достаточно оправдывает ошибки раннего народничества.

Еще несколько слов о характере предлагаемой работы. Она посвящена преимущественно идеологии „Народного Дела"; фактическая сторона выяснена лишь постольку, поскольку это необходимо для определения личного состава группы, выразителем взглядов которой служил этот журнал, для определения личной связи этой группы с предшествующим русским движением. Но этот характер работы односторонен поневоле; он обусловлен отсутствием таких исторических материалов, которые позволили бы расширить рамки работы. Только тогда, когда такие материалы появятся, станет возможным осветить важные вопросы, пока остающиеся без ответа. Тогда можно будет выяснить, напр., точный состав группы „Народного Дела" и „Русской Секции"; ту степень полноты, в какой „Нар. Дело" отразило взгляды этой „Секции", связь „Секции" с современными ей кружками и группами в России и личное преемство с последующим социалистическим движением, особенно с группой „подготовителей" и журналом „Вперед"! Но мы полагаем, что даже в настоящих рамках наша работа может иметь известный интерес и значение; а если она послужит толчком к дальнейшей разработке очерченного периода, к появлению в печати воспоминаний участников движения того времени.—мы сочтем свою задачу вполне исполненной.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
„Молодая эмиграция“ (1862—67 г.г.)	9
Первый номер „Народного Дела“	17
Группа „Народного Дела“ (1868—70 г.г.)	26
„Народное дело“ и Нечаев (1869 г.)	29
„Русская Секция I-го Интернационала“ (1870 г.)	37
Деятельность „Русской Секции“ (1870 г.)	47
После 1870 г.	54
Общая постановка проблемы социализма в „Народном Деле“	58
„Народное Дело“ и I-ый Интернационал	67
„Народное Дело“ и социал-демократия I-го Интернационала	82
Обоснование русского социалистического движения	89
Полемика	100
Вопрос о социализме и политической борьбе	107
Вопросы тактики и организации	118
Итоги и выводы	126

Цена 75 коп.